

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ЗНАК СКОРПИОНА

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется за очередное расследование. От передозировки наркотиком погиб молодой человек. Казалось бы — печальный, но банальный случай. Но что символизирует скорпион, который является в видениях Яны и почему этот знак станет ключом к разгадке?

- [Анастасия Валеева](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
-

Анастасия Валеева
ЗНАК СКОРПИОНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Олег медленно шел по улице, погруженный в размышления. На этот раз отпрапляться на и так не слишком уж утомительную работу не было нужды. Предстояло значительно более важное и многообещающее, хотя и рискованное дело.

Симпатичный молодой человек, в дорогих модных джинсах, фирменной тенниске, открывающей мускулистые плечи и руки, с кожаной барсеткой в руках, привлекал взгляды многих проходящих мимо девушек и женщин. Их не отпугивала даже самодовольная ухмылочка юноши, знающего себе цену и его отрешенный взгляд. Молоденькие девчонки и женщины в возрасте невольно подтягивали животик, стремясь казаться стройнее, поблескивали заинтересованными накрашенными глазками и завлекательно покачивали бедрами, чтобы походка показалась как можно более сексуальной. Хотя, если бы они только знали, какие мысли бродят в голове этого пресыщенного обеспеченного херувимчика, то сразу бы оставили попытки ему понравиться.

Олега волновали в данный момент не женские формы, обливающиеся потом под жарким июньским солнцем.

«Я всегда знаю то, что меня интересует, — вспоминал он слова человека, сформировавшего его как личность, того, кто помог еще маленькому мальчику осознать жизненные приоритеты и собственные потребности. — Это сложное искусство, тебе еще предстоит ему научиться. Власть. Деньги. Информация. Именно из этих факторов складывается универсальная формула победы».

И Олег сейчас, как никогда, чувствовал себя победителем, хищником, отхватившим лучший, суливший значительные прибыли, кусок. Если все повернется так, как он наметил, очень скоро жизнь изменится в лучшую сторону.

Усмехнувшись при мысли о столь неожиданно подвалившей ему удаче, парень вспомнил также любимую поговорку своего, если можно так сказать, духовного отца и учителя: «Как говорил когда-то Эпикур, смертный, скользи по жизни, но не напирай на нее». Всю свою жизнь Олег предпочитал скользить подобным образом, выбирая, конечно, самые короткие, удобные и безопасные для него пути. Напирать и добиваться чего-то, перетруждаясь, как обычные люди было не в его вкусе. Олегу давно уже надоело слушать бесконечные нудные нотации матери о том, что всего

в жизни надо добиваться собственными усилиями, собственным трудом. Детский сад какой-то. Все его друзья катаются на иномарках, живут в своих собственных хатах, отделанных по евростандарту. Пройдет еще совсем немного времени, и он сам достигнет того же уровня.

Ну, а оправдать и представить неожиданно свалившееся богатство перед окружающими он сумеет, как-никак юридический заканчивает, пусть и коммерческое отделение. Да и дядя поможет. Олег знал, что умом его Бог не обидел, именно поэтому, ведя столь опасный образ жизни и совершая порой довольно рискованные поступки, он ни разу еще не поскользнулся и не пострадал.

А все началось так просто, так случайно ему счастье подвалило. Еще будучи сопливым мальчишкой, как Олег думал про себя, убежденный, что уж в данный момент он не менее, чем умудренный жизнью старец, успевший вкусить всего, а тогда в неполные восемнадцать лет в первый момент и не понял друга, поступившего учиться с ним вместе.

Этот ужеумудренный дворовой жизнью парень, видимо, тщательно изучив богатенького, но сообразительного и ушлого однокурсника, предложил получить кайф от ЛСД25. Всего лишь небольшая марочка, которую Олег положил под язык. В ту ночь они все отмечали какое-то событие на даче у однокурсника, так что родители не видели, во что превратился их сын, переполненный невиданной энергией.

Первые впечатления были незабываемы. Олег даже улыбнулся про себя вспомнив открывшийся перед ним мир ярких сказочный красок и волшебных видений, дарующих неведомые возможности и силу организму. Эта улыбка, осветившая и преобразившая правильные черты мальчишеского лица, заставила двух смешливых девчонок в нелепыхпереливающихся всеми цветами радугикоротеньких шортиках на мгновение замереть и затем захихикать с удвоенной силой, стремясь привлечь его внимание. Парень же широко и уверенно шагал мимоне обращая ни на что внимания. Олег вспоминал о том волшебном мгновении.

Он почувствовал себя заново рожденным. Хотелось повторить. Вот только Олег вовсе не был глуп. Он считал себя волевым и сильным из-за того, что не совершил тогда второй шаг и не ступил в рабство к белому порошку. Мальчишка даже не задумывался о том, что дело не только в его характере, уме и силе воли. Просто он уже был подчинен. Его душу закабалило преклонение перед идеалами того, кого он считал своим духовным отцом и учителем, то есть стремление, безоглядное и безоговорочное к деньгам и к власти. Золотой блеск застил глаза избалованного мальчишки, привыкшего получать все полностью и в

большом количестве по первому требованию. Вот только безоговорочно подчиняться, как требовал от него этот человек, Олег был не способен. Беспринципный и самолюбивый, он хотел быть первым и единственным, так что подвернувшийся случай помог ему скользнуть по жизни на новую ступень.

Тот разговор с однокурсником стал переломным в жизни Олега. Его учитель обещал многое, но не скоро. Деньги и власть должны были прийти, излиться золотым потоком, в качестве обещанного наследства, которое передадут из рук в руки. Но вот только когда? А самостоятельность, независимость от родителей и желанную роскошь хотелось как можно скорее, сегодня, сейчас. Вот поэтому предложение подзаработать, найдя свою клиентуру для белого порошка, показалось таким заманчивым. Бешенные деньги, идущие в руки ни за что, манили и завораживали.

Олег начал с распространения опиума. Черняга, как его еще называли, расходилась хорошо, особенно маляс, напоминающий пластилин в целлофановой упаковке. Через некоторое время дружок стал поставлять коцию — наркотик, который варится из маковых головок. А потом Олег перешел на героин, позволяющий быстро и плотненько подсаживать на иглу нужных людей.

Небольшой круг тщательно отобранной Олегом клиентуры расширялся постепенно. Больше всего он боялся засветиться. Причем опасался не столько милиции — был уверен, что отмажут, как своего учителя и духовного руководителя, которого подобное самовольство взбесит до безумия.

Именно поэтому никогда он не связывался с непроверенными, случайными нариками, знакомыми по институту или со двора. Он предпочитал самостоятельно выходить на малолеток, не знающих, кто он и как его найти. С ними было!!! безопасней. Соблазнить же подростков из обеспеченных семей его круга на получение кайфа было!!! плевым делом. Особенно клевали девчонки, вроде бы случайно познакомившиеся с симпатичным взрослым парнем. Они почти все были!!! не способны устоять перед его обаянием и накачанной фигурой.

Эти молоденькие и глупенькие телки были готовы на все — отдаться ли, купить ли наркоту или пойти за ним на край света. Самое главное, о чем Олег никогда не забывал: ни в коем случае они не должны были выйти на него, когда их пристрастие рано или поздно откроется и родители встанут перед фактом, что дитя уже торчит плотнячком. Ведь в таком случае, на кумарах, даже самая влюбленная девчонка забудет обо всем и выложит любому, как на духу, кто ей и что поставляет.

Один лишь раз, еще в самом начале он совершил эту ошибку, приручил своего друга, ставшего теперь настоящей занозой в заднице, да девчонку, хорошо знающую его настоящую жизнь.

Олег, заскочивший в остановившийся трамвай, нахмурился, вспоминая тот на редкость неприятный эпизод. Девчонку, прежде, чем она раскололась, тогда необходимо было устранить, как будто случайно. Это он понимал прекрасно, именно этому его учил человек, ставший в духовном плане важнее и ближе родителей. Сперва Олег, хотя он и не любил признаваться себе в этом, трусил, страшным образом. Теперь он лишь усмехался, вспоминая — дело-то было вернячком, на него никогда бы не вышли. Олег хотел даже к своему духовному учителю обратиться, да только повезло — девка та сама все развязала, облегчила труд.

Неожиданно нахлынувшие в этот жаркий день воспоминания скоротали путь. Насвистывая, Олег вышел из практически пустого трамвая на нужной ему остановке. Самая окраина города выглядела весьма отталкивающе. Полуразрушенные дома, в которых однако кто-то еще жил, перемежались весьма «ароматными» в эту жару мусорками. «Помойка, — процедил Олег сквозь зубы. Его тошнило от этого отталкивающего пейзажа. — Весь Тарасов помойка. Вот уеду в Москву...»

Олег огляделся. В такую жару на улицах практически никого не было!!! видно. Ему не нужны были!!! лишние свидетели, поэтому он не пожалел ни времени, ни сил, чтобы пройти через пустырь и обогнуть по задворкам несколько полуразрушенных заброшенных домов, сделав достаточно большой крюк на пути к ветхому заброшенному строению. Парень уже не первый раз там был!!! так что, хотя и морщась от представшей отвратительной грязи, быстро и ловко проскользнул в подвал. Там было!!! темно и прохладно. Олег огляделся. Пока никого не было!!! Видно и он приготовился к ожиданию. Но из самого темного угла неожиданно совершенно бесшумно выступила высокая тень. Парень вздрогнул и вгляделся:

— Это ты? — выдохнул он тихонько. — А я уж подумал... чужой кто. Принес? Клево! У меня мой поставщик сорвался пока. Не хотелось бы мутить в поисках.

Тень лишь кинула в ответ, не отводя взгляда от лица Олега. Через мгновение прорезался и голос.

— Качество обалденное. Попробуй вмазаться, оценишь. У меня и баян с собой. Немного там, только на пробу. Не брать же с закрытыми глазами.

Олег на мгновение заколебался. С другой стороны, он уже не раз нюхал героин, один раз и укололся, но старался держать себя в руках,

никогда не переходя за грань. Торчать он позволял себе очень и очень редко, так почему бы сейчас не попробовать новый товар?

Выразив согласие, Олег подстелил газетку, прежде чем присесть на какие-то запаршивившие тряпки, не заметив, как по губам собеседника скользнула и исчезла презрительная усмешка. Парень, перетягивающий вены, и не подозревал, что полученный кайф окажется последним.

* * *

В это утро Яна поднялась раньше, чем обычно. Быть может, всему виной была удушающая летняя жара, но ночь она провела довольно тревожно. Ее терзали старые мучительные кошмары, Яна то и дело беспокойно просыпалась и вновь погружалась в наползающий серовато-мглистой пеленой зев сна, заглатывающий ее мысли, чувства, волю и оставляющий лишь распростертое на постели беспомощное тело.

Можно было, конечно, ранним утром распахнуть окна, оставить включенным вентилятор и отдохнуть дальше, но вскоре должна была прийти посетительница. Она позвонила Яне вчера вечером и договорилась о встрече.

Дело в том, что Яна Борисовна Милославская обладала паранормальными способностями, позволяющими ей выполнять работу сыщика-экстрасенса. Поэтому звонки и просьбы о встрече со стороны незнакомых ей людей, преимущественно находящихся в каких-то затруднительных для них, экстремальных, порой трагичных ситуациях, Яну уже не удивляли.

Но, с другой стороны, какое-то беспокойство, появившееся во время телефонного разговора с незнакомкой, не исчезало. Смутная тревога была вызвана тем, что низкий, бархатистый, с появляющейся в минуты сильного волнения приятной хрипотцой, голос просительницы на мгновение показался Яне знакомым. Возможно, именно поэтому она с нетерпением ожидала, когда наступит назначенное время.

В десять часов утра в прихожей раздался звонок. Джемма, двухгодовалая среднеазиатская овчарка, мгновенно вскочила со своего коврика и кинулась во двор быстрее хозяйки. Она решила проинспектировать гостей и сразу же устранить возможность появления какой-либо опасности. Так что, когда Яна прошла по тропке к калитке, овчарка уже предупреждающе рычала, глядя на стоящую за заборчиком женщину.

— Фу, Джемма, — проговорила Яна, ласково потрепав собаку по холке. Затем она открыла калитку и взглянула на гостью.

— Здравствуйте... Яна Борисовна? Я — Сизова Дарья Владимировна, это я вам вчера звонила, — спокойно проговорила незнакомка, с некоторой опаской поглядывая на собаку.

— Да-да, проходите, — Яна немного отступила, позволив посетительнице проскользнуть во двор. Янино секундное замешательство было вызвано тем, что при звуках голоса немолодой худощавой женщины в элегантном и отнюдь не дешевом бежевом брючном костюме ощущение «déjà vu» немного усилилось. Милославской даже показалось: сейчас ей станет ясно, где и когда произошла забытая ею встреча. Но какая-то стена вновь закрыла нахлынувшие было воспоминания непроницаемой белой пеленой. Лишь в одном Яна была твердо уверена — этого лица с резкими, выразительными чертами раньше она никогда не видела.

Яна решительно отбросила в сторону все свои эмоции, сдержанно улыбнулась посетительнице, вновь окинула ее внимательным взглядом и пригласила в дом. Женщине, вызвавшей непонятное замешательство Яны, было за сорок. Ее ухоженное, хотя и утомленное и даже изможденное в этот момент лицо было по-своему привлекательно. Резкие и выразительные черты подчеркивал безупречно наложенный макияж, видимо, скрывавший следы вчерашних слез и переживаний.

Джемма, стоявшая рядом с хозяйкой, внимательно наблюдала за гостей. Весь ее вид показывал: незнакомая женщина, какой бы милой и обаятельной она не показалась Яне, у верной Джеммы все еще на подозрении. Столь явно демонстрируемая преданность и предусмотрительность собаки вызвала слабый отблеск улыбки на губах посетительницы.

Закрывая калитку, Яна заметила, что незнакомка прибыла в сопровождении какого-то мужчины. Его фигура виднелась за рулем припаркованного рядом оливкового «мерседеса». Этот неподвижный силуэт за затемненными стеклами почему-то вызвал недовольство овчарки. Отвлечшись от Сизовой, которую умная собака, видимо, посчитала не столь уж опасной, Джемма посмотрела через забор в сторону машины и зарычала.

— Ну-ну, девочка, — успокоила ее Яна. — Все в порядке, пошли домой.

Но Джемма не пожелала отправляться вслед за хозяйкой. Она уселась прямо у калитки и принялась наблюдать за машиной. Малейшие перемещения в ней вызывали глухое враждебное рычание.

Еще раз скользнув по машине и застывшей собаке взглядом, Яна пожалала плечами и проводила неожиданную гостью в свой кабинет, предлагая:

— Что-нибудь выпьете? Кофе, сок или что-нибудь покрепче?

— Нет, спасибо, — посетительница устроилась в кресле, окинув рассеянным взглядом кабинет. Было заметно, что ей нелегко изложить причину, побудившую прийти к экстрасенсу, но она решительно взяла себя в руки. — Должно быть, вы помните Коробко Юлию Борисовну? Вы помогли найти ее дочь.

Яна, конечно же, не забыла взбалмошную тринадцатилетнюю девчонку, возомнившую себя влюбленной Джульетой и втайне сбежавшую к мужчине, втрое ее старше. Если бы не содействие Милославской, этот предприимчивый, хотя и очень обаятельный для юных вертушек делец, быстренько бы пристроил девочку на панель. У него уже было несколько подростков, таких же наивных, но мнящих себя взрослыми, как и Коробко. Сутенер запер несчастных запуганных девчонок в доме на окраине, ежевечерне доставляя туда не очень разборчивых в законности предприятия охотников до незрелых «Лолит».

— Мы с ней соседки, — продолжала тем временем Дарья Владимировна, — давно знакомы, и именно она порекомендовала вас, когда мой сын... еще только пропал.

Женщина замолчала. Некоторое время она тщетно копалась в сумочке, низко опустив голову, пытаясь справиться с волнением и удержать подступившие слезы. Яна, почувствовав жалость к этой сильной женщине, которую, видимо, выбило из колеи какое-то действительно трагическое событие, предложила ей сигареты. Но Дарья Владимировна уже пришла в себя:

— Спасибо. Я не курю, но вы, если хотите, курите, — тут же прибавила она, видя, что Яна отложила сигареты в сторону. Затем женщина продолжала жестким и решительным тоном, не позволяя эмоциям вновь захлестнуть ее. — Так вот. Мой сын пропал. Через два дня, в подвале заброшенного дома на окраине города, было найдено его тело. Милиция считает причиной его смерти несчастный случай, но я не могу в это поверить! Вы должны мне помочь! Мой мальчик не мог так погибнуть...

Женщина застыла, с холодной решимостью глядя на Яну. Казалось, именно это глубинное желание найти виновного в смерти сына и давало женщине силы функционировать, двигаться, дышать. Таким образом она обретала новую цель, движение к которой немного отвлекало от открывшейся страшной правды, что жизнь ее мальчика навсегда

перечеркнута какой-то неведомой силой. Яна почувствовала жалость. Конечно, она сама после потери мужа и сына обрела душевное равновесие другим образом, не бросаясь на поиски виноватых, но все же понять и посочувствовать Яна могла.

— Расскажите все по порядку, — проговорила Милославская успокаивающим тоном. — Как звали вашего сына?

— Олег. Ему исполнится... должно было через неделю исполниться 20 лет. Он никогда, никогда не принимал наркотики, а они сказали, что мой Олег был наркоманом и погиб от передозировки, — женщина почти что сорвалась на крик. Но на этот раз значительно быстрее взяла себя в руки и продолжила:

— Он пропал 3 дня тому назад. Мы, конечно, обзвонили всех его друзей, знакомых, родственников, обратились в милицию, хотя сперва они нас даже слушать не хотели. Вчера утром мне сообщили, что необходимо приехать на опознание тела.

— Это был он? — Яна говорила успокаивающе корректным голосом, чтобы взволнованная посетительница немного пришла в себя.

— Да. Его нашли в подвале заброшенного дома, на окраине города. Но чтобы они не говорили, я точно знаю — мой сын не наркоман! Скажите, вы возьметесь за это? Я хочу знать, убит ли мой сын, или его смерть действительно является случайностью. А если убит, то кем. Способны вы мне помочь? — женщина просительно смотрела на Яну. Затем торопливо продолжила:

— Ах, да, с деньгами... сколько бы ни стоила ваша работа, только скажите, я оплачу.

— Должна вас уверить, — проговорила Яна, внимательно глядя в лицо посетительнице, — что милиция все равно заведет уголовное дело и будет искать виновных. Даже при подобном случае передозировки так сразу, как вы говорите, «несчастливым случаем» дело признано не будет. Быть может, вам лучше положиться на работу наших правоохранительных органов?

— Нет! — Сизова решительно покачала головой. Ее губы сжались, вытянувшись в тонкую ниточку, а на лице читалась упрямство и некоторое высокомерие человека, убежденного в том, что лишь его решения и пожелания являются той осью, вокруг которой и вращается земля. — Меня не устраивает работа милиции. Они готовы все свалить на моего сына, а искать настоящего убийцу не намерены. Кроме того, мой муж депутат, — продолжала она доверительным тоном, — а милиция не может гарантировать, что при расследовании дела не будет должной огласки. Вы же на это способны, я надеюсь.

— Но я работаю в тесном контакте с милицией, — тут же настороженно заявила Яна. — Всю полученную информацию я предоставляю туда, так что, как видите, огласки избежать не удастся.

— Ничего! — на лице женщины была написана высокомерная самонадеянность. — Вы узнаете правду и докажете, что мой сын ни в чем не виновен.

— Ну что ж, — на первый взгляд дело не казалось слишком сложным, хотя Яна не доверяла подобным обманчивым впечатлениям. Милославская могла бы помочь этой сильной, волевой, но несчастной и потерянной в данный момент женщине. Она видела: мать ослеплена не только горем, но и безудержной любовью к своему ребенку. Яна же, несмотря на то, что жила довольно-таки уединенно и изолированно, прекрасно знала о положении в городе. Не стоило забывать: даже по официальной статистике практически каждый молодой человек или подросток попробовал в своей жизни не менее одного раз то или иное наркотическое вещество. А уж подлинный процент тех, кто попал в наркозависимость, несоизмеримо выше официальных, и без того пугающих, цифр.

При этом родители о проблемах своих детей очень часто узнают последними. Подлинная картина произошедшего с Сизовыми пока вроде бы вырисовывалась довольно ясно и без помощи паранормальных способностей Яны. Скорее всего, мать слепо обожает свое дитя, упорно не замечая появившихся в его поведении странностей — остекленевшего взгляда и суженных зрачков, неадекватного поведения, потребности в деньгах и прочих «маленьких радостей». И даже после столь очевидного разоблачения она предпочитает упорно закрывать на все глаза, веря в святость и непогрешимость своего великовозрастного дитяти. «Что ж, придется ее разочаровать», — подумала Яна, протягивая руку к картам и проговорив, глядя на застывшее в ожидании лицо:

— Я постараюсь оказать вам посильную помощь. Мой гонорар будет зависеть от результатов гадания. Если результат покажется вам удовлетворяющим, дающим ответ на ваш вопрос, то достаточно будет 30 долларов, пока в качестве аванса. Если же в дальнейшем, помимо этого сеанса, потребуются моя помощь, мы договоримся об оплате после, в зависимости от сложности дела. Но вы должны учитывать, что мои способности, хотя и уникальны, все же не позволяют сразу назвать имя убийцы.

После этих слов напряжение, ясно читаемое на лице внимательно слушающей женщины, несколько сгладилось, и она тут же извлекла из сумочки деньги, положив их на стол.

— Я согласна со всеми вашими условиями. Только узнайте, что произошло с моим сыном.

Женщина в ожидании уставилась на Яну. Милославскую как будто что-то кольнуло. Вновь проявила себя сгинувшая было непонятная и совершенно необъяснимая тревога. Почему-то вспомнилась массивная мужская фигура за затемненными стеклами припаркованного у дома автомобиля.

— Вас привез шофер? — мимоходом спросила Яна, перебирая карты в поисках нужной.

— Что? — женщина заворуженно глядела на необычные изображения на картах. Дело в том, что Яна рисовала их самостоятельно, изображая лишь ей одной понятные символы, помогающие настроиться на определенную ситуацию, восприятие образного ряда, энергии, увидеть находящийся на расстоянии объект. Неизвестным самой Милославской способом эти картонные прямоугольнички с нанесенными на них черной тушью рисунками приобретали таинственную магическую власть, помогая Яне сконцентрироваться, проявляя свои паранормальные способности.

— А, вы о мужчине в машине? — продолжила Сизова. — Это мой брат. Он очень помог мне... в это трудное время. Юрий взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. Брат очень и очень любил Олежку, понимал его. Сын и тянулся к Юре порой больше, чем к друзьям, — успокоившаяся было после трагедии ревность далеким отголоском прозвучала в этих словах. — Юра настоял на том, что проводит меня сюда.

— У вас нет какого-либо предмета, который ранее принадлежал вашему сыну? — вернулась к делу Яна, внимательно глядя в лицо посетительнице. Беспокойство не проходило, казалось, оно даже усилилось. — Также мне необходима его фотография.

Сизова тут же извлекла из сумочки две карточки и дорогую зажигалку с выбитыми на ней инициалами:

— Это последняя его фотография. Он снялся со своими однокурсниками две недели назад. Олег третий слева. Второй снимок сделан на Новый год. Здесь он один, крупным планом. Я сама фотографировала. А эту зажигалку я подарила Олежке в прошлом году на день рождения. Он почти не расставался с ней. Только в тот раз дома оставил.

Яна взглянула на фотографию, где рядом с роскошно убранной елкой стоял темноволосый юноша. Красивое, энергичное лицо резкостью и выразительностью черт немного напоминало мать. Открытая, доброжелательная улыбка. Вот только глаза молодого человека сразу не

понравились Яне. Они смотрели как-то холодно и отстранено.

На фотографии, где Олег был запечатлен вместе с однокурсниками, на первый взгляд он ничем не выделялся из группы бравирующих молодых парней. Вместе с ними он заливался смехом, откинувшись за столом и дружески обхватив за плечи нахмурившегося рядом с ним худенького паренька, выглядевшего значительно моложе. Яна внимательно изучила фотографии, затем взяла протянутую зажигалку, подержала ее, ощущая, как быстро металл теплеет, погладила пальцем инициалы. Тем временем другую руку она положила на извлеченную из колоды карту «Взгляд в прошлое».

Милославская откинулась в кресле, прикрыв глаза. Правая рука лежала на карте, в левой она держала зажигалку. Первые несколько минут ничего, предшествующего появлению видения, она не ощущала. В голове даже мелькнула мысль, что на этот раз карта не сработает. Затем Яна нащупала на зажигалке кнопку, откинувшую крышку. Появился маленький язычок почти невидимого при свете дня пламени. Яна, слегка прикрыв глаза, вглядывалась сквозь огонь в лицо на фотографии.

И вот уже она окружена пламенем, слабые красновато-желтые отблески которого невероятным образом преломляли лицо юноши. Постепенно красноватый цвет охватывающего сознание Яны пламени становился все более ярким, сочным, насыщенным, заполняя все вокруг, ослепляя. Милославская на мгновение ощутила охвативший ее нестерпимый жар, потеряв при этом способность что-либо видеть. Когда жар немного схлынул, в глазах прояснилось, хотя странные черные пятна, какие бывают после того, как в летний день посмотришь на яркое солнце, не исчезли, создавая впечатление взгляда сквозь мифическую, призрачную вуаль.

Перед ней по-прежнему было лицо юноши. Открытые, остекленевшие глаза сперва немного испугали ее. Яна поняла, что, хотя и она вернулась в прошлое, но юноша уже умирал. Побледневшее лицо в полутьме мрачного, сырого подвала казалось серовато-пепельным. Милославская с трудом заставила себя отвести взгляд от его неподвижных немигающих глаз. Неведомым образом они притягивали ее, манили и увлекали, зовя в какой-то страшный путь, в бесконечный черный тоннель, из которого нет ни выхода, ни возврата. Яна уже начала понемногу соскальзывать в этот неведомый жуткий путь, когда огромнейшим усилием овладела собой и отвернулась.

Подвал был большим и темным. Сперва Яна практически ничего не могла рассмотреть, так как призрачный лунный свет с трудом проникал

сквозь маленькие окошки, расположенные наверху. Милославская вновь вернулась взглядом к телу молодого человека, безжизненно распростертого на каких-то грязных тряпках. Скорее всего в этом подвале временами ночевали бомжи или собирались наркоманы, так как вокруг не только валялось несколько кучек тряпья, наверное, служивших постелью, но, в полутьме, виднелись также разбитые бутылки из-под спиртного, смятые грязные старые газеты, использованные шприцы и другой мусор. Неподалеку даже расположилась старая проржавевшая кровать с продавленной сеткой.

Яна уже было усомнилась в том, что подобное видение хотя бы немного прояснит ситуацию. Юноша лежал один. Но в этот момент она увидела слабый круг света, бегущий по полу и подбирающийся все ближе и ближе к безжизненному телу. На мгновение свет был направлен прямо в лицо Милославской. Она оцепенела в панике. Ей казалось, что неведомый, чьей фигуры из-за бьющего в глаза яркого света она не могла увидеть, сейчас сам разглядит ее. Но луч скользнул дальше.

Ослепленная, несколько секунд Милославская ничего не видела. Затем она поняла: темная фигура с фонариком склонилась над юношей, быстро извлекла что-то у него из карманов, положила рядом с его рукой шприц, сжав послушные пальцы парня так, чтобы на нем остались отпечатки. Человек с фонариком, а Яна не могла рассмотреть даже очертаний его фигуры, вновь протянул руку к лежащему неподвижно телу, но в этот миг внимание женщины переключилось и сконцентрировалось на руке убийцы.

Яна смогла заметить небольшую деталь, четко врезающуюся ей в память — на мгновение перед глазами застыло запястье крепкой руки, по всей видимости, мужской. Сперва кроме темных волос, которыми поросла рука, ничего разглядеть она не могла. Но вскоре, как будто пелена спала с ее глаз — на коже проступил небольшой рисунок, размером со вторую фалангу большого пальца.

Скорее всего это была татуировка. Она изображала искусно выведенного черной тушью маленького изогнувшегося скорпиона. Татуировка была довольно-таки мала, кроме того ее так скрывала в первый момент черная поросль на руке, что не присмотревшись специально, трудно было что-то разобрать. Хотя сейчас, когда она заметила рисунок, Яна удивлялась, как это раньше не разглядела скорпиона. Милославскую, с того самого момента, как она его увидела, рисунок притягивал с мистической силой. Казалось, он с огромной скоростью приближается, все увеличиваясь в размерах. И вот уже скорпион, размером с откормленного кота, зашевелился прямо перед ее глазами, стремясь кинуться в прыжке и

укусить.

В последний момент черные пятна, словно вуалью отгораживающие женщину от окружающего ее мира, стали расползаться все быстрее и быстрее, закрывая видение и возвращая женщину в беспросветный мрак.

Яна вскрикнула и открыла глаза. Яркий свет солнечного летнего дня слепил ее, заставляя вновь зажмуриваться. Когда же Милославская окончательно пришла в себя, перед ней предстало ошеломленное лицо Сизовой.

— Яна Борисовна, что с вами? — испуганно повторяла она. — Вам плохо? Нужна помощь? У вас что-то с сердцем?

— Нет-нет, все в порядке, — все еще слабым голосом проговорила Яна. — Ваш сын был в темных, скорее всего, черных джинсах и светлой тенниске? На руке дорогие массивные часы фирмы «Роллекс», золотые или золотистого цвета?

— Да, — в глазах Дарьи Владимировны читалась робкая надежда, смешанная с невольным уважением и даже некоторым страхом перед паранормальными способностями Яны.

— Я видела тело юноши, похожего на вашего сына. Не могу сказать, что также видела и убийцу, но какой-то человек присутствовал при последних минутах его жизни, — Яна чувствовала сильную слабость. Использование карт забирало много сил. Милославская перевела дыхание и продолжила:

— Неизвестный зачем-то подменил шприц. Вполне возможно, смерть вашего сына была не просто несчастным случаем. Кстати, есть ли среди ваших знакомых человек, имеющий на запястье правой руки татуировку в виде черного скорпиона?

— Так значит, все-таки убийство, — в голосе Сизовой слышалось какое-то злорадное удовлетворение. Возведенный в ее воображении на пьедестал образ безупречного идеального сына не рухнул. — А человека с подобной татуировкой точно не знаю. У нас и нет подобного контингента среди знакомых, — несколько высокомерно промолвила, немного подумав, Дарья Владимировна и продолжила: — Я надеюсь, что вы возьметесь за это дело? Деньги не будут проблемой. Только лишь назовите свою цену.

Яна с сомнением посмотрела на посетительницу. С одной стороны, женщина, как мать, потерявшая нежно любимого сына, вызывала сочувствие, несмотря на присущее ей некоторое высокомерие и самодовольство, но с другой, что-то, связанное с этим делом, настораживало и беспокоило Милославскую. И все же ей самой хотелось понять, почему голос Дарьи Владимировны временами кажется ей смутно

знакомым и даже вызывает бессознательное беспокойство и тревогу. А для этого не следовало прерывать сотрудничество. В результате, данные соображения побудили Яну заявить:

— Я попытаюсь найти убийцу или же того человека, который присутствовал при последних минутах жизни вашего сына. Но хочу сразу предупредить, что мне нужно время. В качестве аванса, если мои условия вас устраивают, я прошу 200 долларов, и лишь в том случае, если я выполню взятые на себя обязательства, вы заплатите мне еще тысячу.

Яна в ожидании смотрела на Сизову. В глубине души она даже немного надеялась, что ту не устроят предложенные экстрасенсом условия. Но женщина с восторгом ухватилась за предложение.

— Да, конечно, — Дарья Владимировна извлекла изящный кожаный кошелек из сумочки, подобранной в тон к костюму, и отсчитала четыре новенькие купюры. Положив их на стол, она с ожиданием уставилась в лицо Яны, как будто предполагая, что та тут же, сидя в кресле, примется вычислять своими чудодейственными способами убийцу.

Яна поднялась и проговорила:

— Я буду держать вас в курсе дела и со своей стороны надеюсь на ваше содействие. Мы еще побеседуем, а сперва мне необходимо кое-что выяснить. Когда состоятся похороны?

— Завтра, в 12 часов. Вот моя визитка, — женщина извлекла из сумочки картонку с серебряным тиснением. — Здесь указан мой телефон и адрес.

Сизова с некоторым сожалением поднялась и, наконец-то, удалилась. Яна проводила ее и вновь села в кресло, раздумывая. Она чувствовала усталость и слабость. Использование карт довольно-таки сильно ее изматывало, но, несмотря ни на что, Милославская решила сразу же приняться за дело. А для начала она собиралась побеседовать с Руденко.

Яна придвинула поближе телефон и принялась набирать знакомый номер. Лейтенант Руденко в данный момент, по ее предположениям, должен был находиться на службе.

Милославскую с милиционером связывали полу-деловые полудружеские отношения сотрудничества. Семен Семенович Руденко неоднократно лично убеждался в способностях Яны как экстрасенса, помогающего ему расследовать очередное дело. Так что относился лейтенант к ее гипотезам и просьбам уважительно, хотя в беседах порой и стремился высказать некоторый скептицизм и насмешку. Просто его практичный, приземленный склад ума никак не желал спокойно воспринимать столь абстрактные и необъяснимые категории, которыми

оперировала Яна.

Поэтому всякое очередное утверждение Милославской, основанное на информации, почерпнутой из видений, Руденко встречал с наигранной иронией и недоверием. Вероятно, это помогало лейтенанту чувствовать себя уверенно, не страдая от того, что женщина, не имеющая никакого отношения к милиции, способна раскрыть дело, с которым ему не справиться.

Яна дозвонилась до кабинета Руденко довольно-таки быстро. Трубку подняли после первого же гудка и бодрый молодой голос произнес:

— Сержант Томилин слушает.

— Здравствуй, Саша, — Яна была знакома со многими подчиненными лейтенанта, а с Томилиным как-то провела немало времени, ожидая когда появится убийца. Но, на всякий случай она уточнила:

— Это Милославская. Семен Семенович сейчас очень занят?

— Он на задании. — голос сержанта стал еще более жизнерадостным. Видимо, отдыхать в кабинете начальника, дежуря у телефона, было значительно веселее беготни под палящим солнцем у очередного трупа. — Где-то в вашем районе, кстати.

— Когда появится, попроси, чтобы перезвонил мне по важному делу, ладно?

Яна распрощалась с сержантом и задумалась. Пока в ее распоряжении было не так уж много информации, чтобы начинать действовать, но все же она решила еще раз попытаться счастья с картами.

Просмотрев десять имеющихся у нее в данное время карт, Яна задумалась, какой отдать предпочтение. Каждая карта действовала по-своему, обращая внутренний взгляд экстрасенса в прошлое, будущее, или позволяя ей понять настроение, состояние, в том числе и физическое, человека, а также воздействовать на чье-то сознание. Но в данный момент Яна остановилась на карте «Джокер» или, как она ее еще называла, «Сюрприз». Дело в том, что этот картонный прямоугольничек с изображенным на нем лукаво улыбающимся месяцем, все время преподносил Яне сюрпризы. Видения, возникающие при использовании «Джокера» сперва казались непонятными, но в дальнейшем помогали взглянуть на обстоятельства дела по-новому. Кроме того эта карта требовала вдвое меньших затрат энергии.

Яна устроилась поудобнее в кресле, положив правую руку на карту, лежащую на столе. Она смежила веки и погрузилась в странное, полудремотное состояние. Карта, расположившаяся под рукой, стала каким-то необъяснимым образом излучать тепло, нагреваясь все сильнее и

сильнее. В то же время Яна словно погружалась в прохладный, застилающий все вокруг, серый туман. Милославская проваливалась в эту серую, вязкую массу, охватывающую все ее тело липкими, холодными щупальцами страха. И в тот момент, когда она уже начала задыхаться, неизвестно откуда взявшийся ветерок разодрал в клочья обступившую Яну серую мглу и перед глазами предстала неожиданная картина. Это была фотография. Большая овальная фотография в черной траурной рамке. Янана отрываясь, смотрела на полудетское лицо темноволосого мальчика. Взгляд его был серьезен, а на плотно сжатых губах не появлялось и тени улыбки. Яна пристально всматривалась в лицо, чувствуя какую-то странную тревогу.

Лишь через мгновение она осознала, что отступивший туман открыл перед ней большое пространство, залитое ярким солнечным светом. Неизвестным образом внезапно Яна почувствовала за спиной какое-то движение. Она резко обернулась и вдруг поняла, что находится на кладбище. На этот раз перед ней оказалось сморщенное тонкогубое старческое лицо с суровыми глазами: «Митяева Ирина Владимировна 1834–1923», успела прочитать Яна, когда на памятник уселся большой черный ворон. Видимо он и привлек ее внимание. Как в замедленной съемке Яна завороченно наблюдала за тем, как клюв ворона раскрывается. Затем она услышала какой-то резкий, раздражающий звук и картинка стала рассыпаться перед ее глазами, будто выстроенная из песка.

Яна застонала, приходя в себя. У ее ног поскуливала Джемма, вопросительно глядя в лицо хозяйки. Собака словно спрашивала, почему Яна на этот раз не собирается открывать дверь нежданному посетителю, чей звонок и привел женщину в чувство. Милославская переборола внезапно нахлынувшую слабость, заставившую налиться свинцом ее ноги и руки, и отправилась к калитке. За ней переминался Руденко, со встревоженным выражением на простоватом-крестьянски широком лице.

— И что же у тебя на этот раз приключилось? — недовольным тоном проговорил он, с беспокойством глядя в лицо Яны.

— А ты откуда здесь взялся? — ответила она вопросом на вопрос. Слабость понемногу проходила и голос Яны звучал хотя и слабо, но уже более уверенно.

— Да вот, был поблизости, а как сообщили, что ты меня разыскиваешь, решил заскочить. Ну, пригласишь меня к себе, или у тебя там какие-нибудь духи на шабаш собрались? — Руденко с иронией смотрел в лицо Яны весьма довольный своим остроумием.

— Проходи, — Яна подумала: сейчас, несмотря на жару, необходимо

выпить чашечку кофе, которая поможет окончательно прийти в себя. — Что будешь пить? Твоего любимого портвейна у меня нет, но кофе, сок, минералку или коньяк предложить могу.

— Портвешок бы сейчас неплохо, — мечтательно протянул Руденко, имеющий среди сослуживцев прозвище «Три семерки», за любовь к одноименному напитку. — Но я в данный момент на службе, — тут же с наигранной строгостью приосанился лейтенант. — Так что давай минералку.

— Вольному воля, — пожала плечами Яна, оставив лейтенанта устраиваться в кабинете, и отправилась на кухню.

Через несколько минут кофе был сварен в маленькой серебряной джезве, а Руденко получил бутылку ледяной минеральной воды и стакан.

— Ну так что тебе от меня было нужно? — на кажущемся с первого взгляда простодушным и открытым лице Семена Семеновича читалось нескрываемое любопытство. Сотрудничество с Яной хотя порой и несколько, по его мнению, уничижало прямую милицейскую натуру, все же оказывало значительную помощь, увеличивая раскрываемость преступлений и избавляя от явных и безнадежных «висяков».

— Слышал о таком: Сизов Олег? Его труп был найден на твоей территории, — Яна выжидательно смотрела на Руденко, пододвигая ему пепельницу и доставая сигареты.

— Сизов... — в глазах лейтенанта тут же промелькнуло не только понимание, но и явное раздражение. — Блин, как вы все мне осточертели. Не дают работой спокойно заниматься, все какие-то фокусы. Ты-то тут при чем? — почти простонал он раздражено.

— Ко мне приходила его мать. А что такое, давят сверху? — проявила проницательность Яна.

— Еще как давят, — Руденко нервно задымил сигаретой. — Еще и дело завести толком не успели, как тут же на ковер к начальству вызвали. «К этому делу необходимо подходить с осторожностью, особое внимание, деликатность, это дело не простое, сын депутата областной думы, Сизов-отец собирается баллотироваться в госдуму, такие связи, о результатах докладывайте лично мне...» — лейтенант попытался передразнить своего начальника, произнося эти слова высоким фальцетом, но голос его от возмущения постоянно срывался.

— Ну и как успехи в деликатном раскрытии преступления?

— Висяк, явный висяк, — Руденко тяжело вздохнул. — Да и что можно узнать? Банальная передозировка, уголовное дело-то заводить не хочется. Как будто у меня мало других преступлений и трупняков.

— Да нет, Сеня, я думаю, что на этот раз передозировка не столь уж банальна.

— Что, высшие сферы нашептали? — лейтенант язвительно смотрел на Яну.

— Вот-вот, именно они.

— И что же именно ты увидела? — с притворным равнодушием и наигранной насмешкой проговорил «Три семерки». Он явно повеселел. Надежда на то, что гиблое дело, за которое придется отвечать перед начальством по особой статье, будет раскрыто с помощью Милославской немного воодушевила его.

— Тело лежало в подвале заброшенного дома, — медленно проговорила Яна. — Было темно. Наверное, ночь. Олег, видимо уже умирал, когда к нему подошел кто-то с фонариком в руках.

— А кто, кто это был? Опиши, — Руденко, забыв о своем скептицизме просительно заглядывал ей в глаза, как ребенок в ожидании сладкого.

— Если бы я видела! Темно, а мне прямо в глаза фонарик светил. Я могла хорошо разглядеть только то, что попадало в круг света от его фонарика. Так вот, этот человек подошел к телу, забрал какой-то небольшой предмет из кармана и заменил шприц на другой. Все, — усмехнулась она, взглянув на Руденко, застывшего в ожидании. Яна не собиралась рассказывать ему о непонятном видении кладбища. Она пока еще не знала, какое отношение имеет это видение к делу. — Теперь твоя очередь. Делись информацией.

Руденко надулся, высказывая важность должностного лица, облеченного властью:

— Я не имею право разглашать тайну следствия, — высокомерно проговорил он, но через минуту, сбавив тон, прибавил:

— Что тебя интересует?

— Все, Сеня, все. Что вам известно о мальчике, о его семье, друзьях, врагах, ну не мне тебе объяснять.

— Олег Викторович Сизов, двадцать лет, — забубнил Руденко недовольным голосом. Конечно, ему очень хотелось принять помощь Яны в расследовании, но при этом он ждал, что именно Милославская будет поставлять ему сведения, а не наоборот. — окончил местную школу номер десять, в армии не служил, папочка отмазал, — усмехнулся он в усы. — Поступил заочно в тарасовский филиал Московского юридического института, подрабатывал в фирме «Терра» у своего дяди Альбина Юрия Владимировича помощником консультанта по юридическим вопросам.

Жил вместе с отцом, Виктором Александровичем, бизнесменом и, одновременно, депутатом областной думы, и с матерью. С ней, я так понимаю, ты уже познакомилась?

Яна кивнула. Она с нетерпением ожидала продолжения, пока Руденко пил минералку и прикуривал новую сигарету из предложенной Яной пачки.

— Ну а поближе к делу? Что обнаружила экспертиза, какие вы успели произвести «следственные мероприятия», так это у вас называется?

— А что экспертиза может обнаружить? Следов насилия на теле нет, умер от большой дозы героина. «Дорог» на руках, правда нет, но это ни о чем еще не говорит, возможно он кололся недавно, а раньше глотал «колеса» или нюхал.

— Что такое «дороги»?

— Отстала от жизни, — снисходительно усмехнулся лейтенант. — Сейчас каждый малец знает, что это ряд следов от уколов. Но для этого надо, конечно, колоться не один месяц. Тело было обнаружено в подвале старого заброшенного дома на окраине города, не так уж и далеко отсюда, между прочим. По нашим сведениям, в этом подвале иногда бомжи ночуют, а чаще подростки собираются, потусоваться, как мой малец говорит, а проще говоря, кольнуться да потрахаться.

Яна недовольно поморщилась.

— Ну что я сделаю? Если это интересы большинства молодежи, — продолжил раздражено Руденко, заметив ее недовольный взгляд. — Так вот, рядом дома тоже заброшенные, так что обнаружить свидетелей того, как туда попал Сизов и один ли он был нам не удалось.

— Ну а что удалось выяснить?

— Да в том-то и дело: ничего! — с досадой проговорил Руденко. — Обычно подобные дела не представляют из себя ничего сложного. Подъезжаем с нарядом во двор нарика, загнувшегося от передозы, подхватываем пару-тройку местных наркоманов и везем в отделение. Ну а наши методы воздействия ты, думаю, можешь представить, наркомана расколоть — раз плюнуть...

— Только не надо подробностей, скажи, удалось ли что-то узнать?

— Я же тебе говорю: ничего особенного. Знают они Олега, что-то про него слышали, видели во дворе, а вот употребляет ли, сказать не могут это уже подозрительно.

— Почему?

Руденко тяжело вздохнул и снисходительным тоном, как маленькому ребенку, принялся объяснять:

— Потому что все наркоманы в одном дворе чаще всего прекрасно

знают друг друга. а уж барыг, нупродающих наркотики, тем более. а тут ни то, ни се. Странно все как-то. Если передозировка случайна, где он наркотики достал? Ох, и не нравится мне это дело.

— В институте искали? Можету него там связи?

— А то мы маленькие, без тебя бы не додумались, — искоса глянул на Яну лейтенант. — Они заочники, если ты изволила позабыть. На коммерческом отделении сессия уже закончилась, все разбрелись по городу, кто где живет, да по району. Там ведь не только тарасовские учатся. Не успели мы еще. Работы, мать вашу, и так полным полно, как будто на мне одно это дело висит, — продолжал ворчать он. — а тут еще на фирме этого дяди копать надо, можетплемянничек там наркотики добывал.

— А что Олег делал в тот день, когда пропал, вы узнали?

— Родители сообщили, что отец в восемь утра уехал на работу. Мать чуть позже, приблизительно в девять часов, отправилась в магазины и навестить приболевшую подругу. Вернулась она около четырех часов дня. Олега дома уже не было.

— Соседи? Слышали что-нибудь? — Яна придвинула пепельницу чуть поближе и пристально посмотрела на Руденко. Тому не очень-то нравилось, что его так допрашивают, контролируя проделанную работу. Но Яна, понабравшись опыта, подходила ко всему последовательно и внимательно.

— Яна Борисовна, вы в своих заоблачных сферах просто оторвались от жизни! — Руденко глубоко, с удовольствием затаился и иронично посмотрел на Яну. Таким официальным обращением он подчеркивал свое несколько нарочитое удивление. — Совсем представления не имеете о том, как нынче живут любимые нами «слуги народа»? Там элитная многоэтажка, один подъезд. Вахтера нет, зато домофон, сигнализация и видеокамера, срабатывающая вместе с домофоном у подъезда. Вход и выход есть также через гараж, расположенный под домом. На каждом этаже по две двухъярусные, ну, двухэтажные, квартиры. В соседней живет Воронцова Анна Дмитриевна.

В голове Яны созрела идея. Она перебила Руденко, быстро спросив его:

— Ты не мог бы рассказать по-подробней об этой соседке?

Руденко пожал плечами.

— У меня есть кое-какая информация, — неохотно проговорил он. — Мои ребята копали в этом отношении. Но там все чисто. Уж больно дамочка глуповата. Милая, конечно, я сам с ней разговаривал, красивая, обаятельная, наивная, как ребенок, но ума — кот наплакал. Ее супруг, Воронцов, был сыночком какой-то шишки, жил в Москве, но приехал по

делам в Тарасов и познакомился тут с молодой красавицей Анной. Ну, как ты понимаешь, сказочный финал, — Руденко презрительно усмехнулся, в сказки он явно не верил. — Короче, предприимчивого бизнесмена в Москве скоро грохнули, а Анна вернулась к мамочке в Тарасов вместе со своей народившейся от прекрасного принца доченькой. На оставшиеся от мужа деньги она смогла приобрести крутую квартиру. Теперь живет там с матушкой в роскоши.

— А дочь?

— Умерла в прошлом году. Насколько я знаю, покончила с собой. Но зачем тебе все это нужно? Мы уже копали в этом отношении — как раз в этот день у Анны была племянница с супругом в гостях, они все совершенно ничего не слышали.

— Да я вовсе и не об этом, — отмахнулась Яна. — Ты не знаешь, в каких она отношениях с соседями?

— В хороших. Я узнал, что она много общалась не только с Сизовой, но и с ее сыном. Мы уже допрашивали ее.

— Опиши мне Воронцову, — Яна была настойчива.

— Красивая. Ростом чуть ниже тебя, каштановые волосы, чаще всего укладывает их в узел, пухленькая, хотя и не толстая, карие глаза, нос с маленькой горбинкой. Лицо такое у нее, отрешенное что ли, — добавил затем лейтенант — безразличное.

— Понятно, — вернулась Яна, к прежнему вопросу. — А о перемещениях Олега в этот день вам больше ничего не известно?

— Мать сказала: он к десяти должен был на работу подъехать. Но там мне заявили, что он не появлялся. Ну как тут расследовать, — патетически продолжил Руденко, — если я даже толком допросить никого не могу? Хотел с папашей побеседовать, а тот на меня презрительно смотрит. Чуть я только пытаюсь узнать, не замечали ли они: балуется сын наркотиками или нет, цедит: «Не переносу глупых и бестактных вопросов. Кто там у вас начальник? Я ему сегодня позвоню...»

— Да уж, тяжело тебе, — насмешливо взглянула на насупившегося лейтенанта Яна. Она легко встала с кресла и отправилась на кухню попутно интересуясь у Руденко:

— Ну что, тебе бутерброд соорудить? Голодный, наверное?

— Не помешает, — обрадовано проговорил тот, отправляясь следом за хозяйкой.

Джемма, спокойно лежащая у входа в комнату, потянулась и важно зашагала перед милиционером. Своим мощным корпусом она перекрывала узкий коридорчик, не позволяя Руденко двигаться быстрее, как того

требовал его проголодавшийся организм. Лейтенант досадливо крикнул, глядя на собаку, которая, словно издеваясь, неспешно шагала прямо перед ним и даже остановилась на минутку, чтобы задумчиво почесать у себя за ухом задней лапой.

— Вот ведь вредная скотина, — пробормотал Руденко, без особой неприязни глядя на овчарку. Та, словно понимая его слова, оглянулась, зевнула и улеглась на пороге кухни, загораживая милиционеру проход.

— Яна, что за шуточки у твоего пса? — недовольным голосом проговорил тот, уставившись на хитрую бестию.

Милославская, глядя на застывшую за дверью фигуру грозного милиционера, усмехнулась и велела Джемме освободить проход. Собака уступила и разлеглась посреди кухни, предано охраняя хозяйку. Прикрыв глаза она смотрела на лейтенанта, как бы насмехаясь. Вообще-то у нее с Руденко отношения были неплохими, поэтому «Три семерки» не обиделся, восприняв подобный поступок как своеобразное проявление собачьего юмора.

Яна поставила перед лейтенантом тарелку с наспех приготовленными бутербродами. Руденко ухватил самый большой и впился в него зубами, пока Милославская засыпала в джезvu очередную порцию мелкого помола порошка.

— И как ты в такую жару пьешь горячий кофе? — проговорил он с набитым ртом.

— Просто, Семеныч, просто, — улыбнулась Яна, внимательно следя за золотистой коричневой пеной. — Давление низкое, только кофе помогает чувствовать себя человеком, а не развалиной. Ты лучше мне скажи, могли ли мальчишку убить из-за деятельности его отца? Чтобы надавить на депутата? Я слышала, сейчас почти все преступные группировки держат своих, «карманных» депутатов, прикармливая их со своего стола. Может Сизов им чем-то на этот раз не угодил? Или двурушничал?

— Ты меня не учи, как работать, — вновь недовольно заговорил лейтенант, застыв над тарелкой в сомнении: съесть ли сперва бутерброд с сыром или отдать предпочтение хлебу с беконом. В конце концов бекон победил. — Мои люди уже работают в этом направлении.

По недовольному тону Руденко Милославская поняла, что успешной эту работу пока никак не назовешь. В это время раззадорившийся лейтенант с особой энергией принялся проклинать все дела, связанные с наркотиками, политиками, богатыми и влиятельными бизнесменами, вылезшими за последние годы из грязи в князи. Яну эта тирада немного утомила, так как ее приятель не забыл пройтись и по любимой теме —

неравнозначной оплате услуг экстрасенса и милиционера.

— Я-то знаю, как ты добиваешься успеха в тех делах, на которые у нас просто не хватает сил и времени, — с неприятной усмешкой, увлекшись, проговорил лейтенант.

— И как же? — Яна иронично смотрела на него, полуприкрыв веки и с наслаждением затягиваясь сигаретным дымом.

— Ну как же! Такие деньги везде помогут проникнуть. Потом, эти твои видения на тарелочке с голубой каемочкой ответ на любой вопрос шутя преподносят! Только руки подставляй для гонораров от благодарных нанимателей.

— Успех — дитя интуиции, таланта, в конце концов еще и случая, но больше всего, огромного желания и терпения, — негромко проговорила Яна, глядя на Руденко таким уничижительным взглядом, что тот даже немного смутился. Но через секунду вновь забубнил о своей несчастной судьбе и о препятствиях на своем пути.

В результате тирада закончилась одновременно с бутербродами. Внимательно взглянув на опустевшее блюдо, как будто надеясь обнаружить там что-то, помимо крошек, Руденко немного виновато пробормотал:

— Спасибо, — он словно осознал, что не очень-то прилично гостю, угощаясь, еще и критиковать хозяев, с помощью каких бы потусторонних сил они не зарабатывали бы деньги. Кроме того, ему, конечно же, хотелось навести мосты для дальнейшего сотрудничества. Особая деликатность, которую необходимо проявить при расследовании этого делаго несколько смущала.

— Ну, если что-нибудь узнаешь, звони. Буду ждать, — неловко проговорил он, стряхивая крошки с пышных усов.

Руденко взглянул на часы и заторопился на работу. Джемма лениво поднялась проводить его до калитки вместе с Яной после чего, виновато глянув на хозяйку, улеглась во дворе, отыскав там тенечек. Яна в это время задумалась о своих дальнейших действиях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дело действительно было не самым легким. Судя по видению, кто-то все же имел отношение к гибели мальчишки. Можно предположить, что смерть все же была случайна, а неизвестный просто обнаружил тело. Но в таком случае, зачем был заменен шприц? Наиболее вероятным Яне казалось, что шприц заменили для уничтожения на нем отпечатков пальцев убийцы. Ведь в тот момент, когда его видела Милославская, неизвестный был, несмотря на жару, в тонких черных перчатках. Если же он сам делал мальчишке укол, тоскорее всего перчаток у него в тот момент не было.

Вот только почему нет следов борьбы, сопротивления? Можно предположить, что либо Олег не противился, сам дал согласие на укол, либо он был в бесчувственном состоянии. Но в таком случае его наверняка бы ударили или отравили, усыпили, а следов подобных действий не обнаружено. Следовательно, он знал предложившего ему наркотик человека и даже доверял ему. Значит убийцу следует искать среди друзей и знакомых Олега.

Но каков же мог быть мотив? Яна последние несколько лет была не по наслышке знакома не только с экстрасенсорикой, но и с некоторыми зачатками сыщнической работы, поэтому знала: большинство дел, как говорил Руденко, раскрываются в том случае, если удастся выяснить мотив. То есть «Qui prodest»? Кому выгодно? При этом не следовало забывать, что выгода могла выражаться не только в виде богатого наследства от убиенного дедушки, то есть сугубо в материальной форме, но и в том, что устранив кого-то человек возвращал или обретал таким образом определенный душевный комфорт. Конечно, если равновесие в душе и помраченном рассудке убийством вернул себе какой-то маньяк, понимание мотива не так уж сильно облегчала поимку убийцы. Но вот убийства из страха, ненависти, мести, ревности, устраняющие негативный раздражитель, таким образом вычислить было легче, так как круг подозреваемых значительно ограничивался.

В таком случае, конечно, как Яна уже намекнула Руденко, нельзя было отказываться от версии, что убийством Олега желали наказать папочку-депутата. Быть может он не угодил кому-то из криминальной среды.

Мотивы могли быть и другие, но Яна ни на секунду не забывала, что главной причиной, способной побудить некоторых на совершение убийства, являются желание власти, куда входит убийство из-за денег, ведь

они также дают власть, отчаянное положение, вынуждающее защищать свою жизнь и имущество. Конечно, могли быть и другие мотивы. Но при первом знакомстве они практически не просматривались. Яна решила прежде всего как можно больше узнать о молодом человеке.

Беспокоило Милославскую и то непонятное видение, которое она получила, используя карту «Джокер». Что обозначали эти могилы, к чему они вели и на какую мысль наталкивали? Призрачность всего представшего тогда перед ее глазами смущала и тревожила. Вероятно, стоило отыскать увиденные могилы и рассмотреть их внимательнее. Вполне возможно, это натолкнуло бы Милославскую на какую-то дельную мысль, позволяющую узнать что-то о неизвестном убийце, а может даже и встретить его. Некоторой сложностью являлось неясность и размытость видения. Яна не представляла, какое именно кладбище ей привиделось. Если оно находилось в Тарасове, не возникало никаких проблем. Но ведь видения не ограничивались пространством города. Можно было обратиться за помощью к Руденко, но ведь Яна еще и сама не могла предположить, что ей даст эта могила. И все же план, как узнать, есть ли нужная ей могила в Тарасове, Милославская выработала.

В таких раздумьях прошел оставшийся день. Яна решила приступить к изучению обстановки на следующее утро, после похорон. Именно там она и хотела в первый раз визуально познакомиться с друзьями и родственниками, среди которых, вполне возможно, и скрывается, по ее предположениям, убийца.

* * *

На следующее утро, после легкого завтрака, состоящего из кофе и стакана апельсинового сока, Яна в задумчивости остановилась перед своим гардеробом. Она собиралась отправиться на похороны Олега, чтобы приглядеться там к людям, окружавшим ранее покойного, и теперь необходимо было выбрать подходящий наряд.

Одеваться во все черное в такую жару она не собиралась — все-таки Милославская не только не относилась к родственникам и близким друзьям, но даже и никогда не видела юношу живым. Визуальное знакомство через видение никак нельзя было засчитать. Но и проявлять неуважение, нарушая принятый этикет не хотелось. Конечно, Яна собиралась держаться все время в сторонке, наблюдая за присутствующими, причем не при прощании дома или в морге, а сразу на

кладбище. Остановилась она на темно-синей юбке и такого же цвета легкой блузе с вышивкой без рукавов. Босоножки с тоненькими ремешками дополнили наряд. Захватила она также и легкий лиловый шелковый платочек, который можно было накинуть на голову. В таком виде Яна не будет слишком выделяться среди скорбящих родственников и просто любопытных.

Кладбище находилось в противоположном конце города, так что уже в одиннадцать часов Яна вышла из дома, ласково сказав Джемме, вскочившей в надежде отправиться вместе с хозяйкой:

— Нет, девочка, тебе туда никак нельзя. Покарауль-ка лучше дом, а мне никакая опасность там не угрожает, — неосмотрительно проговорила она, не подозревая, что готовит ей этот жаркий день.

Джемма укоризненно посмотрела на хозяйку и обиженно улеглась у калитки, просунув свой нос через решетчатое ограждение. Всем своим видом она выражала оскорбленное достоинство.

Яна довольно быстро поймала машину. За рулем бутылочного цвета «девятки» сидел жизнерадостный мужичок. Услышав адрес, он сперва было заколебался, но затем, окинув женщину оценивающе-одобрительным взглядом, махнул рукой, приглашая садиться. Всю дорогу Яна мучительно пыталась сосредоточиться, обдумывая нелегкое дело и свои дальнейшие действия. Конечно, водитель, как Милославская и опасалась, всеми силами пытался ей в этом помешать. Мужичок ни на минуту не закрывал рот, комментируя все, что только попадалось им на пути, включая водителей других машин, ГАИ, погоду, предстоящий путь через весь город и саму Яну. Причем только последний пункт — то есть сама попутчица, воспринимались им одобрительно. В результате, расплатившись, Милославская стрелой вылетела из машины, до конца все еще не веря в чудо избавления от говорливого водителя.

Она прибыла на кладбище немного раньше, чем рассчитывала. Было еще только без четверти двенадцать и, вспоминая о видении, которое преподнес ей «Джокер», Яна решила пока прогуляться между могилами в надежде случайно обнаружить что-то из увиденного. Конечно, вероятность подобного была чрезвычайно мала, но все же стоило рискнуть.

Яна медленно побрела между рядами бесчисленных могил. Через несколько минут у нее уже рябило в глазах от множества однообразных памятников, навеки скрывших под собой чьи-то надежды и чаяния, горести и радости. В результате время пролетело незаметно. Спohватившись, Яна в последний момент отправилась к входу. Как она и ожидала, микроавтобус с провожающими Олега в последний путь, а также вереница легковых машин

притормозили прямо у входа. Ведь родители усопшего были не только очень богаты, но и влиятельны, так что почетное, лучшее место у самого входа на кладбище любимому сыночку было обеспечено.

Желающих проститься с Олегом оказалось очень много, причем как раз его ровесников по какой-то причине можно было пересчитать по пальцам. Большинство представительных, богато одетых людей, по всей видимости, являлись родственниками или имели отношение скорее к родителям, чем к мальчику.

Похоронная процессия с несомым впереди гробом двинулась вперед. Яна, стоя в стороне, внимательно наблюдала за присутствующими. Она решила как бы случайно завести разговор с кем-то из присутствующих. Конечно, можно было подойти к Дарье Владимировне, но Милославская желала найти человека, способного вести разговор и отвечать на вопросы, а не биться в истерике. Именно поэтому Яна решила выбрать себе в спутницы не родственницу, а ту самую соседку, которая, по словам Руденко, была так близка с Сизовыми.

Яна слегка отвернулась, чтобы не быть узнанной, когда четверо мужчин пронесли мимо роскошный гроб. За ним проследовали священник и, все в черном, скорбящие родственники. Первой шла спрятавшая в платочек лицо безутешная Дарья Владимировна. Ее поддерживал упитанный высокий мужчина с самодовольным лицом, несколько подпорченным читающей на нем скорбной растерянностью. За ними следовала молоденькая девушка и еще один мужчина, цветом волос и глаз напомнивший Яне Сизову.

Далее, видимо, прошли дальние родственники и друзья. Народу было много, но где-то ближе к концу процессии Яна выделила из толпы красивую, державшуюся чрезвычайно прямо, женщину с пышными формами, но довольно-таки тонкой для подобной фигуры талией. Черный цвет удивительным образом ей шел, оттеняя мягкие, почти детские черты лица. Она шагала как-то особняком и казалась несколько чужеродной этому сборищу представительных господ, старательно удерживающих на лицах напускную скорбь. Лицо же приглянувшейся Яне женщины сохраняло отрешенное, почти бесстрастное выражение. Лишь бросаемые время от времени рассеянные взгляды из-под черного кружевного платка развенчивали впечатление того, что женщина из-за глубокой скорби погрузилась в ступор и двигается чисто механически.

Яна незаметно пристроилась рядом. В руках ее был букет цветов, предусмотрительно приобретенный у ворот кладбища. Через несколько секунд Милославская демонстративно оступилась и подвернула ногу.

Тихонько ойкнувона как бы случайно оперлась на идущую рядом женщину.

— Простите, — еле слышно пробормотала Яна, делая вид, что очень смущена. — Мне так неловко, в такой скорбный момент... Вы не могли бы подержать секундочку букет, пока я поправлю ремешок на босоножке.

— Конечно, — женщина доброжелательно смотрела на Милославскую.

— Я вас раньше вроде бы видела, — Яна проявила чудеса догадливости, решив войти в доверие. — Вы случайно не соседка? Как-то я к Даше приходила и с вами столкнулась.

Яна желала расположить к себе женщину, которая судя по описанию, данному ей ранее Руденкой должна была являться Воронцовой. В то же время, с помощью ловкого маневра с якобы подвернутой ногой, она заставила женщину приостановиться, оказавшись в самом конце процессии.

— Извините, должно быть неудобно, что я вас обременяю в такой момент разговорами, — Яна была сама любезность. — Но, понимаете ли, я мать сестры племянницы Дарьи Владимировны, — с ходу наворотила она это хитросплетение родственных уз, надеясь раз и навсегда запутать новую знакомую, создав у нее ощущение, что Яна — родственница усопшего.

— Мы давно не виделись с Сизовыми, я уезжала на несколько лет за границу, — продолжала Яна. Тем временем свободной рукой, так чтобы не заметила ее новая знакомая, она потихоньку извлекла из кармана карту «Внушение» и сжала ее. Затем Милославская вздохнула:

— Раньше мы были так близки. Помню Олежика еще вот таким малышом. а теперь он без меня вырос, ничего о нем не знаю — сами понимаете, что такое письма да телефонные переговоры. К Даше с такими вопросами подходить неудобно — у нее горе, ей говорить об этом больно, а мне хотелось бы понять, что случилось с Олежкой, как он жил последние дни. Не могу поверить в случайность его гибели — мальчик из такой хорошей семьи не в состоянии стать наркоманом!

Женщина взглянула на Яну доброжелательно. Произнесенная той тирада произвела желаемое впечатление. Видимо, обмануть ее было не столь уж и сложно. В этот момент Милославская крепче сжала вспотевшей рукой карту, пытаясь воздействовать на сознание женщины. Первые мгновения та не поддавалась, даже возникло какое-то, совершенно неожиданное подсознательное противодействия — Яна поняла, что Анна даже собралась было избавиться от цветов, а также от их хозяйки и прибавить шаг. Но Милославская, делая вид, что боль в ноге все сильнее, опиралась на ее руку, крепко вцепившись в рукав черной блузки. Скандал в

таком месте незнакомке поднимать не хотелось и она временно смирилась с присутствием странной родственницы.

Тем временем Яна сосредоточилась на воздействии. Она понимала, что на человека, не отличающегося быстрым умом повлиять легче, так что особых проблем вроде бы не предвиделось: «Ты сейчас в неуравновешенном состоянии, — мысленно повторяла она, сконцентрировав свои силы. — Осознание близости смерти, скорбь нервирует и выводит тебя из равновесия. Поэтому ты открыта для моих воздействий». Яна решила внушить незнакомке приветливость, податливость, чтобы совершенно неосознанно та восприняла Яну в качестве старой подружки, с которой можно поболтать и посплетничать о знакомых.

— Как вас зовут? — голос Яны был успокаивающе вкрадчив.

— Анна, Анна Дмитриевна Воронцова.

«Видимо подействовало», — возликовала Яна. В то же время она чувствовала, что до конца женщина не поддается, ее сознание, словно пытаясь опомниться, сбросить себя чужую власть, стремилось замкнуться и отстраниться.

— А меня Яна Борисовна, но зачем нам эти церемонии, называйте меня просто Яной. Вы давно знаете Олега?

— Уже... да, больше семи лет, с тех самых пор как мы с Сизовыми стали соседями.

— К нему часто приходили друзья? — Милославская пыталась прощупать тему, которая помогла бы ей в дальнейшем расследовании.

— Нет, не очень часто. Иногда только девушки, пока нет родителей — разные девушки, Олег их часто менял. Он был такой непостоянный, кидался на все новенькое. И еще один мальчик приходил, Дима, я слышала, что они дружат с детства. Олег сам очень часто уходил к своим друзьям.

Яна чувствовала, что напряжение собеседницы нарастает. Чем-то ей была неприятна именно эта тема, поэтому Милославская перевела разговор на другое:

— А как вы сами относились к мальчику? Должно быть это страшный удар...

— Я? Мне Олег очень нравился. Но я научилась относиться к смерти философски. За мою жизнь пришлось похоронить столько близких, что испытывать такую боль я уже не в состоянии. Ведь рано или поздно такой момент наступит в жизни каждого. Смерть неизбежна и все зависит лишь от того, где была поставлена точка, каким умер человек — всеми презираемым, вызывающим ненависть или любимым и уважаемым.

Анна разговорилась. Яна видела ее раскрасневшееся лицо и понимала, что сила воздействия карты постепенно увеличивается. Видимо, что бы ни говорила женщина, эти похороны выбили ее из равновесия. Милославская решила перевести разговор на интересующую ее тему:

— Вы были дома в тот день, когда пропал Олег?

— Да, — мысли Анны все еще были заняты своими потерями.

— Скажите, быть может вы видели, что к нему кто-то пришел, слышали какие-то странные звуки?

— Нет, — покачала головой Анна. — Моя квартира довольно-таки большая, а перегородки хорошие. Даже, когда Олег очень громко музыку включал, у нас практически ничего не было слышно. Так что никаких звуков из коридора или от соседей в тот день не доносилось. Я была не одна...

В этот момент все подошли к могиле и Яна, как и Анна, решила не нарушать воцарившуюся тишину, прерываемую лишь густым басом священника. Она отложила карту и задумалась. Не так уж и много было получено информации от соседки. Впрочем, на большее Яна и не рассчитывала. Ей просто хотелось, так сказать, войти в обстановку, выслушать мнение окружающих о мальчике и его семье, прочувствовать обстановку.

Во время траурной церемонии Яна оглядывала присутствующих. Безусловно, спины представительных господ с супругами мало о чем говорили. Но ее больше всего интересовали в данный момент друзья Олега.

Молодых людей было не много. Прежде всего, еще раньше Яна отметила того худенького мальчика, которого она видела на фотографии рядом с Олегом. Он явно был в шоке. Видимо это Дмитрий, лучший друг. Его заботливо поддерживала симпатичная девушка с пышной шапкой обесцвеченных до платинового цвета волос, ее непокорные кудри с большим трудом удерживались маленькой черной кружевной косынкой.

Трое молодых людей, которых Яна также видела на фотографии, стояли несколько в стороне от родственников и прочих представительных гостей. Еще несколько парней и девушек по всей видимости пришли сюда вместе с родителями. «Скорее всегородственники», — подумала Яна. Больше всего ее удивляло именно отсутствие молодежи. Так что сразу после церемонии Милославская вновь принялась донимать вопросами Анну:

— А кто этот молодой человек, рядом с блондинкой?

— Дмитрий, лучший друг Олега. Они с детства общались, разве вы не помните? Перспективный мальчик из очень обеспеченной семьи, —

язвительно усмехнулась Анна. — И блондиночка эта очень перспективная. Сизовы уже распланировали было, что она станет супругой Олегу в будущем. Вот только он сам не торопился. Никак уговориться не мог.

— Я так давно не общалась с Олегом, — невинно проговорила Яна. — Помню в детстве он так легко заводил знакомства! а сейчас здесь так мало его друзей...

— Почему мало? — Анна удивленно взглянула на собеседницу. — Я же говорила, он почти никого домой не приводил. Олег был очень целеустремленный, — в голосе женщины прорвалась некоторая раздраженность, — он дружил лишь с теми, кто мог в дальнейшем принести какую-то выгоду ему или его родителям. Случайные знакомые, приятели «для души» ему совсем не нужны были. Он использовал людей, только умело использовал, — женщина говорила тихо и быстро, как в беспамятстве. Милославская даже наклонилась к ней поближе, боясь пропустить хоть слово и не зная, как долго будет действовать карта, вызвавшая данный взрыв откровенности. — Те, кого он удостаивал своей дружбой или «любовью», если это можно так назвать, сами были очарованы и считали его благодетелем. Умел Олежек, влезть в душу, — презрительно, почти с ненавистью усмехнулась она. — Прятал свою порочность, только я-то все увидела!

Яна задумалась. Эти слова несколько преображали лучезарный образ хорошего мальчика, нарисованного его матерью. Но, осознав сказанное, Анна вновь замкнулась, она и так сказала больше, чем надо, судя по напряженному лицу. Так что как Яна ни старалась, ничего интересного узнать об Олеге ей больше не удалось.

К этому моменту скорбящие уже подошли к своему автотранспорту. Анна, видя, что ее новая знакомая без машины, предложила подвезти. Милославская, которая вовсе не собиралась отправляться на поминки, тут же отказалась. Пришло время воплотить в жизнь намеченный план поиска привидевшейся ей ранее могилы.

Яна без особого труда обнаружила рядом со входом на кладбище небольшой обшарпанный домик, где располагалась администрация кладбища. Это было несложно сделать, так как из открытых окошек раздавался стук костяшек домино и отборный русский мат, без которого присутствующие там «джентельмены» не могли связать и двух слов. Яна проскочила в комнатку, где на старом застеленном рваными и грязными газетами столе валялись бумаги и стоял телефон. По всей видимости это и была контора. Мужик в грязной рубашке с красным откормленным лицом поднял на нее страдальческие глаза, еще не отошедшие с последнего

похмелья. На всю комнату от него разило перегаром, как от свежесорванной розы ароматом.

— Здравствуйте, — лучезарная улыбка засияла на лице Яны. — Мне необходимы сведения о номере участка, где захоронена моя прабабушка.

— Зачем? — после недолгой паузы, понадобившейся на обдумывание и переваривание информации, спросил мужик. Он смотрел на Яну так подозрительно, как будто она была по меньшей мере шпионом, пробравшимся в святая святых — в Кремль или даже к самой ядерной кнопке в портфеле президента и только лишь он остался последним заслоном между преступницей и предметом ее вожделенных мечтаний.

Яна, быстренько и незаметно извлекая десятку сказала первое, что только пришло в голову:

— Я хочу поставить новый памятник, гранитный. а в фирме требуют номер участка прабабушки. Кстати, выпейте за ее здоровье, помяните покойницу.

Яна не успела положить десятку на стол, как самым невероятным образом та исчезла, растворилась в воздухе. При этом мужик все также сидел насупившись. Затем, с большой неохотой он встал, подошел к полке с рядом папок и проговорил:

— Когда умерла, имя, фамилия?

Яна тут же выложила запомнившиеся ей данные:

— Митяева Ирина Владимировна 1923 год.

Бугай извлек папку и медленно принялся в ней копаться. Видимо, буквы и цифры отплясывали перед его глазами неведомую чечетку. Тут он спохватился:

— А месяц и число какие?

Яна, не имеющая об этом ни малейшего представления, тут же напридумывала себе провалы памяти, одновременно преподнесла мужичку пятидесятирублевую ассигнацию. Тот загоревшимися глазами глянул на деньги и задумался. Видимо этот процесс был несколько непривычен, а вот провалы в памяти как раз вполне близки и понятны. Кроме того, полученные бумажки жгли его карман, так что он всунул Яне в руки журнал, велел искать там прабабушку, пока он срочно отлучится по очень важным делам.

Когда «очень важные дела» были найдены и распиты, а покачивающийся, но очень довольный собою хранитель кладбищенского покоя вошел в комнату, Милославская успела не только обнаружить номер участка нужной могилы, но даже по валяющемуся на столе плану определить, где, приблизительно, он находится. Так что хозяин

преусловутого офиса лишь оглядел несколько осоловевшими глазами пустой кабинет, задумавшись, не приснилась ли ему неизвестная благодетельница, икнул, и довольный отправился играть в домино с приятелями-могильщиками.

Яна бодро шагала по кладбищу. Ряды бесчисленных могил уже не наводили на нее такую тоску. Ведь она совершенно точно представляла, куда направляется, хотя и не была уверена в том, что обнаружит. Путь Яны был недолгим — через пять минут она принялась внимательно разглядывать памятники в поисках нужного. Еще несколько шагов и перед ней предстало знакомое тонкогубое лицо суровой старушки. На секунду Яне показалось: вокруг воцарилась неестественная тишина. Медленно она обернулась, боясь и в то же время желая вновь увидеть лицо подростка на фотографии в черной рамке. Но Яна совсем забыла, что могилы стоят рядами, обращенными в одну сторону. Поэтому за ее спиной нужного памятника не оказалось.

«Что бы это значило? — подумала Яна, внимательно осматривая расположенные по соседству памятники. — Быть может, фотография символизировала что-то другое?». Поиски были безуспешны. Поблизости нужной могилки не оказалось.

Тогда Яна принялась рассматривать памятники, удаляясь все дальше от найденной прабабушки. Тревога в душе не утихала. Она описывала круги, удаляясь все дальше и дальше и почти что пришла в отчаяние. И лишь через двадцать могил от Митяевой на нее вновь смотрел этот темноволосый мальчик. Яна прочитала его имя и фамилию и задумалась. Несколько минут Милославская молча, очень внимательно смотрела на памятник. На душе ее было тревожно, но понять зачем видение привело ее сюда, она не могла.

Солнце пекло все сильнее и сильнее. Шагая по кладбищу к выходу, Яна почти задыхалась от заполнявшего легкие тяжелого зноя. Она решила поймать первую же встречную попутку и добраться до центра, чтобы оттуда позвонить Руденко.

* * *

— Семен Семеныч, — проговорила Яна, услышав в трубке недовольный голос лейтенанта.

— А, ты, — недовольства от этого открытия меньше не стало. — Что скажете? На похоронах заскучали?

— Твои люди там меня зафиксировали? Ты из-за этого теперь пыхтишь?

— Да мне-то что, иду куда хочешь, ты лучше выкладывай, с чем пожаловала, некогда мне тут рассусоливать.

Яна отрапортовала:

— Дай-ка мне адрес лучшего друга Олега и его девушки, которую родители все сосватать пытались.

— Подожди, — трубка надолго замолчала, и лишь когда Яна посчитала, что их давным-давно разъединили, вновь прорезался голос Руденко:

— Записывай адрес друга: Московская 25 дробь 11, квартира 8. А про какую невесту ты речь ведешь понятия не имею. Все. Пока.

В трубке послышались гудки.

Яна тут же отправилась по указанному адресу. Как она и ожидала, новенький дом в престижном районе был снабжен железной дверью и домофоном. Рассчитав, что с поминок молодой человек должен уже вернуться, Яна нажала на кнопку с цифрой 8. Через несколько секунд она услышала женский голос:

— Вас слушают.

— Мне необходимо поговорить с Дмитрием. Я от Сизовой Дарьи Владимировны.

— Поднимитесь на четвертый этаж.

В двери что-то щелкнуло и она открылась. Яна поднялась на лифте на четвертый этаж и позвонила. Открыла немолодая женщина в кокетливом чистеньком фартуке и косынке.

— Проходите, — приветливо проговорила она, заученная вежливая улыбка не затрагивала безразличных и усталых глаз. Она проводила Яну в просторную светлую комнату.

Удобные кресла с белой обивкой, изящная мебель из красного дерева, в стиле 80-х века, несколько картин и гобелен на стене обличали не только богатство нуворишей, но и полное отсутствие у них вкуса. Яна понимала, что вещи собраны, в принципе, ценные, но вот их неудачное соединение в одном помещении и расположение оставляло желать лучшего. За массивным столом из красного дерева сидел представительный худощавый мужчина с короткими светлыми волосами. Очки в дорогой оправе придавали ему вид интеллектуала, значительным образом прибавляя обаяния. Портило только лишь неприступное, настороженное выражение лица. Казалось, он, окидывая Яну внимательным оценивающим взглядом, как боксер на ринге примеривается, куда именно ударить будет вернее,

чтобы сразить противника наповал.

— Я вас слушаю, — сухим тоном проговорил он, по-прежнему пристально рассматривая Милославскую.

— Мне хотелось бы поговорить с Дмитрием, — вновь повторила Яна.

— Я его отец, смело можете изложить мне суть вашего вопроса.

По канцелярским фразам и роскошной обстановке Яна предположила, что данный раздувшийся от важности джентельменскорее всего работает где-нибудь в управленческом аппарате, если не области, то города Тарасова. Подумав, Яна решила на этот раз действовать открыто. Она без приглашения присела в кресло и обворожительно улыбнулась:

— Я по поручению Сизовой Дарьи Владимировны занимаюсь расследованием гибели ее сына, — Яна лишь не стала уточнять, что она не детектив, а экстрасенс. — Узнав, что ваш сын и Сизов раньше были друзьями, я решила поговорить с ним, чтобы узнать немного больше об Олеге и о его окружении.

— Моему сыну ничего не известно, — столь же неприветливо отрезал не представившийся джентельмен. — Совершенно незачем впутывать его в это дело. Его даже не было в городе в день смерти Олега. Он гостил у родственников.

— Никто и не подозревает вашего сына, — Яна вновь безуспешно пыталась воздействовать на мужчину своим обаянием. Он же от этого лишь становился угрюмее и неприветливее. — Я хочу всего лишь узнать от него об Олеге.

— Мой сын в данный момент слишком расстроен. Я же настоятельно рекомендую вам больше ничего здесь не вынюхивать и не приближаться к Дмитрию. На эту тему я побеседую с Дарьей Владимировной. Думаю, она будет полностью со мной согласна.

Яна не успела даже извлечь свои карты, чтобы тем или иным образом воздействовать на этого человека или хотя бы понять, по какой причине он так старательно выставляет ее из дома, как Никитин позвал женщину, видимо, прислугу, и строгим непререкаемым тоном приказал ей проводить Яну до выхода. Видимо, сам он уже определил, к какой именно категории по его личной классификации можно отнести Яну и как с ней при случае можно расправиться. Так что теперь она ему уже была не интересна.

Милославская не стала сопротивляться и настаивать, а спокойно удалилась. Выйдя из подъезда, она бросила взгляд на окна четвертого этажа. Ей показалось, что за раздвинутыми жалюзи мелькнуло чье-то бледное лицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понемногу приближался вечер, и Яна решила, не забывая в данный момент о делах, отправиться перекусить. Конечно, в такую жару есть совсем не хотелось, но все же она решила подкрепить свои силы. На ее счастье неподалеку в полуподвальчике расположился маленький ресторан с обманчиво невзрачной вывеской. Яна спустилась по ступенькам, открыла звонко тренькнувшую прикрепленным колокольчиком дверь и ощутила прохладу свежего от работающих кондиционеров воздуха.

Милославская приятно удивилась, обнаружив, что обстановка, выдержанная в бело-голубых и серебристо-стальных тонах, не только довольно-таки уютная и располагающая, но и чистенькая. Помещение было почти пустым, так как время обеда уже прошло, а ужина и ночных гуляний еще не наступило. Две симпатичные официантки в униформе весело шушукались и хихикали у стойки. Заняты были лишь два стола — за одним устроилась молодая парочка, а за другим восседала скучающая молодящаяся дама, лениво ковыряющаяся в тарелке с салатом.

Яна присела за столик, расположенный около окна. Время от времени она бросала взгляды на виднеющийся подъезд дома, где жили Никитины, а также на их машину. Она совершенно не обратила внимание на скользнувшего следом за ней и присевшего в противоположном уголке зала молодого человека с бородкой и в темных очках.

Обслуживание в ресторанчике соответствовало обстановке — не успела Яна устроиться за облюбованным столиком, как к ней подскочила официантка и предложила меню. Милославская мельком взглянула на список блюд и проговорила:

— Салат ассорти, минеральную воду и ванильное мороженное.

Официантка зафиксировала заказ в аккуратном маленьком блокнотике с прикрепленной к нему ручкой, поправила кружевную наколку на волосах и собралась вернуться к стойке. Но Яна, немного подумав, спросила у нее:

— Скажите, а можно от вас позвонить?

Взгляд официанточки тут же изобразил все испытываемое ею презрение при виде посетителей, зашедших в это заведение и не имеющих даже своего сотового телефона. Но в следующее мгновение, умело скрыв свои мысли дежурной улыбкой, она проговорила:

— Конечно, немного подождите.

Официантка удалилась, но уже через две минуты Яне на подносе был

преподнесена телефонная трубка. Милославская подумала, что это удовольствие ей непременно включат в счет, который наверняка окажется немаленьким. А пока она вновь набрала номер телефона, находящегося в кабинете у Руденко. И на этот раз ей повезло — лейтенант оказался там и сам взял трубку. Голос его был немного более приветливым:

— Лейтенант Руденко слушает.

— Это опять я.

— Зачем пожаловала? Что-то узнала новенькое?

— Пока еще нет, но, возможно, узнаю. Вот только мне понадобится твоя помощь, — демонстративное молчание в трубке показало, что особого восторга от данного факта Руденко не испытывает. Яна продолжила:

— Для начала скажи, ты беседовал с Никитиным Дмитрием?

— А ты с его папочкой знакома? — язвительности лейтенанта не было границ. Не выслушав ответа на данный риторический вопрос, Семен Семеныч договорил:

— А если знакома, то прекрасно поймешь, что к такой шишке на кривой козе не подъедешь. Он нас к сыночку и не подпустил. Тут же последовали указания сверху, что разговор с Дмитрием совершенно излишен, мальчика в это время вроде бы в городе не было, а кроме того не рекомендуется травмировать его чувствительную и ранимую психику.

— Понятно. Мне нужно, чтобы ты разузнал все о самом Никитине, особенно о его связях с Сизовыми.

— Ты хоть понимаешь, под кого копаешь? — голос лейтенанта внезапно стал очень серьезен. Знаешь, какую он должность занимает?

— Вот и расскажешь мне все, и какую должность, и что его связывает с депутатом Сизовым, и все остальное, что только узнать сможешь, а также о его сыне, кто он и что из себя представляет.

— У тебя, Милославская, совсем крыша поехала, — кратко прорезюмировал разговор Руденко и собирался было повесить трубку, когда Яна добавила:

— Да, и вот еще, — голос Милославской звучал несколько неуверенно, что удивило лейтенанта. Обычно Яна не колебалась, когда просила его о помощи. — Я хотела бы, чтобы ты узнал немного об Александре Тихонове.

— Это еще кто такой? — за ворчливым тоном Семен Семеныч скрывал свой интерес.

— Тринадцатилетний мальчик. Он умер семь месяцев назад. Узнай, пожалуйста, может ли он хоть каким-то образом оказаться связан с Олегом, Сизовыми или Никитиными. Быть может, умер таким же образом или знаком с ними были, ну, в общем, ты сам знаешь. Да, и вот еще о ком.

Яна продиктовала Руденко фамилию и годы рождения и смерти своей «прабабушки» — той старушки, чью могилу она также увидела в видении. Она не была уверена, что старушка действительно имела отношение к убийствам, уж больно давно она умерла, но все же необходимо было проверить все ниточки. Руденко, записав год рождения и год смерти Митяевой, недоуменно спросил:

— И что тебе от нас надо? Выкопать ее тело и проверить, нет ли там шприца с героином? Или допросить бабуську о знакомстве с потерпевшим? Что-то ты откровенной ерундой занимаешься.

— Нет, — Яна понимала всю зыбкость почвы, на которую она ступала, но все же проговорила: — Узнай, может родственники остались или что-нибудь еще, от чего она умерла, например.

Руденко молча повесил трубку, отказываясь комментировать явную ненормальность Яны.

После этого Милославская отложила телефон и принялась за принесенный ей услужливой официанткой салат. Медленно ковыряясь в овощах и освежая себя время от времени глотком минеральной воды, Яна краем глаза отметила какое-то движение у подъезда. Она насторожилась, но появилась лишь неизвестная ей молодая девушка, изящно усевшаяся в подкативший прямо к подъезду мерседес.

Милославская успела завершить легкую трапезу и заказать еще минеральной воды, когда наконец-то отметила, что из-за подъездной двери, как чертик из ступы, выскочил здоровенный бугай, которого Яна уже видела на похоронах. Он окинул внимательным профессиональным взглядом двор, отмечая, нет ли какой опасности, и подобострастно придержал дверь перед выходящим мужчиной. Яна уже подзывала официантку, чтобы рассчитаться по умопомрачительным, как она и предполагала, ценам, когда вслед за мужчиной, пошатываясь, вышел бледный молодой человек. Бугай, видимо, по совместительству работающий не только телохранителем, но и водителем, двинулся к джипу, открыть двери перед вельможным хозяином.

Не успела процессия погрузиться в автомобиль, как Яна уже поспешно покинула ресторанчик и выскочила на улицу, пытаясь остановить машину. Джип уже отъезжал, увозя Никитиных, когда перед Яной остановилась белая «волга». Мужичок, сидевший за рулем тут же поинтересовался:

— Куда подвезти-то, красавица?

— Следуйте вон за тем черным «джипом».

Яна заскочила в машину и уставилась на ускользящий «джип».

— Что, муж на сторону загулял? — водитель смотрел на женщину с

легкой усмешкой, как бы дивясь ревнивой подозрительности женщин. Он так бойко рванул следом за преследуемой машиной, что Яну вдавило в сидение. Тем временем говорливый водитель продолжал:

— Моя благоверная такая же. — он бубнил все это, искоса осторожно поглядывая на пассажирку, как бы опасаясь какого-нибудь подвоха. — Как домой приду, все рубашки осмотрит да обнюхает — нет ли губной помады, не пахнет ли женскими духами. А я вообще-то водитель, машина не моя. Иногда подкальмить удастся, хотя мой хозяин этого и не переносит. Так что ты уж аккуратно здесь, ничего не трогай, не кури — не дай бог заметит! И, — водитель немного замялся, — ты оплати уж тогда сразу, ну, хотя бы часть, а то знаю я вас, рванешь с мужем отношения выяснять, обо всем забудешь.

Яна молча достала деньги и вручила водителю. Увидев купюры, тот примолк и дальше послушно скользил за медленно едущим «джипом». «Куда же они направляются?» — ломала голову Яна. Вскоре машины оказались на самой окраине города. Проскочив Павловское ущелье, где на дорогах транспорта было все меньше и меньше, они оказались между рядами коттеджей, используемых богатыми горожанами в качестве дач. Водителю «Волги» приходилось держаться на значительном расстоянии, чтобы слезку не засекли.

Еще через несколько минут джип исчез за поворотом. Когда же «волга» вывернула следом, от преследуемого автомобиля не осталось и следа. Впереди простиралась дорога, на которой виднелся лишь здоровенный бензовоз.

— Нетути! — тут же с удовольствием проговорил водитель, притормозив. Данное приключение, пусть даже и щедро оплаченное, ему уже поднадоело и он вопросительно посмотрел на Яну, ожидая, что она велит завернуть. Но Яна застыла в нерешительности. Неподалеку расположилось несколько недостроенных дач, коттеджей, огороженных массивными решетками и заборами. За какими именно воротами исчезла машина было не так уж и легко догадаться. Тогда она извлекла из сумочки карты, в надежде, что они подскажут ей выход из данного положения.

Водитель удивленно смотрел на странную посетительницу, торопливо перебирающую картонные прямоугольнички с непонятными изображениями на них.

— Что вы делаете? — заикнулся было он, но Яна прервала на полуслове.

— Молчите! Не мешайте мне!

Водитель осторожно отодвинулся от ненормальной пассажирки,

проклиная в душе тот момент, когда ему угораздило вздумать подзаработать, подвезя привлекательную и вроде бы порядочную женщину.

Яна решила использовать карту «Взгляд в будущее». Почему-то ее преследовала мысль, что юноше угрожает какая-то опасность. Она накрыла карту рукой, откинулась на сиденье и прикрыла глаза. Как ни удивительно, в тот же момент, без предшествующего обычно видению медленного погружения, перед ее глазами возник четкий образ бледного мальчишки, уже виденного ею ранее на кладбище. Дмитрий стоял с перекошенным от боли лицом, сжимая кровоточащее плечо на фоне серой стены у отверстия между плитами. Это четкое и реалистичное изображение возникло так быстро и неожиданно, что в растерянности, едва образ вырисовался перед ней, Яна открыла глаза. Видение тут же пропало. В отчаянии Милославская вновь попыталась погрузиться в транс с помощью карты, но ей никак это не удавалось.

Когда водитель уже почти что потерял терпение и решил попросить выйти эту эксцентричную особу из салона, Яна ощутила, что она погружается в золотистое сияние. Ей казалось, жар, появившийся было лишь у ладони, прижатой к карте, постепенно расходится по всему телу, и она приближается прямо к яркому, слепящему оранжевому солнцу. Еще мгновение — и она уже сама является солнцем, испускающим пылающие лучи. И, как и солнце, наблюдает возникшую картину откуда-то сверху. Перед ней по узкой тропинке, между зарослями пышной растительности, шагали старший Никитин и представительный мужчина с седыми висками в белом халате. Горилообразный водитель ожидал, сидя в припаркованном рядом джипе.

Яна огляделась. Начинало темнеть. Знойное марево заходящего солнца немного приглушало краски пышной растительности. Высокий серый забор из бетонных плит с колючей проволокой наверху указывал на то, что проникновение хотя бы взглядом в это частное владение было практически невозможно. Двухэтажное здание с надежными решетками на окнах и бронированной дверью с расположенной над ним видеокамерой выглядело столь же неприступным. Двор зарос зеленью, хотя и выглядел ухоженным.

Яна вновь вернулась взглядом к шагающим по тропинке мужчинам. Никитин, выразительно жестикулируя, обстоятельно втолковывал человеку с седеющими висками какие-то инструкции, на что тот иногда отвечал подобострастными кивками. Внезапно внимание мужчины в белом халате привлекла фигура, появившаяся из-за двери здания. Он резко обернулся. По тропинке бежала симпатичная девушка в белом халате. Ее лицо было искажено, видимо, она кричала. Слова, казалось, пузырились, выплывая из

ее рта и зависая в застывшем воздухе.

Внезапно изображение начало сбиваться. Яна наблюдала, как постепенно движения всех привидевшихся ей людей замедляются. Как плавно поднимает ноги девушка и указывает рукой куда-то направо, в заросли. Как все медленнее и медленнее разворачивается Никитин и как заторможено достает из кармана сотовый телефон мужчина в белом халате.

Картинка почти остановилась, когда из-за плавно открывшейся двери показался накаченный короткостриженный парень с темными миндалевидными глазами в белом халате удивительным образом чем-то, возможно полным отсутствием интеллекта, вырисовывающегося в глазах, напоминающим гориллообразного водителя Никитина. Последнее, что застыло перед глазами Яны, было привлекательное лицо Никитина искаженное до звериного оскала, без очков, с запечатлевшейся на нем нескрываемой, откровенной яростью.

Эта застывшая четкая картинка казалось, навсегда впечаталась в память Милославской. Такая откровенная ненависть и злоба шокировала даже привыкшую ко всему женщину. Яна, обессиленная, с трудом открыла глаза. После взгляда в лицо водителя ей захотелось закрыть их вновь. Он не осмелился выкинуть щедрую чудачку из машины, но зато решительным голосом произнес:

— Мне ненормальные не нужны. Я возвращаюсь, а вы как хотите.

— Подождите, я вам заплачу, только останьтесь. Мне необходимо до вечера побыть здесь, — неловкими от слабости руками Яна попыталась раскрыть сумочку. Но даже возможность заработать не соблазнила бывшего ранее столь приветливым мужчину. Он принялся разворачивать на узкой дороге машину, намериваясь укатить из этого странно пустынного для летнего времени места.

Как Яна и опасалась, непонятное и необъяснимое с точки зрения обывателя поведение вызывало лишь враждебность и отторжение. Он не желал даже выслушать слова Милославской. Тогда она решительно распахнула дверь и выбралась из приостановившейся машины. Водитель, с написанным на лице облегчением, рванул в город.

Яна огляделась. Знакомый серый забор она увидела сразу и медленно, отдыхая после каждого шага, пошла туда. Конечно, ее видение показывало, что направится к выходу Никитин еще не скоро — солнце в данный момент стояло довольно-таки высоко, а события, привидевшиеся Яне, судя по освещению, произошли в предзакатные часы. Так что Милославская приготовилась к долгому ожиданию, сожалея лишь о том, что у нее с собой нет холодной воды, спасительной в такую жару.

Немного отдохнув, устроившись под деревом, стоящим возле ограды, Яна отправилась на разведку. Для начала она решила обойти вокруг неприступной ограды, окружающей здание. Она немало прошла, когда внезапно обнаружила щель между бетонными плитами. Яна тут же поняла, что это то самое место, где ей и привиделся Дмитрий. Она решила здесь и остановиться.

Не боясь испачкать юбку, Яна присела на стоящий рядом пенек и задумалась. Почему Никитин так старательно прятал своего сына от милиции и от нее самой? Что было известно Дмитрию? Связано ли это со смертью Олега? Множество вопросов роилось в ее голове, пока она ожидала предсказанного картами появления мальчика. Конечно, Яна вполне резонно опасалась, что это появление перед закатом могло произойти и не в данный день, а, предположим, через неделю или месяц. Но все же в ее душе сохранялось предчувствие, что именно сегодня она увидит юношу.

Яна прикрыла глаза и погрузилась в полудремотное состояние. Карты забирали много энергии сейчас ее мозг не в состоянии был дать удовлетворительные ответы на мучающие ее вопросы. Она почти задремала, когда какой-то шорох заставил внимательно взглянуть сквозь щель в виднеющийся за забором участок. Через мгновение перед ее глазами возник бредущий из последних сил юноша. Выражение лица Дмитрия было точно таким, каким и представляла его Яна. Бледный, с неестественно расширенными глазами, он сжимал рукой окровавленное плечо. Мальчишка, из-за худобы и бледности выглядящий совсем юным, был похож на загнанного зверя, запертого в клетке.

— Дмитрий, — негромко и ласково проговорила Яна, опасаясь, что услышав ее, напуганный мальчишка убежит. — Подожди, я помогу тебе.

Тот дернулся, задрожав всем телом, и едва не упал.

— Как мне отсюда выбраться? Как? — чуть не плача, еле слышно повторял Воронцов, прикикая к узкой щели. — Я вырвался, они меня еще не успели запереть... Эта дура ко мне спиной повернулась, а в приемной окно без решеток. Она не думала, что я сквозь стекло кинусь.

— Почему у тебя кровь?

— Кровь? — Дмитрий с некоторым удивлением, как будто он не знал о ране, взглянул на свою руку, сжавшую кровоточащее плечо. — Поцарапался, падая с дерева. Я через забор хотел перелезть, но не смога может порезал стеклом, когда в окно вылетал. Не важно, — его безразличие казалось просто жутким. Яна видела, что все мысли мальчика устремлены к единственной цели:

— Помогите мне выбраться, помогите.

Яна в отчаянии осознала, что не в силах выручить Дмитрия. Забор был слишком высок, а колючая проволока лишала их последнего шанса.

— Подожди. За что он запер тебя здесь? — Яна понадеялась, что узнав о незаконной деятельности старшего Никитина, сможет помочь его сыну.

— Сказал что здесь мне будет лучше, что меня вылечат. Боялся, что вы до меня доберетесь. А я не могу, мне нужна доза... совсем немного...

Милославская по расширенным зрачкам, бледности и нервозности юноши еще раньше начала догадываться, что у него ломка. Эти же сбивчивые слова лишили ее последних сомнений.

— Это клиника?

— Да, — казалось, робко блеснувшая надежда на освобождение помогла юноше немного взять себя в руки. Его речь стала более связной, а взгляд осмысленным.

— Дима, ты знаешь, что случилось с Олегом? Он тоже принимал наркотики? Это ты его приучил?

— Я? — юноша горько рассмеялся. — Это он, он первый предложил мне. Давно, года два назад. Я с тех пор успел плотнячком подсесть. Сказал, это клево, здорово, давай попробуем. Мы, говорил, колоться, как эти шизанутые нарики не будем, только понюхаем, побалуемся... Четверть чека принес. Какой я тогда кайф словил! Казалось, весь мир преобразился, краски стали другими, яркими, улетал... Через месяц кольнутья он меня уже легко уговорил. Совсем другой эффект. Даже не думал, что так быстро на иглу сяду...

Яна, опасаясь, что времени мало и вот-вот медсестра сообщит о пропаже Никитина, как это привиделось ей, перебила мальчика, поспешно спросив:

— А Олег? Он, значит, раньше тебя сел на наркотики?

— Какой там сел! — Дмитрий рассмеялся слабым лающим смехом, похожим скорее на слезы. От озноба его трясло все сильнее. — Он только других приучал. Девчонок в основном. Сначала он со мной откровенный был, а потом скрывал все, боялся, что кто-нибудь узнает. Он кроме меня никому из знающих его кайф не предлагал. С девчонками молоденькими знакомился под чужим именем и приучал их понемножку. А эти дуры даже не подозревали, кто он, да где живет. Идиотки только его, как барыгу, знали, приходили затариться на точку, куда он сам им скажет за баяном. А кому именно продавал, не знаю, он скрытный был, боялся всего. Сами знаете, кто его папаша.

Дмитрий, видимо, в своем состоянии не осознавал кем он в данный момент говорит и о чем. Поэтому и выкладывал всю информацию без

малейшей задержки.

— Олег, правда, сам тоже нюхал, но не так уж и много. Ему деньги были нужны. Он с детства жадным был, все под себя загрести хотелось. Поэтому и барыжничал. Отцовских денег вечно не хватало. Хотел роскошную машину купить, да с девочками оторваться любил. А за копейку удавить кого угодно готов был. Даже мне никогда в долг не давал, а ведь мы лучшими друзьями считались.

— А кто продавал Олегу наркотики? — быстро проговорила Яна, выжидательно глядя на собеседника.

— Если бы я знал... какой-то барыга, — невыносимое страдание исказило черты лица Дмитрия. Мысль о наркотиках, которые, по всей видимости, были ему совершенно необходимы, обостряла его боль. Яна видела, что еще мгновение, и он упадет перед ней на колени, совершенно потеряв рассудок, лишь умоляя об очередной порции. Поэтому она быстро перевела разговор на другое.

— Твой отец из-за наркотиков тебя так прячет или же тебе что-то еще об Олеге известно? — напряженно проговорила Яна. Чутье подсказывало ей, что каждая минута дорога.

— Можетон думает, что я был тогда с Олегом, или считает меня его убийцей— с жутковатым безразличием пожал плечами Дмитрий, на его лице выступили крупные капли пота. — На самом деле мой отец прекрасно знает, что в те дни, когда пропал Олег, меня не было дома. А где я был понятия не имеет. Он знает, что последнее время я Олега ненавидел.

— За что? — быстро прервала его Яна, но мальчик стоял, уставившись в одну точку и ничего уже не воспринимая.

— Так за что же ты Олега ненавидел? Все говорят, что вы были друзьями? — повторила еще раз громко и отчетливо Милославская.

Лицо мальчика исказилось. Он пробормотал:

— Это Олег приучил меня к героину, а потом в долг перестал давать. Из-за этого долга мои родители и узнали, что я колюсь. Папаша сразу запыхтел, — Дмитрий неприятно улыбнулся. — Боится, что на его безупречную репутацию теперь пятно ляжет, если вы обнаружите, что я наркоман, а к тому же и каким-то образом замешан в смерти Сизова. Отец ведь с Сизовым-старшим лучшие друзья. А папаше еще и имидж надо поддерживать. Правительственный человек, как-никак, начальство. Он меня сюда и пропихнул — его клиника-то. Здесь же места на год вперед забиты. У богатых и влиятельных предков много деток-нариков, не я один.

— А где ты все же был в те дни? — Яна упорно возвращала его к разговору об Олеге.

— У друзей. Я не помню. Но Олега, вроде бы, со мной не было. Мы у кого-то на хате были. Подожди... Олег мне что-то говорил, когда мы в последний раз виделись... Вроде у него новая партия от другого поставщика должна была поступить. Его барыгу то ли менты взяли, то ли свои хлопнули. Так что Олег перед этим пустой был. Я поэтому к Лешему с Барнаульской и смотался, что Сизов продать ничего не смог...

В это мгновение Яна услышала чей-то топот и радостный вопль. Как заяц рванулся было Дмитрий в сторону, но, судя по сдавленному крику, далеко от санитаров не ушел. Яна отпрянула от щели в страхе, что ее заметят. Она не могла забыть выражения ярости на лице Никитина-старшего. Милославская не сомневалась, что опасаясь разоблачения он способен пойти на крайние меры, в частности каким-то образом убрать ненужного свидетеля его позора.

* * *

Домой Милославская попала, когда было уже сильно за полночь. Ей пришлось долго брести по почти пустынной дороге в город, пока наконец-то сжавившаяся семейная пара, видимо, возвращавшаяся с дачи, не подобрала ее и подкинула до центра. После этого пришлось ловить попутку до дома.

Джемма металась за забором, видимо чувствуя, что хозяйке нужна помощь. От счастья, что с Милославской все в порядке, собака едва не опрокинула валяющуюся с ног от усталости Яну. На морде овчарки была написано такое облегчение и радость, что Милославская на мгновение присела, ласково обхватив руками голову умной псины, норвящей непременно лизнуть ее в лицо.

Затем Яна отправилась в ванную комнату. Она ощутила потребность принять ванну и расслабиться. Вода действовала на нее успокаивающе. женщина с облегченным вздохом погрузилась в прохладное, благоуханное море ароматических солей с изысканным запахом. Она привезла их из Парижа. Через мгновение Милославская почувствовала себя заново родившейся. Но неожиданно из комнаты до нее донесся настойчивый трезвон телефона.

Неприятное предчувствие на мгновение сжало ее сердце. «Кто же это может быть так поздно?» — устало удивилась Яна. Завернувшись в большое пушистое полотенце, она подбежала к без умолку звящему аппарату и подняла трубку.

— Алло, алло, я вас слушаю, говорите...

Молчание, прерываемое лишь чьим-то сдерживаемым дыханием, было ей ответом.

— Кто вы? Что вам надо? — Яна уже выходила из себя, но ответа не было. Незнакомый бросил трубку на рычаг.

Казалось, в этот бесконечно жаркий июньский день, завершившийся столь же бесконечной душной ночью, уже произошло все, что могло произойти, а конца неожиданностям еще не было видно.

Яна не одеваясь, босиком прошлепала на кухню, оставляя мокрые следы, засыпала проголодавшейся Джемме, оказавшейся из-за непоседливой хозяйки без ужина, корм и отправилась спать. Даже обдумать полученную информацию у нее не было сил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лучи жаркого полуденного солнца упали на кровать, разбудив Яну. Она с трудом открыла глаза. Несмотря на усталость, уснуть этой ночью ей удалось не скоро. Видимо, слишком много было впечатлений и переживаний. Джемма, не желая тревожить хозяйку, послушно ожидала ее пробуждения, лежа перед самой кроватью и выжидающе глядя ей в лицо.

Милославская на этот раз не стала разлеживаться в кровати, а сразу же отправилась в душ и на кухню. Чашка свежесваренного кофе быстро привела ее в чувство и Яна стала собираться. На сегодняшний день у нее было намечено множество дел.

Прежде всего она позвонила Сизовой и, выразив все положенное по правилам этикета соболезнование страдающей безутешной матери, доложила, впрочем, не уточняя, что расследование понемногу продвигается. Затем Милославская попросила клиентку договориться с братом, у которого работал Олег. Сизова, на удивление хорошо держащая себя в руках, тут же проговорила, что перезвонит Яне через четверть часа, после того, как свяжется с братом. В обещанное время раздался звонок. Милославская, с нетерпением его ожидающая, тут же схватила трубку.

— Яна Борисовна, — голос Сизовой был немного более оживленным. Видимо, общение с Яной, поддерживающее пылающее в душе пламя ненависти к жестокому убийце, отвлекало ее от тяжелых мыслей и переживаний. — Я поговорила с Юрием, братом, он сам готов заехать за вами и подвезти к своей конторе, чтобы вы побеседовали с людьми, знающими Олега. Минут через 50–40 Юра будет у вас.

В это время Джемма не сводила с хозяйки умоляющих глаз, всем своим видом показывая той, что одну, без защиты, больше ее не отпустит.

— Ну, ладно, ладно, девочка, — рассмеялась Яна. — Не ходи больше за мной хвостом и не смотри так жалостливо. Возьму я тебя на этот раз... хотя и не надо бы, — тут же добавила она, когда все прекрасно понявшая собака кинулась выражать Яне свою признательность, вылизывая шершавым языком руки хозяйки.

— Иди ко мне, — строго проговорила Милославская Джемме, стоя у двери. В руке она держала самый короткий поводок, который и собиралась укрепить на ошейнике овчарки. Она сама уже одела неброское голубое платье-тунику с воздушным длинным приталенным кружевным шелковым жакетом с короткими рукавами. Этот наряд удачно, по мнению многих,

подчеркивал фигуру женщины, казавшейся в нем совсем молоденькой, и выставлял на всеобщее обозрение ее длинные красивые ноги. Яна специально выбрала столь провоцирующий костюм, нежно льнувший к телу, чтобы отвлечь своих сегодняшних собеседников от задаваемых вопросов и от самой миссии Милославской, заставив расслабиться, отвлечься и задуматься совсем о другом.

Взглянув на часы, и убедившись, что до назначенного времени еще не менее 30 минут, Яна присела в кабинете, приготовив карты. Ей хотелось немного узнать об Альбине, так что она намеривалась использовать «Взгляд сквозь оболочку», помогающий проникнуться настроением собеседника, почувствовать его состояние, движения его души и устремления.

Но как только карты оказались в ее руках, из маленькой колоды выпала карта «Взгляд в прошлое». Джемма, быстрее молнии, метнулась под ноги Яне и осторожно держа глянцевый прямоугольничек в зубах, принесла хозяйке упавшую карту. Яна рассмеялась:

— Ну раз уж сама судьба опять вмешивается в мои дела и предлагает использовать именно эту карту, то нам с тобой, девочка моя, остается только послушно повиноваться.

Отложив остальные карты, Милославская задумчиво посмотрела на принесенную Джеммой. Изображенный под лакированной поверхностью загадочный глаз с ведущими к нему ступеньками, как бы манящими окунуться в неведомое, шагнуть в пропасть прошлого притягивал, приглашая погрузиться в потусторонний мир и открыть для себя новые истины.

Прикрыв глаза Милославская положила карту на стол, накрыв ее правой рукой. Медленно тепло стало распространяться под ее ладонью. Вот только, почему-то об Альбине думать в этот момент вовсе не хотелось. Напротив, все мысли Яны сосредоточились на Дарье Владимировне Сизовой, на ее загадочном, смутно знакомом и вызывающем неведомое беспокойство голосе. Карта под рукой, казалось, стала не только нагреваться, но и как бы немного вибрировать.

В то же мгновение словно тысяча крохотных льдинок ослепила Яну своим сиянием, вонзаясь в ее тело и даже глаза острыми краями. Все цвета радуги, отражаясь в их прихотливых гранях и переливаясь, промелькнули перед ее внутренним взором, подарив незабываемое ощущение счастья и покоя. После подобного нереального разноцветья окружающий мир, внезапно представший перед ее взглядом, показался удивительно тусклым и бесцветным.

Вот только понять, что именно появилось перед ее глазами Милославская практически не успела. Лишь показалось, что в ярком освещении окружающая ее со всех сторон белизна режет глаза. И ярким пятном с белизной контрастировал лишь алый цвет.

Затем неведомые звуки осколками боли вонзились прямо в мозг Милославской. Яну в самый неподходящий момент закружило сильнейшим потоком воздуха. Она оказалась в неведомой воронке, словно образованной из пыли. И через мгновение, открыв глаза, она поняла, что находится вновь дома. Карта не сработала из-за того, что в дверь позвонили, а возбужденная Джемма, почему-то настроенная очень негативным образом к неизвестному посетителю, захлебывалась в неудержимом лае, пытаясь привлечь внимание хозяйки. Такое неожиданное извлечение из видения плохо сказалось на самочувствии Яны. Она ощущала, не только бессилие, сильнейшее истощение, но и мучительную головную боль. Виски ломило, а в глазах мелькали черные пятна.

Яна несколько секунд приходила в себя, бессмысленно глядя на встревоженного пса, сидящего рядом. Джемма, заметив, что хозяйка очнулась, наконец-то уgomонилась и замолчала. Головную боль Яны усиливал лишь дребезжащий звонок. Через несколько секунд она встала, подхватив волочащийся за Джеммой поводок, и вышла, заперев за собой дверь и калитку. Неподалеку уже стояла новенькая «девятка» нежного сиреневого цвета. Представительный полный мужчина в темных очках, со внушительным животиком и небольшой проплешиной на темени, быстро вышел из салона и открыл перед Яной дверь. Милославская сразу его узнала — это именно он на похоронах шел рядом с Дарьей Владимировной и ее мужем. Заметив важно шествующую рядом Джемму, Альбин застыл, даже не распрямившись, как бы в полупоклоне.

— Простите, — лучезарно улыбнулась Яна. — Можно я с собачкой? Она у меня очень смиренная и послушная.

Словно специально опровергая эти слова, Джемма злобно уставилась на собеседника Яны и недовольно зарычала, обнажая мощные, слегка желтоватые клыки, способные легко перекусить руку мужчины.

— Джемма, — недовольно окрикнула ее Яна, резко дернув за поводок. — Это друг, понимаешь?

Собака с некоторым сомнением посмотрела на хозяйку, как бы спрашивая: «Ты сама хоть понимаешь, о чем говоришь?», но все же успокоилась и скользнула на заднее сидение. Милославская устроилась рядом и огляделась. В салоне была приятная прохлада кондиционированного воздуха. Видимо, и кабинет хозяина машины был

снабжен хорошим кондиционером, так как даже в эту жару на нем был не только белый костюм, но и даже несколько аляповатый, по мнению Яны, галстук и легки пиджак.

Усевшись в машину, мужчина обернулся и, наконец-то, соизволил представиться:

— Юрий Владимирович Альбин. Даша сказала мне, что вы хотите побеседовать с людьми, знавшими Олега на работе. Я отвезу вас туда. Надеюсь, сперва вы побеседуете со мной.

Джемма, после некоторых сомнений устроившись сзади на полу, а не на сидении рядом с хозяйкой, просунула свой нос между передними сидениями и враждебно уставилась на Альбина. Только послушание и желание угодить обожаемой хозяйке мешало ей выразить все свое отношение к этому неприятному, по ее собачьему мнению, типу. Ново всяком случае овчарка решила не спускать с него глаз, чтобы полностью контролировать ситуацию.

По дороге, которая заняла очень мало времени, так как оказалось, что офис Альбина располагался не в центре города, а неподалеку от местожительства Яны, Милославская молчала. Ей не хотелось перебивать разглагольствующего водителя или прерываться во время серьезного разговора в самый неподходящий момент. Прежде всего ее задачей было разобраться в настроении, душевном складе, типе характера собеседника, так что она предпочитала внимательно слушать, впитывая не только визуально, но и с каждым произнесенным собеседником словом.

Ей помогало, что сам Альбин, словно заполняя возникшую паузу, торопливо рассказывал о переживаниях Даши, а также о том, как важно для его сестры, чтобы убийца был назван. Именно поэтому, поняла Яна, он готов тратить время на разговоры с Милославской, ведь душевное состояние его несчастной сестры в данный момент самое главное. А обращение к непредвзятому арбитру, каковым по его мнению и способна была стать Яна, может помочь несчастной женщине найти виновного.

Яна, молча выслушивающая его тираду, лишь поглаживала Джемму по голове, как бы успокаивая враждебно настроенную собаку. Она сама не могла избавиться от возникшей при появлении этого мужчины в ее душе тревоги, какой-то нервозности. С самой первой встречи с Сизовой, когда Яна видела лишь смутно вырисовывающуюся сквозь затемненные окна машины фигуру Альбина, ей было не по себе. Теперь же это ощущение не исчезло, а скорее обострилось.

Машина плавно подкатила к невысокому особняку, явно построенному еще в девятнадцатом веке. Но даже в старости дом выглядел благородно.

Его изящных и в то же время внушительных линий не могли испортить ни несколько облупившаяся краска, ни довольно-таки замызганный балкон с поломанными прутьями.

Яна удивилась. Ей казалось, что такой представительный на первый взгляд и по виду достаточно обеспеченный человек, как Альбин, предпочтет стиль, принятый среди большинства новоиспеченных нуворишей России, поклоняющихся американскому убранству. Но, видимо, он не забыл исконно русских истоков, и вместо отделанного декоратором офиса в небоскребе, уродующем классическую красоту приволжского городка, отдал предпочтение помещению в старом купеческом доме. Но, по всей видимости, как поняла Яна со слов Альбина, все объяснялось отнюдь не эстетическими пристрастиями, а элементарным удобством.

— Пройдя через двор, можно выйти к моей автобазе, — голос мужчины был слащаво приветливым, также, как и его взгляд, скользящий по ее фигуре и задержавшийся на ногах, когда он придерживал тяжелую дверь, чтобы пропустить Яну. Затем Альбин просительно проговорил:

— А может, эта милая собачка здесь останется? Или во внутреннем дворе? Там ей будет уютно.

Во взгляде Джеммы, которую Яна усадила во внутреннем дворике, выразилось все презрениеиспытываемое овчаркой к Альбину. Казалось, она прекрасно поняла, кто выдвинул данную идею. Собака улеглась и осмотрела небольшой дворик. Там располагалось несколько полуразобранных машин, над которыми колдовали перемазанные мужчины в спецовках. Исходящей от них угрозы Джемма не почувствовала и прикрыла глаза, лишь изредка настороженно поводя остатками купированных ушей.

Яна и Альбин устроились в кабинете последнего. Роскошная обстановка комнаты странным образом контрастировала с грязью и убогостью внутреннего дворика и даже с облупившимися стенами коридора. Альбин пригласил Яну присесть в удобное черное кожаное кресло, а сам устроился за внушительным дубовым столом. Яна заморожено уставилась на старинный светильник муранского стекла, оказавшийся на столе среди бумаг. Эта изысканная вещица показалась ей знакомой.

Альбин, проследив за взглядом Яны, нахмурившись, поспешно убрал светильник в шкаф. При этом он пробормотал:

— Вот, подделку под старину принесли, предлагают купить.

— Великолепная вещь. Раритет, — Яна с сожалением смотрела на закрывающуюся дверцу, за которой исчезло изысканное произведение рук

человеческих. — Франция, 13 век? Не верится, что подделка может быть столь великолепной!

— Да-да, сделано не плохо. Может и куплю— Альбин говорил слишком уж небрежно. Яна неосознанно чувствовала его напряжение. — Но вернемся к нашему разговору об Олеге. Мой племянник был замечательным парнем! Без него нам придется нелегко...

Хотя разговора именно об Олеге как раз еще и не было, Яна послушно переключилась на тему, интересующую ее значительно больше великолепного светильника. Произнесенные же патетическим тоном слова Юрия вызвали усмешку на ее губах. Яна даже на мгновение отвернулась, чтобы окинуть взглядом кабинет. На самом деле она желала скрыть скривившиеся в недоверчивой улыбке губы. Нелепые слова Альбина про предприятие, чуть ли не державшееся лишь на мальчишке — помощнике юриста, и готовое без него рухнуть, не могли не удивлять. Но и сам предприниматель, столь неудачно начавший беседу в кабинете, похоже взял себя в руки и осознал, что сказал нелепость.

— Я имею в виду, что именно Олег стал бы моим наследником, продолжателем моего дела. Я женат, но своих детей нет, — тут же уточнил Альбин, подметив брошенный Яной взгляд на его полную холеную руку с широкой полосой золотого кольца на пальце.

При этом изо всех сил Альбин стремился изобразить на своем лице этакий налет меланхоличной безысходности и тщательно скрываемой от равнодушных взглядов толпы тоски тонкой чувствительной души.

Несмотря на все его старания, Яна прекрасно понимала, что этот человек завесой ненужных и неуместных напыщенных фраз все время старается что-то от нее скрыть. Она чувствовала, что Альбин не столь глуп, как пытается ей представить. Это было Милославской ясно хотя бы по разговору вполголоса со встретившимся им в коридоре подчиненным. Альбин уже не тем растянуто-слащавым, а четким, резким тоном подсказал выход из какого-то затруднительного положения, заставившего подчиненного в панике метаться по коридору в поисках начальства.

Яна положила на колени сумочку и потихоньку извлекла нужную карту. Милославская пыталась как-то проникнуть сквозь флер лжи и неискренности, надеясь, что в этом поможет карта «Чтение».

Самое главное, необходимо было настроиться на состояние души, восприятие окружающего мира Альбиным. Яна положила на колени руку с зажатой в ней картой и рассеянно поддакивала вещающему о чистоте души и помыслов его юного племянника. Все свои силы она направляла лишь на восприятие чувств собеседника. На мгновение ей даже показалось, что

карта стала нагреваться под ее рукой, но все было безуспешно. Проникнуть в мысли и ощущения Юрия она не могла. Яна предполагала, что, несмотря на всю приветливость и открытость, внутренняя эмоциональная стена защиты Альбина была слишком сильна.

Быть может именно это негативное защитное поле мешало Яне и вызывало у нее чувство настороженного неприятия по отношению к Альбину с самых первых мгновений их встречи. А может быть причиной неудавшегося воздействия на Альбина оказалось полнейшее истощение энергетических запасов Яны, после такого неудачного выхода из видения. Головная боль, постукивающая в висках, до сих пор окончательно не проходила, заставляя ее время от времени болезненно морщиться.

Тогда Яна постаралась сосредоточиться, чтобы организовать разговор, извлекая из него максимум нужной ей информации. Прервав трогательный рассказ о том, как добрый Олег заступался за всех провинившихся сотрудников, она поинтересовалась:

— У вас можно закурить?

Альбин скривился:

— Вообще-то я не сторонник... Считаю, что дым отравляет организм не только того, кто курит, но прежде всего, как доказали ученые, того, кто находится рядом. Но если уж вам так необходимо...

Яна пожала плечами, отложила уже извлеченную было пачку сигарет в сторону и продолжила:

— Вы знали, что Олег употреблял и распространял наркотики?

— Что? Это неправда. Этого просто не может быть. Подлая им гнусная клевета. Кто-то просто хотел подставить мальчика.

Наметанным глазом Яна легко определила, что собеседник немного переигрывает. Его возмущение казалось таким искренним, таким сильным и неподдельным, что только лишь очень постаравшись можно было разглядеть в маленьких глазках глубоко затаившееся равнодушное внимание наблюдающего за Яной хищника. И в то же время плескавшаяся на поверхности тревога вряд ли была столь уж поддельной и неестественной. Чувствуя зыбкость почвы, на которую она ступает, Яна перевела разговор на другое:

— Сколько времени проводил Олег, занимаясь делами вашей фирмы?

Альбин почему-то заюлил, явно не желая давать прямой ответ на этот несложный вопрос.

— Ну, когда как, сами понимаете... специфика работы юриста... как у моего родственника у него был ненормированный рабочий день... я ведь знал, что все силы мальчика будут отданы работе...

Понимая, что прямого ответа она не добьется, Яна спросила по-другому:

— А какой была его зарплата? Сколько вы ему платили?

Маленькие глазки Альбина вновь забежали по офису. Яна сразу же поняла, что этот вопрос был ему столь же неприятен.

— По-разному. Все зависело от выполняемого им дела. Но платил я справедливо! — напыщенно продолжил он. — За работу, а не за родственные связи.

— А в тот день, когда мальчик пропал, он должен был выйти на работу?

Альбин нахмурился, открыл стоящий на столе «ноут-бук» и его пухлые пальцы, отяжеленные несколькими массивными кольцами, неожиданно быстро заскользили по клавишам. Через минуту он уверенно проговорил:

— Нет. У Олега было какое-то важное дело, поэтому он меня предупредил, что на работу не выйдет. Он вообще не выходил последние три дня.

Альбин оторвал взгляд от экрана и уставился на Яну. Его взгляд неожиданно стал игривым и заскользил по красивым ногам собеседницы. Альбин словно внезапно разглядел в Яне красивую женщину, за которой можно и поухаживать. Конечно, плотоядные взгляды он бросал и раньше, но до этого не решался на слишком уж смелые действия.

Такая внезапная перемена настроения насторожила Милославскую. Она прекрасно понимала, что на самом деле данная сфера их взаимоотношений интересует собеседника меньше всего, однако, зачем-то он хочет убедить женщину в своих страстных желаниях. Вероятно, таким образом ему хотелось отвлечь Яну от неприятных ему вопросов и перевести разговор на что-то другое.

— А кстати, — маленькие маслянистые глазки мужчины, привыкшего получать все, что ему только хочется, похотливо сощурились, — чем вы занимаетесь сегодня вечером? Быть может составите мне компанию в ресторане? Там и продолжим нашу беседу.

— Спасибо, я предпочитаю сугубо деловую обстановку, — Яна чувствовала, подступающее раздражение. Этот тип, считающий, что ему все позволено и снисходительно вззирающий на всех прочих смертных, выводил ее из равновесия.

— Ну что ж, — слащаво улыбнулся Альбин, неожиданно быстро вновь переходя в следующее мгновение на деловой тон. При этом перед Яной предстал совсем другой человек, жесткий, решительный, собранный. Его взгляд безжалостно впивался в лицо Милославской, буравя и просвечивая

ее как рентгеном. Казалось, он считывает каждую ее мысль прежде, чем Яна сама поймет, о чем подумала. — Я сам очень хотел с вами поговорить, так что эта встреча как нельзя более кстати. Вас наняла моя сестра, но я готов заплатить вдвое, нет, втрое больше, если вы будете сообщать результаты расследования сперва мне, лишь после этого ей, а кроме того, более никому не разглашать полученную информацию.

Мужчина выжидательно уставился на Яну. Теперь в его глазах она не видела ни проблеска похоти, былого обаяния или каких-либо других чувств. Это походило на взгляд голодного хищника, готового в подходящий момент накинуться на свою жертву. Он был настолько уверен, что Яна тут же примет его предложение, что в первый момент, услышав ее ответ, просто опешил, хотя и старался не показать этого. Выдавали лишь судорожное движение пальцев, да промелькнувшее в глазах удивление.

— Нет, — Яна проговорила это слово тихо, но твердо.

— Что, нет? — он снисходительно улыбнулся. — Вы хотите больше?

— У меня есть клиент, на которого я работаю. А кроме того, держать что-то в тайне от правоохранительных органов я не намерена.

Альбин гневно, хотя и немного растеряно сощурился, но через минуту вновь взял себя в руки и вкрадчиво проговорил:

— Тогда, я надеюсь, хотя бы наш разговор останется между нами? Я имею в виду свое предложение.

Яна равнодушно пожала плечами, выражая тем самым свое согласие.

— Вы должны поговорить с моими людьми, — неожиданно засуетился Альбин, вновь представая в облике простодушного и болтливового простачка. — Пойдемте, я вас познакомлю. Они многое смогут рассказать вам об Олеге.

Яна удивленно посмотрела на собеседника. Она и сама собиралась побеседовать со знающими Олега по работе. Ей только было совершенно непонятно, почему так суетится Альбин. В его голосе она чувствовала какую-то натянутость, нотку, своим фальшивым звучанием вызывающую ощущение диссонанса.

* * *

Яна возвращалась домой на предусмотрительно вызванном Альбиным такси. Сам Юрий не пожелал доставить ее лично, пробормотав что-то о важных делах и срочных конфиденциальных разговорах. Яна не особенно огорчилась по этому поводу. Она лишь пожала плечами и усмехнулась.

Провожая, Альбин с таким энтузиазмом целовал ей руку и порывался было нашептать что-то на ухо, что стороннему наблюдателю, должно быть, могло показаться, что между ними отнюдь не только деловые отношения. Впрочем, Яна постаралась как можно быстрее пресечь эти утомительные и ненужные ухаживания. Она прекрасно знала, что со стороны Юрия это всего лишь притворство, которое не поможет ей вытянуть хотя бы немного больше информации об Олеге и его деятельности.

А деятельность Олега действительно казалась подозрительной. Разговор с его сослуживцами дал не много, но все же заставил Яну задуматься. Лубочный образ пай-мальчика, нарисованный в первую встречу матерью Олега не выдерживал ни какой критики и стремительно рушился. Яна с самого первого мгновения, зная современную молодежь, не очень-то верила словам матери. «Родители всегда видят в своих детях только лишь самое хорошее, упорно и самозабвенно закрывая глаза на все тревожные сигналы, говорящие о том, что их детка вовсе уже не тот двухлетний ангелочек, топающий ножкой и тянущийся за конфеткой», — горько усмехнулась Яна, вспомнив своего обожаемого сынишку, погибшего несколько лет тому назад. Кто знает, каким бы вырос он? Ну уж во всяком случае не таким, как этот самый Олег, столь многими тайно ненавидимый.

Усилием воли Милославская не позволила горьким воспоминаниям о перенесенной потере возобладать и вновь вернулась к вырисовывающемуся со слов окружающих образу Олега. Яна безоговорочно не принимала на веру ничьих слов, понимая, что иногда люди из тех или иных побуждений сознательно стремятся скрыть правду об известном им человеке, приукрашивая или наоборот принижая, например, из зависти его. Помимо этого Яна осознавала, что иным даже близкого, а уж тем более знакомого, приятеля не так и легко понять и разгадать. Практически каждый человек носит определенную маску, скрывающую его недостатки или пороки или же нарочито выставляющую их. Эта маска, такое притворство помогает ему жить, общаться с окружающими и добиваться внимания к своей персоне. Ну а обнаруживает под этой маской друга или приятеля каждый разное.

Ведь человек воспринимает окружающий мир, отражая его, как сквозь кривое зеркало, через свою душу, ум и сердце, а также свои устремления и побуждения, то определенных искажений и разногласий в рассказах знакомых Олега не избежать. Ведь именно поэтому образ одного и того же человека непременно окажется воспринят по разному. Кроме того, все мы в своей жизни играем различные роли. Не удивительно, что перед матерью Олег разыгрывал послушного и примерного сыночка, перед сослуживцами

недоступного племянника босса.

И все же слова знающих Олега по работе насторожили Яну. Конечно, откровенней она и не ожидала. Все, как одни, работающие с Олегом, опасливо поглядывали на нее и распевали дифирамбы усопшему. Безусловно, кое-кто мимоходом, увлекшись беседой и аппетитным внешним видом дамы, отметил практичность и цепкость Олега. Видимо, подразумевались под этим его жадность и умение выжать из людей и обстоятельств все возможное к своей выгоде, но тут же оговаривались, что данные замечательные в наше время качества помогли бы мальчику в дальнейшем много достичь.

Таким образом, несмотря на скованность людей, весьма сдержанно и уважительно отзывающихся о племяннике хозяина, Яна пришла к выводу, что мало кто на базе так уж сильно его любил. Напротив, по ее впечатлениям, все старались держаться от Олега подальше.

Милославская прекрасно понимала, почему все беседовавшие с ней были столь замкнуты и старались во что бы то ни стало не обронить лишнее слово о том подлинном Сизове, чье лицо уже давно казалось Яне не столь уж идеальным. Ведь Альбин, несмотря на ее противодействие, сам подводил и знакомил Милославскую, уважительно представляя ее экстрасенсом-сыщиком, расследующим убийство его племянника.

Яну настораживало такое неоднозначное поведение якобы любящего дяди. Он словно опасался, что кто-нибудь скажет лишнее о племяннике, поэтому всем своим видом представлял служащим: Яна работает почти что на него и каждое слово доложит ему.

Милославская была немного разочарована, так как разговора с Альбиным, как и с его работниками, знающими Олега, в принципе не получилось. И все же определенный результат этой встречи был, Яна Борисовна чувствовала: Юрий мало того, что не откровенен с ней, но и постоянно насторожен, взвинчен. По какой-то причине он стремится общаться с нанятым его сестрой экстрасенсом, проникнуть в ее мысли, устремления, узнать о ее планах на будущее, но при этом постоянно держать под контролем, не выдавая своих чувств и мыслей.

Все это однозначно наводила на то, что Альбину что-то известно. Может он напрямую связан с убийством, поэтому так и старается переманить Яну, предлагая ей немалые деньги?

В принципе, такая теория имела право на существование. Мотивы, при желании, также вполне можно было обнаружить. Например, вполне возможно, что автобаза — всего лишь удобное прикрытие для каких-то незаконных комбинаций дядюшки. Если же Олег случайно получил какую-

то опасную информацию и попытался шантажировать Альбина, его вполне могли и устранить. Способность Сизова пойти на шантаж Яна уже не подвергала сомнению — его практичность, переходящая в жадность и абсолютное отсутствие каких-либо моральных ценностей и установок были ясны даже из того, что он приучил к героину своего лучшего друга детства, при этом сам оставаясь в стороне и лишь выкачивая из него деньги.

Так что особой душевной тонкостью мальчик вряд ли обладал. В процессе общения с Альбиным, Яна поняла, что дядя в чем-то очень близок своему племяннику. Конечно, Дарья Владимировна была свято убеждена: родственные узы любви и дружбы настолько их тесно связывают, что опереться на руку брата она и ее близкие могут в любой момент, но все же у Яны возникали вполне резонные сомнения. Из речей и поведения этого предпринимателя пока вырисовывался облик человека, превыше всего ценящего свою персону, свои удобства, а также материальные ценности, в их денежном эквиваленте. Он свято верит: все можно купить.

И все же, мог ли человек стать настолько беспринципным и безнравственным эгоистом, чтобы столь спокойно убрать со своего пути родного племянника? Яне было трудно представить такое, хотя она прекрасно понимала: пытаюсь спасти себя от чего-то люди способны совершать не менее страшные преступления. А уж если в незаконную деятельность замешаны личности, значительно крупнее какого-то там провинциального предпринимателя, и члена областной думы, устранение ненужного свидетеля казалась вполне закономерным вне зависимости от его родственных связей с Альбиным.

Вот только странным казался в подобной теории метод устранения ненужного свидетеля. Яна с трудом могла поверить, что Альбин изобретет и примется претворять в жизнь столь изощренный план убийства. Конечно, она не сомневалась, что если только убийство не было совершено в состоянии аффекта, Альбин не стал бы сам марать руки, а использовал бы кого-то из своих людей. И все же для совершения подобного убийства дяде должно было быть известно, что Олег распространяет наркотики и принимает их сам. Но в таком случае, значительно легче было заставить племянника держать язык за зубами другим, менее категоричным образом, угрожая ему разоблачением или поставляя наркотики.

Яна еще никак не могла увязать со всем этим вырисовавшимся наброском свое видение могилы тринадцатилетнего мальчика и неизвестной старушки. Так что первым делом она решила вновь побеседовать с Руденко, для выяснения именно этого обстоятельства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Добравшись до дома, приняв душ и немного перекусив, Яна позвонила лейтенанту, оказавшемуся на рабочем месте.

— Семеныч?

— А-а, это ты, — протянул Руденко, тщательно маскируя свою радость. По его тону было понятно, что дела на служебном фронте идут не блестяще.

— Я, — весело проговорила Яна, доставая из пачки новую сигарету и придвигая пепельницу. — Как успехи?

— Да какие могут быть успехи, — с некоторой ехидцей проговорил Руденко. — Нам же небес никто не нашепчет, где убийца прячется.

— Небеса и нас не очень балуют, — Яна не обращала внимания на подколы лейтенанта. — А вот ты бы поделился информацией, не забыл, о чем я тебя просила?

— Да, да, — «Три семерки», видимо, потянулся за своими записями, так как в трубке зашуршало и послушался какой-то стук. — Так вот, портвешок с тебя за содействие властей, ясно! О твоём Александре упокоенном все, что мог, я разузнал. Должен сказать, что информация в чем-то интересна, хотя и не имеет прямого отношения к нашему делу. Слушай... впрочем, чем ты там занимаешься? Может я лучше после работы к тебе подъеду и мы обстоятельно побеседуем?

— И что тебе за это надо?

Лейтенант довольно захохотал:

— Умница, сразу все просекла! С тебя портвешок и бутерброды! До сих пор вспоминаю те, которыми ты меня в прошлый раз угощала.

— Договорились! Буду ждать.

Яна повесила трубку и отправилась на кухню. Приготовление бутербродов и салатика из огурцов, редиса и зелени, конечно, не заняло слишком уж много времени и сил. За это Милославская их и любила.

Дождаясь прихода лейтенанта и хлопоча на кухне, Яна обдумывала полученную ей информацию. Попутно она успела приготовить не только столь любимые Руденко бутерброды, но и себе — кофе. В результате Яна решила отправиться в кабинет и поэксплуатировать свой дар, попытаться узнать что-то с помощью карт.

Задумчиво перебирала Милославская картонные прямоугольнички, обладающие такой магической силой. Карты «Внушение», «Чтение» и

«Да», «Нет» она отложила сразу. Не понадобится ей сейчас также карты «Царство мертвых» и «Царство живых». А вот узнать еще немного о прошлом Олега, может быть даже проникнуть взглядом в то время, когда он встретил убийцу, она хотела. Поэтому Яна взяла карту «Взгляд в прошлое» и взглянула на изображенную на ней винтовую лестницу, загадочной спиралью уносящуюся в бесконечность.

Милославская расслабилась, прикрыв глаза, и откинула голову на спинку дивана. Правую руку она положила на карту, казалось бы, пульсирующую под ее сверхчуткими пальцами. Она даже не успела должным образом настроиться, вызвать в памяти облик Олега, когда погрузилась в вызванное картой ирреальное пространство.

Джемма, лежащая у ног женщины, с тревогой смотрела на запрокинувшееся, мгновенно покрывшееся пепельной бледностью лицо хозяйки. Собаку пугала такая перемена, но своим необъяснимым животным инстинктом она понимала, что прикасаться к Яне да и вообще как-то шевелиться ей не следует. Застыв, умная овчарка внимательно наблюдала за быстродвигающимися под закрытыми веками глазами Милославской. Врач, наблюдая эти движения глазных яблок, сказал бы, что женщина находится в фазе дельта-сна (быстрого сна), а не погружается в сумеречную зону пограничного с ирреальным сознания.

А перед Яной в этот момент открывались другие миры, мелькали иные лица. Мгновенно провалившись в непроницаемый мрак, она неожиданно почувствовала, что летит в бездонную пропасть. Тьма давила на нее, сжимаясь и пульсируя, как живое существо, поглотившее беспомощную женщину.

Внезапно мрак прорезал тоненький лучик, разъединивший пространство перед ней надвое. Яна стремительно приближалась к этому лучику, все увеличивающемуся в размерах. Милославская поняла, что она стоит в небольшой комнатке. Светлые обои с рисунком «под дерево», легкая мебель из белого пластика. Лучи, пробивающиеся сквозь жалюзи, бросали неровные блики на две фигуры в центре.

Спиной к Яне на бамбуковом дачного типа кресле сидела девочка судя по всему лет 12–13. Милославская могла рассмотреть лишь длинные вьющиеся рыжие волосы, да очертания худеньких плеч, перечеркнутых бретельками легкого летнего сарафанчика.

Перед ней присел на корточки симпатичный мальчишка, приблизительно того же возраста. Яна неотрывно смотрела в лицо мальчишки. Именно такой серьезный взгляд темных глаз на полудетском лице она видела на фотографии. Сомнений не было, перед Яной предстал

Александр, чью могилу она искала после первого видения.

Но на этот раз он был более чем живой. Его взгляд, обращенный в лицо рыженькой кудрявой девчушке, сидящей спиной к Яне, выражал робкое нетерпеливое ожидание, прикрывающее испытываемый им страх. Александр протягивал девочке крупную, необычной формы ракушку. Казалось, он опасался, что собеседница оттолкнет этот скромный дар. Но неизвестная Яне девочка лишь протянула обе ладошки, сложенные ковшиком, подставляя их под этот подарок. Ясная, совсем детская радостная улыбка на лице Александра, казалось, озарила комнату. Яна еще раз взглянула на ракушку, в ее перламутровую внутренность и... внезапно поняла, что ее затягивает, поглощает отправляя в далекий путь прямо в глубь раковины.

Милославская поняла, что с огромной скоростью скользит по гладкой, отполированной моллюском внутренней поверхности ракушки, по спирали спускаясь все ниже и ниже. Но, внезапно, движение замедлилось и она вновь выскользнула из ракушки. Только на этот раз окружающая ее обстановка была иной.

Слабый скользящий свет висевшей над головой лампочки озарял безликую комнату с белыми стенами. Там стояла кровать, заправленная белыми простынями, тумбочка, намертво привинченная к полу и столик, на котором и лежала ракушка. На небольшом надежно запертом окне, выходящем в пустынный внутренний дворик, была закреплена решетка. Внезапно боковым зрением Яна заметила какое-то движение. В дальнем от окна уголке, сжавшись в комок, сидел на полу худенький подросток в белой больничной пижаме. Яна поняла, что это девочка только по длинным рыжим локонам.

Она сидела, прижав к груди колени и обхватив их намертво сцепленными руками. Костлявые маленькие пальцы были с обгрызенными почти до мяса ногтями. Голову она наклонила вниз, так что почти всю ее скрывали упавшие на лицо спутанные, явно дано не мытые и не расчесываемые кудри. Девочку колотило, словно в ознобе. Казалось, она не воспринимает реальности, раскачиваясь, сидя на полу, монотонно, словно зомби.

Внезапно, мир в глазах Яны словно перевернулся, резко изменившись. Да, перед ней была все та же комната, но уже под другим углом зрения. Милославская видела ее откуда-то снизу, почему-то через завесу волос. Множество чувств, ощущений, мыслей нахлынули на экстрасенса, словно волной. Каким-то неведомым образом Яна поняла, что она видит окружающее глазами этой девочки. Причем, видимо от испытываемой

боли, не только физической, но и духовной, предметы казались угрожающим, они давили на нее. Все вокруг несло угрозу, опасность. Руки и ноги выкручивало так, что хотелось их просто отрезать. Лишь одна мысль о наркотике набатом била в голове.

Яна, как ошпаренная, отлетела от поглотившей ее на одно лишь короткое, показавшееся бесконечностью, мгновение девочки. Теперь она вновь была в противоположном конце комнаты.

Дверь за спиной Яны, до этого не замеченная, стала открываться. Девочка, посмотрев сквозь спутанные волосы, увидев вошедшего, дернулась, как от удара током. Мгновенно она вскочила на ноги и кинулась к двери. Ее худенькое, с заострившимися чертами бледное личико выразило облегчение и животную радость, она тянула руки, задрал широкие рукава пижамы и обнажив изуродованные следами уколов вены.

Яна хотела перевести взгляд и посмотреть на вошедшего, возникшего за ее спиной и шагнувшего прямо в ее бесплотное тело, но вдруг все окружающее стало заволакивать неизвестно откуда взявшимся черным дымом, как от пожара. Тьма нарастала, обретала власть и силу до тех пор, пока не поглотила Милославскую.

Яна медленно открыла глаза. Видение казалось столь реальным, что сейчас, очутившись среди привычных, давно знакомых ей вещей, она почувствовала неприятную дрожь, пробегающую по телу. Жуткая сцена, открывшаяся перед этим ее внутреннему оку потрясала. Яна молча сидела на диване вплоть до того момента, когда весело прозвучал дверной звонок.

Милославская, сопровождаемая насторожившейся овчаркой, прошла к калитке и впустила лейтенанта.

— Ну, — проговорил тот, бросая внимательные взгляды на женщину, — я уж собрался комплимент сказать, что, мол, расцветаете на глазах, несмотря на жару, пыль и комариное нашествие, а ты опять какая-то бледная, осунувшаяся.

— Ну вот, весь комплимент и испортил, — слабо улыбнулась Яна. Руденко уже второй раз заставлял ее уставшей, еще не пришедшей в себя после видения.

Милославская проводила лейтенанта в свой кабинет, попутно сообщая ему:

— Ты уж извини, твоего обожаемого портвейна нет, предложить могу лишь бутылку «кьянти» или коньяк.

— Какой еще «кьянти»? — подозрительно уставился на нее Руденко. — Сроду такого напитка не пил. Он покрепче коньяка будет?

— Ну что ты, — Яна расхохоталась, — «кьянти» — это вино, кстати,

очень хорошее. Мне одна бывшая клиентка его подарила, из Парижа привезла.

— Нет уж, — категорически отрезал Руденко. — Свои парижские вина будешь пить где-нибудь на своем Монпарнасе, — лейтенант с таким удовольствием раскатисто произнес это слово, видимо, гордясь знанием подобных нюансов парижского ландшафта, что это привело в замешательство Джемму, важно шагающую между Яной и Руденко. Собака, обернувшись и уставившись в лицо лейтенанту, неожиданно негромко гавкнула. «Три семерки», не ожидавший подобного подвоха даже споткнулся, чуть не выронив сумку.

Покосившись на овчарку, лейтенант продолжил:

— Я как чувствовал, что на тебя в этом вопросе полагаться нельзя! С собой принес, — проговорил он, приподнимая и нежно поглаживая звякнувшую о пряжку ремня бутылку. — Не пропадем! А почему не на кухню идем-то? — только тут он понял, что очутился в кабинете.

— Да вот, — усмехнулась Яна, придвигая кресло к столу, — решила допустить тебя в святая святых, свой кабинет. Здесь попрохладней, так что приземляйся.

Яна придвинула большое блюдо с бутербродами и два бокала, после чего с удобством устроилась в другом кресле. Руденко, взглянув на белорозовое изобилие на блюде, состоящее из обжаренного Яной хлеба, масла, корейки или сыра, с вкраплениями майонеза и зелени, извлек бутылку любимого им портвейна «Семьсот семьдесят седьмого».

— Ну что, — лейтенант поднял бокал с плещущимся в нем напитком, — за то, чтобы это дело было как можно скорее распутано!

Яна в ответ приподняла свой бокал и отпила совсем маленький глоточек «кьянти». После этого несколько минут она лишь молча наблюдала за тем, как Руденко управляет с бутербродами, усиленно запивая их портвейном.

Когда же сытый и довольный лейтенант откинулся в кресле, вытирая салфеткой пышные усы, Яна приступила к расспросам:

— Ну и что же именно ты узнал?

Лейтенант не спеша достал сигарету, зачем-то внимательно ее рассмотрел, прикурил, затянувшись, и, выпустив клуб дыма проговорил:

— Ты мне лучше скажи, откуда ты этого Александра выкопала?

— Ну, а ты прямо не знаешь! — Яна усмехнулась.

— Да-да, возвышенные сферы... А вот если бы смерть этого мальчонки и вправду имела отношение к нашему убийству, как я в отчетах записал бы, кто мне про него нашептал? — «Три семерки» с некоторой

отеческой укоризной смотрел на Яну, как бы упрекая ее за неумелое содействие. Впрочем, все это было напускное, так что через секунду он продолжил: — А узнал я, что этот твой Александр действительно умер семь месяцев назад, причем усоп не просто так, а именно от передозировки. Спасибо, что хоть не в подвале. Не дай Бог оказалось бы, что это какой-нибудь маньяк чокнутый их всех порешил.

— А что, маньяк этого мальчика в другом месте убить не мог?

— Нет, — самонадеянно отрезал Руденко. — Не мог. Тут ты меня не путай, даже слышать ничего не желаю. С твоим выкопанным Александром все ясно. Он находился в частной клинике, где и проходил курс лечения от наркозависимости. Но кто-то умудрился передать ему немалую дозу героина и все! Кранты! Перестарался.

Яна прекрасно понимала, что такая, совершенно неожиданная смерть не столь уж и редка и определить степень вины того, кто передал наркотики практически невозможно. Случайно ли доза оказалась больше привычной или все было подстроено специально, теперь через семь месяцев определить точно могло помочь лишь чудо или собственноручное признание передавшего наркоту. А подобное признание само по себе являлось бы именно чудом. Так что уверенность лейтенанта, не желающего браться еще и за этот безусловный «висяк», в случайности гибели Александра была вполне объяснима.

И все же согласиться с этим Яна не могла. Видение явно должно было натолкнуть ее на мысль, вот только о чем? Быть может в городе действительно появился маньяк, решивший убивать наркоманов таким образом? Яна решила попросить потом Руденко изучить статистику смертей от передозировки наркотических веществ в городе за последний год. Но после того, как эта просьба была ею озвучена, ответом Милославской стал только густой смех лейтенанта:

— Милая, — снисходительно проговорил он, ты хоть понимаешь, о чем просишь? Тебе для этого дела придется привлекать весь отдел по борьбе с наркотиками. Ты думаешь, если я милиционер, то они так и побегут мне информацию предоставлять и подсчеты производить? Даже не думай! Я к своему делу это пришивать не собираюсь!

Руденко так раскипятился, что даже забыл о зажженной сигарете и пепел упал на безупречно чистую полированную поверхность столика.

— Извини, — опомнился «Три семерки» и своей большой крестьянской ладонью попытался очистить стол. Яна бросила ему пару салфеток и проговорила:

— Ну ладно, продиктуй мне тогда, имена родителей мальчика и их

адрес.

Руденко в ответ лишь извлек из кармана и кинул ей бумажку с нужной информацией. «Знал, что я на этом не успокоюсь», — подумала Яна и добавила:

— Скажи, а никаких связей между Александром и Олегом раньше не было?

— Абсолютно никаких! — непререкаемым тоном проговорил лейтенант. — Родители мальчиков говорят, что их дети никогда не были знакомы, живут они в разных районах, и раньше рядом не жили, учились в разных школах, да и общих знакомых, вроде бы пока не вырисовывается.

Яна немного приуныла. Впрочем, она считала, что разговор с родителями Александра может прояснить ситуацию.

— А эта бабка, могилу которой я также видела?

— А уж про нее вообще не знаю, что и сказать! Одинокая бабушка, мирно и спокойно «почила в бозе», среди горюющих внуков и правнуков. Ничего, имеющего отношения к данному делу здесь не наблюдается и в родстве с убитым и его знакомыми не состоит, — Руденко выпустил клуб дыма и с нескрываемой иронией глянул на Яну: — Быть может, твои небеса на этот раз ошиблись, не ту картиночку тебе сверху там спустили?

Яна промолчала, но ее уверенность в том, что мальчик, уже второй раз появляющийся в видениях, а возможно и старуха, имеют прямое отношение к расследуемому делу, не поколебалась. Рассказывать же про то, что она видела перед приходом к ней лейтенанта, Милославская пока не собиралась. Он все равно не мог помочь ей в разгадывании очередной загадки, преподнесенной картами, а слушать его простодушно-нелепые, иронично-язвительные комментарии не хотелось. Так что Милославская плавно переключилась на другое:

— А как там обстоят дела с информацией о Никитине? Ты, кстати, знаешь, что его сын — наркоман?

— Что? — Руденко вылупил глаза и наигранно простонал: — Боже, да когда же это засилье наркоманов, сынков городских шишек закончится? Все что ли они там колятся? Перемерут от этого, а на меня валят дела, расследуй!

Лейтенант ловко наполнил бокал портвейном, поднес ко рту и опрокинул в себя. Довольно вытирая салфеткой усы, захмелевший милиционер пробормотал:

— Только не говори, что твое видение показало и его смерть от передозировки. Только этого мне еще не хватало.

— Нет насчет Дмитрия я ничего сказать не могу, кроме того, что его

папаша запер в клинике. А, кстати, — неожиданная мысль пришла ей в голову, — в какой именно клинике находился на излечении Александр, когда умер от передозировки?

— Да, где-то на самой окраине, там где дачные коттеджи строятся. У нас в городе одно подобное заведение, для богатеньких. Там за бешенные деньги лечат по методике Назарлиева, а также хирургическим путем, — Руденко пьяно хихикнул. — Что-то этим нарикам из головного мозга выковыривают, чтобы и воспоминаний о зелье не оставалось. На каждую операцию из Москвы светило приезжает. Не понимаю только, почему они, — Руденко ткнул пальцем куда-то в потолок, — не везут своих деток в Москву. Пусть бы их там и выхаживали.

Яна, не давая Руденко слишком уж увлекаться, перевела разговор на другое:

— У тебя еще никак не проявилась информация о том, что Олег, как это по вашему, барыжничал?

— Та я и думал, что все подтвердится, — потер руки лейтенант. Честно-то говоря мы обнаружили того человека, который поставлял наркотики твоему Олегу. Вот только клиентуру его никак не обнаружим. Странно прямо, как-то.

— Ничего странного, — Яна пожала плечами. — Просто он охмурял глупых наивных молоденьких девчонок, а потом предлагал им кайф словить. Сажал на иглу и поставлял наркотики. А те и не знали, как его зовут, да откуда он взялся. Вы попробуйте по описанию на его клиенточек выйти.

— Может какая-нибудь девочка его и пришила? — задумчиво пробормотал Руденко.

— Не может, — отрезала Яна решительно. — Мужчина это был, мужчина. А барыгу-то как взяли? Случайно?

Яна обдумывала, что уж больно удачно Олег оказался без поставщика, из-за чего и отправился на встречу с неизвестным человеком неведь куда.

— Облава? — неопределено пожал плечами Руденко.

Яна задумалась: может Олега решила устранить какая-то шишка из местной наркомафии, а для этого и вывела милицию на барыгу. Она медленно проговорила:

— Облава была по случайной, анонимной наводке или как?

Лейтенант немного оживился.

— По анонимной. Причем, представь себе, за последние полгода с помощью подобных анонимных доброжелателей пересажали барыг и поперехватывали наркотиков в три раза больше, чем за прошедшие пять

лет.

Информация, полученная от милиционера была более чем интересна.

— А об этом анониме ничего не известно? Никаких сведений не попадало, может какой передел между местными боссами наркомафии ожидается?

— Да вроде нет. Хотя это и не удивительно, что я ничего не знаю. Если в отделе по борьбе с наркотиками какие разработки на этот счет и ведутся, думаешь, мне побегут докладывать? Как бы не так!

Яна перевела разговор. На тему местной наркомафии из лейтенанта явно больше вытянуть нечего.

— Так что же о отце Дмитрия, о Никитином? Связан он каким-либо образом с Сизовым?

— Знакомы, конечно, вся эта верхушка между собой приятельские отношения поддерживает, случайный-то человек туда не влезет, сама понимаешь, не маленькая. Но вот ничего большего, каких-то особых контактов накопать не удалось, и никакие информаторы тут ни в чем помочь не могут. Ох, уж больно высоко ты лезешь, — укоризненно покачал головой лейтенант, сохраняя на лице выражение доброго, мудрого дядюшки, снисходительно, хотя и с опаской глядящего на шалости глупого ребенка, не осознающего, что играет с огнем.

— Стоп, — Руденко неожиданно замолк. — Я совсем забыл. Ты говоришь, что сынок Никитина лежит в клинике для наркоманов? Ха-ха, папаша то ведь, как у меня здесь написано, патрулирует как раз правительственную программу: «Против наркотиков». И клиника эта самая каким-то образом содержится под его негласным руководством и попечительством. Только вот последнее в тайне держится, я от своего информатора узнал. Ну да ладно, ты лучше мне скажи, сама-то что накопила?

Руденко выразительно уставился на Яну. Ему давно не терпелось узнать хоть что-нибудь из добытой ею информации, но гордость работника правоохранительных органов, с немалым опытом и умением расследований дел, не позволяла сразу приступить к волнующему вопросу. Лейтенанту было не по себе: простая крестьянская натура, порой несколько прямолинейная, хотя и не обделенная своеобразной мужицкой хитринкой, житейской смекалкой, не признавала вмешательства в дела человека, не имеющего никакого отношения к его работе, не обладающего его знаниями, но добивающегося значительно больших успехов. Яна чувствовала: лейтенанта несколько смущает также то, что она, женщина, оказалась превзошла его, мужчину.

— Пока ничего особенного, — неопределено пожала плечами Яна. — Разве что только о Дмитриии Никитине. Его папаша узнал, что мальчика к наркотикам приучил Олег. Поэтому и в клинику спрятал. Боится, сыночек присутствовал в компании, где Олегу и дали смертельную дозу.

— А что? Это идея, — оживился было Руденко. — Может твой наркоман Дмитрий каким-то образом убил Олега. Дима ничего не был должен Олегу? — лейтенант, проявил свою профессиональную проницательность.

— Фу, Семен, да ты сильнее набрался, чем я предполагала, — Яна насмешливо смотрела на лейтенанта. — Несешь какой-то пьяный бред. Дмитрий в таком состоянии, что разработать столь сложный план никак не может. Если бы разозлился и чем-нибудь стукнул, тогда бы еще можно было бы подумать. Да и зачем? Долг он ему уже отдал, а Олег ему нужен как поставщик наркоты.

— Да, а ведь я и забыл, под кого копаю, чей сыночек-то, — вдруг сник «Три семерки». — Ох и нахлебаюсь еще дерьма с этим делом!

— Ничего, — похлопала его по плечу вставшая Яна и покосилась на опустошенную бутылку. — Тебе, может, такси вызвать?

— Нам гонораров в долларах не платят, — слегка покачнулся лейтенант, поднимаясь, — так что мы уж своим ходом. Да и час не поздний.

За окном действительно было еще светло, хотя жара немного спала. Руденко молодецкато подтянулся, ловко, что показалось удивительным при его мощной комплекции, щелкнул каблуками туфель и отправился к выходу.

В тот самый момент, когда он подошел к входной двери, через специальное отверстие, оставленное Яной открытым, в дом проскользнула мирно дремавшая до этого во дворе Джемма. Она, как показалось на мгновение лейтенанту, насмешливо взглянула на него, зевнула и легонько гавкнула, как бы сообщая что-то хозяйке. Затем собака поплелась назад во двор, следом за хозяйкой провожать лейтенанта. При этом Джемма умудрилась выскочить за калитку и, оставив без внимания Руденко и его машину, рванулась куда-то в сторону, в кусты. Через мгновение оттуда раздался ее злобный лай. Яна и лейтенант переглянулись. Просто так умная овчарка шум не поднимала. «Три семерки» сразу протрезвел. Жестом показав Яне стоять на месте, он кинулся на помощь к собаке. Но было уже поздно — они лишь услышали звук неожиданно взревевшего мотора и увидели быстро отъезжающую белую «шестерку».

— Эх, черт, — пробормотал Руденко. — И номера, небось, специально перепачкали, чтобы разглядеть нельзя было. Ты хоть видела, кто там за

рулем? — обернулся он к Яне.

— Я рассмотрела столько же, сколько и ты. — Милославской было не по себе. Знать, что за тобой возможно кто-то наблюдает и у дома устроена засада, не самое приятное чувство.

— Ну что, может с тобой остаться? — лукавая улыбка, полускрытая пышными усами, появилась на лице лейтенанта. — Постелишь мне где-нибудь... во дворике.

— Спасибо, — отрезала Яна. — Лучше о жене вспомни. Она тебе за такое глаза выцарапает.

— А, — Руденко махнул рукой, — она с сынком к родителям в деревню поехала. Отпуск. Так что я холостякую.

— Ну вот шагай, похолостякуй дома, а я, если что, тебе позвоню.

Лейтенант вновь стал серьезен:

— Будь осторожна. Иди, прямо сейчас запришь, чтобы я видел, и окна, которые не зарешетчены, не оставляй на ночь открытыми.

— Не бойся, у меня же Джемма, — самонадеянно проговорила Яна, подзывая все еще окончательно не успокоившуюся собаку. Но все же она, под зорким оком Руденко, заперла калитку и входную дверь. Даже отверстие, через которое собака выходила прогуляться во двор, Яна закрыла. Хотя ночь и была тревожной — Яна все-таки чувствовала некоторую взвинченность, ей казалось, что она в состоянии ощутить, как сгущаются вокруг неведомые тучи непонятно откуда исходящей опасности — все же до утра ничего не произошло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прошлым вечером у Яны оказалось немало времени, для того, чтобы обдумать всю полученную ею информацию. Отправляться куда-то после отъезда лейтенанта она не решилась. Милославская была заинтригована стремительно развивающимися событиями, но тревога в душе и ощущение приближающейся неведомой опасности нагнетались все сильнее и сильнее. Если бы только знать, с какой стороны ждать удара! Яна попыталась было вечером вновь воспользоваться картами, чтобы определить, кто, по чьему поручению и из каких побуждений наблюдал за ней, но, видимо, она слишком устала, чтобы проделать данную операцию. Поэтому Яна решила переключиться пока на неведомого покойного Александра Тихонова, уже дважды являвшегося ей в видениях.

Обдумав всю полученную информацию, Милославская собралась побеседовать с родителями мальчика. Несмотря на то, что пока связь двух погибших от передозировки мальчишек не просматривалась, ей казалось, что убийство было совершено одной и той же рукой. Возможно, разговор принес бы какие-то результаты.

Руденко оставил Яне не только адрес, но и телефон Тихоновых, так что Яна успела утром им позвонить. Разговор был коротким. Милославская беседовала матерью Александра. Она представилась журналисткой и договорилась о встрече в небольшом ресторанчике в центре.

Одевалась на встречу Яна с особым тщанием. Ей хотелось произвести благоприятное впечатление деловой и собранной женщины, пришедшей в ресторан исключительно лишь по долгу службы. Поэтому она остановилась на классическом легком шелковом костюме с узкой юбкой итальянской длины и приталенном жакетике с поясом в серебристо-серых тонах.

Оставив Джемму караулить жилище, в час дня Яна уже оказалась на улице Некрасова и обнаружила нужную вывеску: «Нептун». Оформление небольшого ресторанчика Яне не очень-то понравилось. Слишком уж броско и аляповато, изобилие мишуры, серебра и золота, а также «морских мизансцен», начиная от аквариумов и завершая большими панно на стенах. Все это вызывало у Милославской желание зажмуриться и отвернуться.

Подскочивший у входа официант с заученной улыбкой, обнажавшей мелкие белые зубки в таком изобилии, что казалось, еще минута и он укусит, тут же осведомился, куда мадам пожелает присесть. Яна, не

ожидавшая оказаться в заведении подобного типа, а предполагавшая, что встретится со скорбящей матерью в местечке поскромнее и подешевле, спросила услужливого официанта не ждет ли ее здесь Тихонова.

Тот, подобострастно смотревший на посетительницу, тут же провел Яну к столику в нише и попросил подождать. Милославская открыла меню. Цены поражали воображение, но зато и выбор блюд из морепродуктов был столь же значителен.

Яна еще не просмотрела и первой страницы, как к столику быстрыми шагами подошла моложавая стройная женщина с высокой прической и внимательными восточного типа темными глазами. Она одарила Яну заученной вежливой улыбкой и проговорила:

— Здравствуйте, я Тихонова Лилия Александровна, можно просто Лилия.

— Очень приятно, — Яна также улыбнулась и представилась. — Милославская Яна, газета «Тарасовские вести». Я хотела бы с вами поговорить.

Яна видела, что женщина, несмотря на нарочито радушный вид, напряжена, и, желая помочь ей расслабиться, проговорила:

— А почему вы выбрали именно этот ресторан? Я здесь раньше никогда не была.

— Не удивительно, — ровным голосом произнесла Лиля, элегантно присев на кресло в виде большой ракушки. — Он открылся год назад и собираются здесь лишь те, кто может позволить такую роскошь. У журналистов, насколько мне известно, не такая уж большая зарплата? А предложила я встретиться именно здесь потому, что этот ресторан открыли мы с мужем, — Лилия прервалась, так как к ним подлетела предупредительная официантка с заученной широкой улыбкой.

— Милая, мне бокал вина, а нашей гостье, что она пожелает, за счет заведения.

Яна не стала злоупотреблять гостеприимством введенной ею в заблуждение женщины и, безуспешно попытавшись отказаться от подобного широкого жеста, выбрала лишь коктейль из мидий по-итальянски.

Официантка убежала, а Лилия продолжила:

— По вашему вопросу я поняла, что вы появились не из-за заказанной нами рекламной статьи о ресторане, не так ли? Впрочем, кажется, эта статья должна быть напечатана в какой-то другой газете. Так значит вы все же вспомнили о тех моих письмах?

Яна ничего не понимала, так как понятия не имела, о каких письмах

может говорить женщина, но все же, надеясь на получение некоторой информации, неопределено проговорила:

— Простите за бестактность, но мне хотелось бы поговорить о вашем погибшем сыне.

— Значит все-таки из-за писем, — горькая улыбка скользнула по ее губам. — Вы долго ждали.

— Раньше не получалось. — Яне не очень-то нравилось несколько двусмысленное положение, в которое она попала, но раскрывать сразу карты не хотелось.

— Ну что ж, — женщина опустила глаза, смущенно разглядывая вышитые на скатерти водоросли, — я уже не горю тем пылом, как тогда, сразу после того страшного события. Куда я только не обращалась, — голос женщины зазвенел от напряжения, как туго натянутая струна, в любой момент готовая лопнуть, — что не предпринимала, лишь бы обратить на данную проблему внимание общественности, администрации! Вы же сами прекрасно знаете, — теперь ее взгляд, обращенный прямо на Яну, горел огнем фанатизма, — что в нашем городе все больше и больше детей и подростков становятся наркоманами. Даже статистика признает: мы занимаем место в первой десятке городов с наибольшим распространением наркотиков и, следовательно, СПИДа, среди населения. А между тем меры по предотвращению, предупреждению наркомании просто смешны, администрация бездействует, наркодилеры мелкие и крупные нагло уничтожают цвет нации...

Милославская видела, что женщина горит энтузиазмом и готова еще долгое время выкладывать все накопившееся, но ей в данный момент значительно важнее было увязать события смерти сына владелицы ресторана и недавно погибшего Олега. Приход официантки, к счастью, прервал поток слов Лилии. Она отпила маленький глоточек вина и вновь превратилась в сдержанную гостеприимную хозяйку. Яна попробовала немного красиво уложенных в специальную вазу измельченных мидий с зеленью и приправами под нежным соусом из белого вина.

— Ну и как вам нравится? — Лилию, казалось, искренне интересовало мнение Яны.

— Восхитительно! — хоть в этом не покривив душой, проговорила Милославская. — Но я хотела бы кое-что с вами обговорить. Обратиться к вам меня побудили, конечно, ваши письма, хотя кроме этого было еще одно обстоятельство.

Лилия нахмурилась, но продолжала внимательно слушать Яну. Милославская экспромтом сочиняла историю, помогающую ей увязать

неизвестные письма незнакомки со смертью Олега:

— Понимаете ли, я провожу независимое журналистское расследование. Надеюсь, результаты его, опубликованные в нашей газете помогут привлечь внимание общественности и власти к проблемам наркомании и наркодилерства. Если бы вы ответили на несколько вопросов...

— Задавайте, — женщина неожиданно перебила Яну. Ее глаза смотрели внимательно и настороженно, хотя на губах и оставалась все та же улыбка.

Яна решила отбросить церемонии и задать вопрос прямо в лоб. Ей было интересно, как женщина на него отреагирует.

— Скажите, — ровным голосом произнесла Милославская, не отводя взгляда от лица женщины. — Это Олег Сизов поставлял вашему сыну наркотики? Это он приучил к ним вашего мальчика?

На мгновение лицо Лилии, быстро опустившей глаза и сделавшей вид, что она внимательно рассматривает свой безупречный маникюр, исказила гримаса боли и страха. Она смутилась, но быстро справившись с растерянностью и вновь смело и даже холодно взглянула на Яну.

— Я понятия не имею о существовании какого-то там, Олега, вы сказали? С чего вы это взяли, кстати, хотелось бы знать.

— Извините, но я не могу разглашать свои источники информации, — Яна мгновенно пришла к однозначному выводу.

Чтобы женщина теперь не говорила, Милославская была уверена, что карты ее не подвели и имя Сизова Лилия слышит не впервые, как пытается ей представить. И эта ложь как раз обличает ее больше, чем если бы было сказано, что Олег и Александр знали друг друга. Конечно, оставалась все же возможность, что смерти Олега и Александра связаны совсем другим образом — личностью убийцы. То есть, что они действительно были не знакомы, маньяк-убийца случайно остановил на них свой выбор. Но все же какое-то чувство подсказывало Яне, что это не так.

Делая вид, что достает только лишь пачку сигарет, Яна извлекла из сумочки нужную карту «Да» и «Нет». Желая отвлечь Лилию, пристально следящую теперь за ее манипуляциями, Яна спросила:

— Здесь можно курить? Вы не будете против?

— Ну конечно, курите, — женщина придвинула поближе к Милославской пепельницу в виде раковины, обвитой водорослями.

Яна прикурила сигарету, глядя из-под полуприкрытых век на собеседницу, глубоко затянулась, выпустила маленькое облачко дыма и сосредоточилась, положив правую руку на карту, находящуюся у нее на

колених. Лилия, видя, что Яна не собирается пока вступать в разговор, чувствовала себя несколько растерянно. По ее лицу понять это было невозможно, но от внимательного взгляда Милославской не укрылось, как женщина нервно теребит лежащую у нее на столе под бокалом нарядную салфетку. Казалось, длинные ногти с безупречным маникюром готовы хищно вонзиться в беззащитную ткань, чтобы растерзать ее на множество маленьких клочков. Должно быть окружающий Яну «Морской мир» навевал неожиданную ассоциацию с красивым морским цветком, который неожиданно обнаруживает свой хищный оскал в том случае, когда слишком близко к нему подбирается маленькая беззащитная рыбка.

Но Яна отогнала непрошенные и неуместные мысли полностью сосредоточившись на карте. Про себя она тихонечко бормотала: «Тихонов Александр и Сизов Олег были знакомы?».

Через несколько секунд ладонь, лежащая на карте потеплела. Яна тут же перешла ко второму, волнующему ее ничуть не меньше вопросу: «А знает ли об этом мать Александра?». Неожиданное тепло не исчезло, казалось, оно даже стало нарастать, усиливаться.

Лишь через несколько секунд, когда Яна постаралась очистить свои мысли от ненужного и сосредоточиться на образе сидящей перед ней Лилии, карта понемногу стала остывать, превращаясь в то, чем она и была на самом деле — всего лишь картонный прямоугольничек, покрытый лаком. Но Милославская на этом не остановилась. Карту «Да» и «Нет» она обкатывала пока еще не так уж долго, поэтому, чтобы быть уверенной в результатах, ей хотелось провести еще один наглядный эксперимент. Конечно, у Яны были некоторые сомнения — все-таки ее внутренняя энергия почти на пределе, но сохранившийся потенциал позволял рискнуть.

Яна, по-прежнему пристально глядя в глаза Лилии, думала: «Ты расскажешь мне сама что-нибудь о сыне, о его вкусах, пристрастиях, радостях?»

Яна уже было пришла к выводу, что на это не хватит ее сил, карта откажется содействовать и попытка внушить простое желание поведать любую историю будет безуспешной, когда карта стала понемногу теплеть под ее рукой. На этот раз тепло нарастало очень медленно, постепенно, но, видимо, внушение все же сработало.

Взгляд Лилии с большим трудом оторвался от Яны и заметался по столику, перескакивая с вазы с цветами на пепельницу, бокал, скатерть и вновь на пепельницу. В это мгновение лицо ее прояснилось и женщина, словно для того, чтобы заполнить паузу и проявить гостеприимное

радушие проговорила неуверенным тоном:

— Как вам нравится убранство ресторана? Вы обратили внимание на то, сколько у нас здесь раковин? Все выдержанно в стиле морского дна, несколько необычно, правда?

Яна лишь молча кивнула. Ей не нравилось, что хотя карта и подтвердила, что желание Милославской выполниться, Тихонова говорила вовсе не о том. Но в следующее мгновение она успокоилась — Лилия продолжила:

— Это все Саша, мой сын. Он с раннего детства мечтал исследовать морское дно. Именно из-за него мы каждое лето отправлялись на море и занимались дайвингом, подводным плаванием в специальном снаряжении. У Саши осталась великолепная коллекция ракушек, добытых им самим. Он даже научился их шлифовать и полировать.

Яне тут же вспомнилось видение, когда мальчик преподносил неизвестной рыженькой девочке красивую крупную ракушку. Тем временем Лилия, как в забытьи, взалхлеб делилась воспоминаниями:

— Мы с мужем давно мечтали открыть свой ресторанчик — он у меня прекрасный повар, а как только мои родственники помогли с деньгами Саша загорелся. Это он придумал название ресторанчику и он же упросил оформить его таким образом. Он сам все придумал, фантазировал, был так увлечен вплоть до тех пор пока не увлекся этим...

Растерянный и поблескивающий непролитой влагой взгляд Лилии вновь заскользил по убранству ресторанчика. Внезапно из-за двери, ведущей во внутреннее помещение, появился невысокий толстый, румяный мужчина с добродушным лицом, которое в данный момент портили сердито нахмуренные брови и угрюмый взгляд. Тихонова, точно обрадовавшись неожиданно подвернувшемуся предлогу вскочила, проговорила, что муж требует ее немедленного внимания, извинилась и удалилась на кухню.

Яна лишь улыбнулась. Этот уход сильно напоминал бегство, но Милославская была довольна результатом. Теперь она точно знала, что тем или иным образом семейство Тихоновых причастно к смерти Олега. Яна собиралась задать женщине еще несколько вопросов, чтобы все же выяснить, каким образом их сын познакомился с Олегом и кто эта неизвестная рыженькая девочка, мелькавшая в Яниных видениях. Но больше узнать от Лилии Яне на этот раз ничего не удалось. Через несколько минут к ней решительным шагом подошел повар, которого Тихонова представила, в качестве своего мужа. Довольно-таки грубо он проговорил:

— Что вам нужно от моей жены? Вы ее расстроили. Уходите!

После этих слов Тихонов замолк, выжидательно глядя на Яну. Милославская, не ожидавшая подобных действий поднялась, но при этом, не отрывая взгляда от лица повара четко проговорила:

— Что вы знаете о смерти Олега Сизова?

На лице мужчины изобразилось неподдельное изумление. Он неуверенно проговорил:

— Кого? О чем вы...

Но в следующее мгновение, побагровев, визгливо воскликнул, привлекая внимание немногочисленных посетителей:

— Убирайтесь! Вы сумасшедшая, ненормальная!

Яна, небрежно бросив на стол деньги за коктейль из мидий, усмехнулась и издевательски ласково протянула:

— Вы великолепно готовите! Только не стоит так кипятиться — вас может и удар хватить, вон как покраснели. В такую жару берегите свое здоровье с особым тщанием и пореже кричите на посетителей.

Яна понимала, что подобным поведением сжигает за собой все мосты и Тихоновы приложат все усилия, чтобы больше яна к ним и близко не подошла, но удержаться не могла. Ей хотелось не такими словами поставить на место невоспитанного повара, интеллектуальное развитие которого судя по всему оставляло желать лучшего.

Яна элегантно проскользнула между столиками, провожаемая теперь уже угрюмым и неприветливым официантом с мелкими острыми зубками. У самого входа она обернулась и помахала рукой наблюдавшему за ее отходом хозяину, стоявшему у столика с сердитым видом и очаровательно улыбнулась остальным посетителям. Внимание всех было приковано только лишь к Яне.

Выйдя на улицу и ощутив, как липкие пальцы удушающей жары жадно прикасаются к ее телу, Милославская задумалась. Теперь наиболее перспективной ей казалась связь смерти Олега с Тихоновыми. Ей уже было известно, что Олег барыжничал — распространял наркотики. На этой основе выстраивалась четкая логическая цепочка. Вероятно, именно он и приучили Александра к героину. Затем он и стал косвенным виновником гибели мальчика, передав ему в больницу наркотики. Чувства, ясно написанные на лице Лилии в тот момент, когда Яна спросила о Сизове, говорили о том, что матери данные факты были известны и вызывали у нее вполне объяснимое чувство.

Ничего удивительного Яна не видела в том, что желая отомстить виновному в гибели родители мальчика предприняли бы какие-то действия. Вот только вызывало сомнение участие в данном супруга Лилии. Чтобы так

искренне изобразить удивление и растерянность непонимания, написанные на его лице при первом упоминании о Сизове, надо быть, по меньшей мере, выдающимся актером. А учиться данному мастерству, гримасничая сверкающим кастрюлькам и сковородкам, по мнению Яны, было не столь уж и легко. Так что скорее всего, в отличии от супруги, он не ведал о существовании Олега. Так что разгадку необходимо было искать у Лилии.

Конечно, оставалось беспокоящее Милославскую белое пятно — как именно познакомились Маша и Олег. У Яны возникали вполне резонные сомнения, в том, что Олег подходил к случайным неизвестным ему пацанам на улице. Знакомство могло состояться через друзей Александра и в этом можно было бы увериться, если бы не возрастная разница. Ровесники Олега никогда бы не приняли в свою компанию ребенка, которым являлся для них Саша. Какая-то деталь упорно не укладывалась чтобы образовалась единая картина.

Яна понимала: все ее умозаключения весьма и весьма условны. Они были построены лишь на видениях и предположениях, то есть сообщать о чем-то Руденко или просить его содействия не имело смысла — он бы просто поднял ее на смех. Милославская сама не была уверена в том, что нащупала именно ту ниточку, которая выведет ее к убийце. Но все же отказываться от данной версии она не собиралась.

* * *

Раздумывая таким образом Яна добралась до дома. Она отперла калитку, задумчиво приласкала обрадовавшуюся собаку и прошла в дом. Прежде, чем войти, она осторожно оглянулась. Джемма стояла рядом, не проявляя никакого беспокойства, из чего Яна сделала вывод, что собака на этот раз не чувствует никакого подвоха, а неизвестные люди на белой «шестерке», караулящие что-то или кого-то у ее дома уехали. Конечно, Милославская не была паникершей. Она трезво оценивала меру опасности и понимала, что, вполне может быть, эти неизвестные не имели к ней лично никакого отношения. Ну а Джемма просто перестраховалась, решив, что присутствие неподалеку посторонних угрожает безопасности любимой хозяйки. На самом же деле это вполне могли быть случайные молодые люди, обнаружившие тихий уголок, в котором можно спокойно заняться интимным общением. Ну а из-за жары они открыли дверцы. Появление же здоровенной собаки напугало их до полусмерти, в связи с чем весь сексуальный пыл остыл, вот они и укатили срочным темпом на все четыре

стороны.

И все же какое-то предчувствие подсказывало Яне, что неизвестные следили за ней. Ей казалось, что в эти несколько дней, прошедшие с момента появления Сизовой, ее безотказная зрительная память подсознательно зафиксировала появление именно этой пыльной шестерки с двумя мужскими фигурами на передних сидениях.

В таком случае, вполне возможно, что неизвестная личность, обладавшая не малой властью, позволяющей организовать данную слежку, опасалась, что Яна раскроет убийство. И именно для того, чтобы вовремя помешать ей, за Милославской следили. Подозрения Яны падали прежде всего на человека, уже пытавшегося иным способом узнать о том, как продвигается работа экстрасенса. Это был Альбин. Но зачем ему мешать расследованию? Если он сам и был убийцей, а теперь боялся, что Яна обо всем узнает, то скорее всего он мог бы попытаться устранить Милославскую другим образом.

У Яны даже дрожь пробежала по телу. Думать о том, что преступник может пойти на крайние меры по отношению к ней не хотелось. В ней сохранялся здоровый и естественный инстинкт самосохранения, в данный момент призывающий к особой осторожности.

Но, с другой стороны, зачем тогда преступнику, организовавшему слежку, так явно показывать свои намерения и вмешивать в дело столько людей, которые впоследствии могут, помня об интересе Альбина, догадаться о том, почему Яна так внезапно исчезла. И при чем же тогда Тихоновы, привидевшийся ей мальчик?

Вторым человеком, не желающим, чтобы яна нашла ответ на то, кто виновен в смерти Олега бы Никитин. По всему видно, что он желал не только сохранить в тайне несчастье своего сына, но и вполне резонно предполагал — мальчик мог знать о смерти Олега больше, чем говорит, а то и оказаться одним из подозреваемых в совершении убийства. Так что мотивы его были столь же объяснимы, как и у Альбина.

В любом случае, Яне было не по себе. Картина, вырисовывающаяся перед ней, казалась слишком запутанной и неестественной. Чувство тревоги, беспокойства усиливалось с каждым днем. Словно в кошмарной выдумке Кафки закручивались события вокруг Яны, пытаясь ввести ее в заблуждение.

Больше всего женщину беспокоило то, что как ей казалось временами, все не так уж и сложно, разгадка близка, достаточно лишь вспомнить какой-то факт, уловить какую-то нить и все станет ясно. Но воспоминания скрывались от нее за пеленой мрака, память отказывалась служить

должным образом, пряча факты, как будто предчувствуя, что они лишь доставят Яне новые тревоги.

Через мгновение Милославская выкинула ненужные мысли из головы и решила вновь обратиться к картам.

Задумчиво перебирая их и вглядываясь в символические картинки, казалось бы, разговаривающие с экстрасенсом на своем непонятном языке, Яна остановила свой выбор на «Джокере». Интуитивно Яну тянуло именно к этой карте, способной предоставить нужную информацию с наименьшими затратами энергии, внутреннего потенциала. Карта была немного повреждена, так что временами давала информацию не совсем понятную и кажущуюся несколько неуместной, но зато она требовала меньших затрат энергии, что было немаловажно — женщина чувствовала, что понимание нависшей над ней опасности угнетает ее.

Кроме того, Яну беспокоила связь между убитыми мальчиками. Впервые она чувствовала некоторую неуверенность. Эта связь не только была весьма сомнительной, если рассматривать ее с точки зрения наличия доказательств, но и запутывала выдвинутые предположения Милославской о том, кто и за что убил Олега.

Яна невольно усмехнулась. У хорошего, замечательного мальчика, как охарактеризовала его мать в первую встречу, оказалось столько врагов. Каждый мог быть убийцей, прямым или косвенным, смотря как оценивать смерть от передозировки — случайностью или злым умыслом. А ведь наверняка, учитывая род занятий Олега, обнаружение людей, мечтающих когда-то увидеть его мертвым может продолжиться. Какой-нибудь должник, преступник, наркоман — Олег, распространяя наркотики, наверняка, общался не только с самым дном — опустившимися людьми, способными убить за наркотики, но и с преступным миром.

Яна еще со слов Руденко знала, что барыги — распространители наркотиков, так сказать, в розницу, а не крупными партиями, не существуют сами по себе, обособленно. У них непременно должны быть покровители из преступного мира. Во-первых те, кто привозит в город крупную партию наркотиков, продавая ее затем барыгам, имеющим связь уже с самими наркоманами. Во-вторых, покровительство распространителям типа Олега, за определенную плату, обычно оказывает местный авторитет, накачанный бандит сплотивший вокруг себя дворовую «братву» и подчиняющийся контролирующим район бандитам по-крупнее. Этот дворовый руководитель преступного мира необходим прежде всего для того, чтобы защитить барыгу в том случае, если, например, окончательно потерявший голову наркоман без денег в поисках дозы

попытается добиться наркотиков силой.

Все это делало порой весьма шатким положение распространителя, подобного Олегу. Если вдруг Сизов попытался обмануть кого-нибудь из своих покровителей, его вполне могли и устранить. Яна вздохнула. В таком случае круг подозреваемых расширялся, а найти убийцу становилось еще сложнее. Дело оказалось довольно-таки запутанным. Надежда оставалась лишь на карты.

Милославская вновь перевела взгляд на карту «Джокер», лежащую перед ней на столе. Быть может именно он подскажет что делать, где и как найти убийцу. Яна расслабилась, положив руку на карту.

Стоило лишь ей прикрыть глаза, как ощущение тепла, нежно ласкающего ладонь, подсказало, что карта начала действовать. Мрак, в который Яна погрузилась, зажмурившись, понемногу стал рассеиваться. Через мгновение черные точки, подобно какой-то сюрреалистической вороньей стае закружились перед ее глазами.

Внезапно эти черные точки, хаотично мелькающие перед ее внутреннем взором принялись упорядочиваться, складываясь в черно-белое изображение, лишённое не только ярких красок, но и полутонов.

Яна огляделась. Картина, представшая перед ее глазами угнетала. Как ни странно, цвета так и не появились. Возможно, просто из-за царившего полумрака все вокруг по-прежнему казалось черно-белым. Она находилась на улице, освещенной лишь редко встречающимися фонарями. Находящийся ближе всего к ней фонарь был неисправен — испускающая тусклый, придающий окружающему несколько призрачный вид, свет лампочка то и дело тухла, вновь разгораясь через несколько секунд.

Сразу за кругом света, который образовался благодаря фонарю, тьма смыкалась, поглощая очертания смутно вырисовывающихся домов. Лишь большая неоновая вывеска выглядывала из-за расположенного за фонарем двухэтажного здания. Прочитать, что на ней написано было невозможно. Лишь неоновые отсветы зарницей освещали темное небо. Сияние мигающей рекламы бросало неровные тени, периодически озаряя двухэтажный особняк.

Неожиданно свет фар вывернувшегося из-за угла автомобиля осветил темную подъездную дверь, лавочку и даже цветущие кусты. В этот момент Яна успела разглядеть, что дворик был довольно ухоженный, чистенький и симпатичный. Машина остановилась, но фары не погасли и водитель не вышел. За затемненными стеклами Яне не было видно, что происходит в автомобиле.

Милославскую охватило любопытство. Ей было интересно, что

происходит в данный момент в машине. Каким-то неведомым чувством она понимала, что это не парочка, которая никак не может распрощаться и целуется в данный момент, оттягивая последние минуты. Нет, от темной массы автомобиля исходила неведомая опасность, заставляющая пробегать по телу женщины противную дрожь.

Яна стала медленно приближаться. Она, как ей казалось, не просто шла или даже плыла по воздуху, но, подчиняясь мысленному усилию, продвигалась вперед резкими толчками, требующими значительного напряжения. Яна уже могла, вытянув руку, прикоснуться к правой передней дверце, смутно виднеющейся в темноте, когда ее ослепил яркий свет.

На мгновение все вокруг озарилось. Мрачное небо прочертил зигзаг молнии. Только грома Яна не могла услышать, хотя инстинктивно и ожидала его. Через несколько секунд совершенно неожиданно с неба полились неудержимые дождевые потоки.

Но Милославская и не заметила непогоду, она была поглощена открывшимся ей зрелищем, поэтому и не задумывалась над тем, как это в мгновение ока, в тот момент, когда блеснула молния, она оказалась внутри машины. Сидения были покрыты нежной замшей. Яна удивилась. На этот раз в видении чувственное восприятие предметов, к которым она прикасалась сохранилось. Женщина сидела сзади. Высокие спинки расположенных перед ней сидений с подставками для головы, закрывали обзор, не позволяя увидеть, что происходит между находящимися там людьми. Яна ощутила, что она задыхается. Казалось, ее астральное тело окутывала пелена миазмов панического страха, ненависти и насилия, эта душная атмосфера медленно отравляла ее.

Между передними сидениями был небольшой просвет. Против своего желания Яна прильнула к нему и увидела место водителя. Опираясь на руль, полулежало тело бесчувственного мужчины в дорогом темном костюме. Яна видела лишь спину этого человека, да его обнаженную руку. В данный момент она была перетянута жгутом. Кто-то одним ловким движением вонзил в руку человека иглу шприца, наполненного мутноватой жидкостью. Яна, оцепенев, наблюдала, как жидкость становится красноватой от крови, а затем медленно входит в вену. Милославская отпрянула от щели, сжавшись на сидении. Она чувствовала, что еще мгновение, и задохнется. Панический ужин от предчувствия смерти, витающей рядом и готовой нанести безжалостный удар, парализовал ее волю. Лишь знакомая маленькая татуировка на запястье отпечаталась перед глазами, как бы символизируя гибель.

Яна медленно открыла глаза. Яркие краски солнечного дня на

мгновение ослепили ее, вернувшуюся из почти бесцветного мира страха и ненависти. Она отправилась на кухню за очередной чашкой свежесваренного кофе. Именно этот напиток способен был вернуть ей потраченную силу и обрести некоторое, хотя бы физическое равновесие.

Мысли Милославской разбегались, паническое чувство страха отступало постепенно, как отхлынувшая волна, оставившая на берегу необычный узор. Яна не столько боялась того, что ей придется общаться с убийцей или даже присутствовать на месте убийства.

Хотя ей, конечно, как и любому человеку, было в полной мере присуще чувство самосохранения, все же обычного человеческого страха почти не было. Яна уже пережила клиническую смерть, а кроме того была убеждена, что до того момента, когда кто-то там на небесах не посчитает: ее миссия выполнена, позволять страху за жизнь брать верх над рассудком просто глупо. Кроме того, порой ей казалось, что после пережитой трагедии гибели близких некоторые чувства, присущие ей ранее, просто атрофировались, изменив ее характер и душу.

Теперь она казалась самой себе более решительной и волевой, ее рассудочность странным образом контрастировала с душевной тонкостью и восприимчивостью. Яна понимала, что эти качества не взялись из ниоткуда, до поры до времени они таились в душе любящей матери и верной, послушной супруги, какой она была когда-то.

Но обретенная Милославской способность к новому уровню восприятия, названному людьми экстрасенсорикой, в то же время оказалась и ее слабостью. Яна не могла спокойно пройти мимо страданий, смерть, забирающая кого-то прямо на ее глазах прикасалась и к женщине своими липкими гниющими пальцами, заставляя содрогнуться в паническом отвращении, доставляющем душевную боль.

Яна задумалась. Во чтобы то ни стало, понимала она и умом и сердцем, необходимо воспрепятствовать, помешать убийству. В том, что это именно убийство женщина не сомневалась.

Проблема была лишь в том, что она никак не могла понять, что это за место, привидевшее ей в темноте. Кроме того, сомнения были и насчет времени убийства. Безусловно, ночь. Но вот когда? Может сегодня, а может и через некоторое время. Карты не дали точных указаний.

Яна задумчиво пила в кабинете крепкий напиток, перемежая его затяжками сигаретного дыма, когда неожиданная мысль заставила ее потянуться к телефону. В видении была гроза, между тем в данный момент небо безоблачно. Милославская надеялась, что метеослужба подскажет ей, ожидается ли в данную ночь дождь. Яна позвонила и вновь задумалась. Ей

ответили, что дождя не будет. Но полностью доверять этому прогнозу женщина не могла. Обращаться к Руденко за помощью, руководствуясь лишь видением убийства неизвестно где и когда не имело смысла. Так что, надеясь что прогноз точен, Яна решила прежде всего отыскать нужное место.

Помимо этого Милославская не оставляла надежды выйти на убийцу другим образом. Она хотела задать несколько вопросов матери Олега, Сизовой. Дозвониться до клиентки не составило труда. Дарья Владимировна с энтузиазмом восприняла идею Яны о встрече, только предложив, чтобы Милославская сама подъехала к ней домой в то время, когда ей будет удобно. Этот вариант Яне Борисовне казался также наиболее удачным, так как она желала, заодно встретиться и с соседкой, чтобы уточнить некоторые факты. Записав адрес, Яна повесила трубку и ненадолго задумалась. Откладывать встречу не имело смысла, поэтому она решительно принялась одеваться.

Несколько официальный шелковый костюм, в котором Яна разыгрывала журналистку, прекрасно подходил и для этой встречи. Перед клиенткой предстанет деловая женщина, которой Милославская, в принципе, и являлась.

Негодующая Джемма, осталась караулить дом, а Яна открыла калитку и отправилась ловить машину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Меньше чем через двадцать минут Милославская уже подходила к дому, названному Сизовой. Это оказалось многоэтажное здание на улице Некрасова, неподалеку от центра города. Три новеньких высотных дома, похожих друг на друга как две капли воды, и один большой пятиэтажный дом старой постройки образовали ухоженный дворик, со множеством не так уж и давно посаженных деревьев и спортивной площадкой. Во дворе было чистенько и уютно. Людей почти не было, только лишь несколько мамаш или нянечек выгуливали в песочнице своих голосистых детишек, время от времени поднимавших страшный крик из-за какой-нибудь игрушки, кроме того три пацана постарше гоняли на площадке мяч, да, видимо, водитель сидел в припаркованной у подъезда машине, скорее всего ожидая своего хозяина или хозяйку.

Яна прошла между домами и отправилась к нужному ей подъезду. Как и упоминал Руденко, железная дверь была оборудована новейшей модификацией замка, домофона, включающего видеокамеру, передающую изображение посетителя в ту квартиру, куда прозвучал звонок.

Яна уже было протянула руку, как подъездная дверь открылась и из него, низко опустив голову, вышла женщина, несмотря на жару одетая во все черное.

— Анна, — через мгновение воскликнула Милославская, обрадованная столь неожиданной удачной встрече.

Воронцова вздрогнула и подняла голову. Испуг, написанный на ее лице, через мгновение сменила вежливая улыбка.

— Вы ко мне? — несколько неуверенно произнесла она.

— Ну да, — Яна не стала уточнять, что прежде она собиралась побеседовать с Сизовой. Милославская опасалась, что в таком случае не успеет задать несколько вопросов соседке. Поэтому она проговорила: — А вы на машине или пешком идете? Мне надо кое-что узнать у вас, я могу, чтобы не задерживать, составить компанию по пути.

Воронцова заколебалась. Энтузиазма по поводу неожиданного сопровождающего не наблюдалось. Яна понимала, что действует довольно-таки бестактно, но ей стало интересно, случаен ли был тот страх, что она успела прочитать на лице соседки или та не желала, чтобы именно Милославская узнала, куда она направляется.

— Да нет, — Анна украдкой бросила взгляд на часы, делая вид что

просто поправляет волосы. Улыбка, фальшь которой прямо-таки коробила Яну, вновь появилась на губах собеседницы. — Я просто собиралась добежать до магазинчика, но если вы хотите поговорить...

— Нет-нет, я не желаю вас ставить в затруднительное положение. — теперь Яна была сама любезность. — Если вам надо в магазин, то мы вполне можем поговорить по дороге туда. Я вас не задержу, всего лишь несколько вопросов, а потом загляну к Сизовым.

— Что вы, — Анна, казалось, взяла себя в руки, развернувшись, она вновь направилась назад, к лифтам, приглашая жестом Милославскую следовать за ней. — Я отправлюсь туда позже, а сейчас мы можем поговорить.

Яна шагала за ней, чувствуя некоторое удовлетворение. Теперь ей было ясно, что Анна во что бы то ни стало хотела избавиться от новой знакомой, принимаемой ею за дальнюю родственницу Сизовой, в то же время не дав понять, куда именно Воронцова отправляется.

Оказавшись у Анны дома Яна огляделась. Квартира не только роскошно и дорого отделана, но и обстановка подобрана со вкусом, в едином, очень женственном стиле. С первого взгляда можно было понять, что мужчины вряд ли надолго попадают в этот чистенький и уютный женский мирок. Воронцова проводила Анну в гостиную, выдержанную в бело-голубых тонах.

Женщины расположились в мягких низких креслах, стоящих около журнального столика. Яна заметила, что хозяйка квартиры так нервничала, мечтая поскорее избавиться от неожиданной посетительницы, что даже не предложила ей никаких напитков. Яна упорно делала вид, как будто не замечает данного нетерпения. Конечно, она понимала, что вполне может ошибаться и Воронцова просто встречается с мужчиной, о чем не желает никого оповещать. Но ведь Анна — свободная вдова, а Сизовы — не ее родственники и не опекуны, следящие за ее моралью и нравственностью.

— Понимаете ли, — решила открыть карты Яна, — все дело в том, что я — сыщик-экстрасенс и ваша соседка, Дарья Владимировна, попросила меня разузнать о смерти сына, можно ли считать это убийством и кто именно причастен к данной трагедии.

Воронцова молчала. Ее взгляд скользил по комнате, старательно не встречаясь с внимательными глазами собеседницы. Яна неопределенно продолжила:

— Вы бы очень нам помогли, все-таки знаете Олега, видели его так часто, общались с его родителями, друзьями.

— Ну что вы, на самом деле я так мало знаю о Сизовых, Олег всегда

был очень скрытным мальчиком, — голос Анны становился все более и более уверенным. — извините, но боюсь ничем не смогу вам помочь.

— Но я и не прошу от вас много, — очаровательно улыбнулась Яна. — Лишь несколько вопросов. Например, скажите, на кладбище вы упоминали о девушке, которую Сизовы хотели бы видеть супругой сына. Кто она?

— А, — Анна смущенно потянулась к пепельнице, и сигаретам, лежащим на столе, как бы желая выиграть время, Яне казалось, что этой женщине, порой напоминающей наивного эмоционального ребенка, чьи чувства сразу ясно написаны на лице, с трудом удавалось лгать, поэтому она и стремится оттянуть мгновение, когда придется отвечать на вопросы посетительницы — не хотите ли тоже закурить?

— Спасибо.

Яна достала свои сигареты. Несколько секунд в комнате царил тишина. Затем Анна неуверенным голосом продолжила:

— Я не помню фамилии и даже имени этой девочки. Просто Даша как-то в разговоре упомянула. Я с ней никогда не виделась. Вам лучше спросить у самой Сизовой.

— Ну что ж, — Яна не стала докапываться, как же женщина тогда узнала эту обесцвеченную блондинку на кладбище, когда представила ее Милославской, как не состоявшуюся невесту. Она понимала, что Анна неискрена, поэтому поймать ее на лжи было не сложно. Яне было интересно, что именно, связанное с ней и ее соседями пытается скрыть Воронцова. Поэтому она сделала вид, что перевела разговор на другое:

— Олег часто приводил домой девушек?

— Нет, — Анна смотрела насторожено.

— А, значит о его похождениях вам рассказывала Даша, его мама или он сам?

— Да нет, — Воронцова пожала плечами. Она никак не могла понять, куда же именно клонит Яна. По всей видимости, богатого бизнесмена, являвшегося когда-то супругом Анны, в момент встречи с тогда еще юной девушкой привлекли отнюдь не ее безграничные умственные способности, а лишь внешние данные этого наивного очаровательного ребенка. Милославская даже немного сочувствовала Воронцовой.

Простая и, по всей видимости, добрая, обаятельная женщина была лишена эгоцентризма и самодовольства, которые при ее наивности и неспособности быстро соображать сделало бы общение с ней затруднительным. Милославская, еще при общении в первый раз сделавшая выводы о том, что особым умом собеседница не отличается, удивлялась, как это, по словам Руденко, ей удалось уехать из Москвы после

смерти мужа и вывезти при этом оставшиеся от него деньги в количестве, достаточном, чтобы купить такую квартиру. Яна понимала, что на богатую и весьма наивную вдову, скорее всего, сразу же должны были накинуться мошенники или даже просто бандиты. Но сейчас не это было главное. Милославская не сомневалась, что такого недалекого собеседника она безо всякого труда может поймать в ловушку, на его же собственной лжи, поэтому продолжала:

— Но вы же, помните, во время прошлой нашей встречи говорили, что Олег, как бы это сказать, общался со множеством девушек, часто их менял? Откуда же вам стало это известно?

Воронцова опустила глаза и после непродолжительного молчания проговорила:

— Я слышала. У нас есть общие знакомые, ну вы сами понимаете. слухи всегда ходят...

— То есть среди ваших знакомых велись об этом разговоры, — уточнила Милославская, отлично понимающая, что женщина лжет.

— Д-да. И сам Олег упоминал, что девушки ему на шею так и вешаются — привлекательный, обеспеченный, умный, — тут в голову Анне пришла новая мысль и она уверенно продолжила: — Кроме того, Даша, его мама часто рассказывала, что Олег чуть не каждый вечер отправляется куда-нибудь с девушкой.

В соседней комнате раздался мелодичный звук. Анна быстро вскочила на ноги. Судя по тому, как легко она это сделала, поднимаясь с низкого кресла, Яна поняла, что ни одна мышца ее тела на протяжении разговора не была расслаблена.

— Извините, я подойду к телефону, — с облегчением в голосе проговорила Воронцова. Она изо всех сил пыталась изобразить радушие, но что-то мешало ее свободному общению с Яной.

Анна ушла к телефону, плотно прикрыв за собой дверь, так что узнать, с кем она разговаривает у Яны не было никакой возможности. Осмотрев внимательным взглядом комнату, Милославская поднялась на ноги и подошла к изящным резным полочкам из карельской березы, расположенным у окна.

На этих полках были расставлены со вкусом подобранные и установленные красивые экзотичные комнатные растения и необычные безделушки. Яна с интересом разглядывала изящные статуэтки из яшмы, когда неожиданно заметила за ними скромно стоящую в уголке раковину. Как замороженная, Милославская уставилась на находку. Она пыталась уверить себя, что это не может быть раковина из видения, мало ли раковин

на свете. Но четко запечатлевшийся в памяти образ невольно подталкивал к мысли, что чудо совершилось, именно эту раковину она уже видела.

Прислушавшись, не идет ли хозяйка, Яна осторожно раздвинула статуэтки и извлекла большую ракушку. Крупная, безупречно отполированная, она сияла нежным перламутром, словно скрывая в своей глубине розовую зарю. Тот же самый оттенок, а кроме того крошечный скол на краешке, напоминающий месяц с вытянутым рогом, ясно говорили о том, что именно эту ракушку видела Яна при содействии карт.

Расслышав приближающиеся шаги, Милославская в мгновение ока вернула раковину на место и сделала вид, что любит цветы.

— Какое очаровательное растение, — проговорила Яна при появлении хозяйки, указывая на крупный цветок с разлапистыми глянцевыми темно-зелеными резными листьями, напоминающими следы лап необычного животного.

— А, — голос Анны заметно потеплел. — Это монстера. Она прекрасно выглядит, не правда ли? Я увлекаюсь комнатными растениями.

Яна обернулась: подошедшая почти бесшумно Анна с мечтательной улыбкой смотрела на свои растения.

— У вас красивые волосы, — медленно проговорила Яна. — Такой удивительный оттенок. Вы не красите их?

— Нет, — с некоторой гордостью проговорила Анна, королевским жестом поправляя прическу. — Это мой настоящий цвет. Покойный муж также всегда восхищался ими.

— А муж был рыжеволосым, не так ли? Это в него пошла ваша дочка?

Анна удивленно посмотрела на Яну:

— Почему это? Он был блондином. А Машутка рыженькая в бабушку, волосы точно такого же цвета.

Яна почувствовала, как замерло ее сердце. Шанс приблизиться к разгадке был велик. Теперь она была почти что убеждена в том, что именно дочь Воронцовой связывала тем или иным образом Александра Тихонова с погибшим Олегом.

— Она была красивой девочкой, — невинно продолжала Яна. — Я вам так сочувствую.

— Да, очень красивой, — глаза Анны влажно заблестели и она отвернулась, чтобы не показать постороннему человеку собственных переживаний. — После ее гибели я хотела сама умереть, меня поддерживала только подруга. Именно она помогла мне выжить.

— Да, Тихонова Лилия замечательная женщина, провокационно спокойно проговорила Яна.

— Конечно, — Через мгновение Анна побагровела. Она поняла, что совершила непростительную ошибку, увлекшись и тут же проговорила: — Нет! Я не понимаю о ком вы говорите! Что вы имеете в виду? Не знаю никакой Тихоновой.

Анна забежала по комнате в волнении, а затем проговорила:

— Мне позвонили — я срочно должна уйти на несколько минут. Быть может вы подождете меня здесь? Или побудете пока у Сизовой Дарьи? Я скоро вернусь.

Яна поняла, что женщина специально предлагает ей остаться, опасаясь, что Милославская последует за ней следом. Именно поэтому с таким страхом и недоверием смотрят на нее красивые глаза со слегка размазавшейся тушью. Но Милославская не решила дожидаться Анну в ее квартире. Она подозревала, что открытия на этом не закончены.

— Сейчас придет прислуга, засуетилась Анна. На ее лице проступило явное облегчение. Она подаст вам напитки.

Яна усмехнулась, У Анны не хватило сообразительности обставить все так, чтобы неожиданная гостя не договаривала про себя завершение фразы: «прислуга присмотрит за тем, чтобы ты не совала свой нос куда не надо и не стащила чего-нибудь».

Яна торжествующе улыбнулась. Все сошлось, карты не подвели, а Воронцова даже не осознала, что она дала в руки Милославской бесценную информацию. Яна не сомневалась: женщина, если и не причастна к убийству, то уж точно знает что-то важное.

Анна быстро унеслась, предварительно познакомив гостью с молчаливой угрюмой на вид темноволосой женщиной. Та, по-видимому не зная, как себя держать в подобном обществе и четко выполняя инструкции хозяйки спросила не нужно ли Яне чего, а затем уселась на стул с туповато-отсутствующим выражением на лице.

Через минуту Милославская решила приступить к активным действиям. Ей хотелось раздобыть фотографию девочки, поэтому она попросила у прислуживающей женщины охлажденную минеральную воду. Как Яна и предполагала, та вышла на кухню. В то же мгновение Милославская рванулась к аккуратному маленькому секретеру красного дерева на резных ножках. Не успела она к нему прикоснуться, как из коридора послышалось странное мягкое шуршание. Яна, не зная, чего ожидать, застыла. Между тем дверь медленно приоткрылась и перед Милославской предстала полная седоволосая пожилая женщина, сидящая на коляске для инвалидов. Старушка сохранила, если не остатки былой красоты, то хотя бы представительность и даже некоторую элегантность.

Ноги старушки были укутаны легким покрывалом. На губах ее сияла вежливая улыбка.

— Здравствуйте, — приветливо проговорила она. — Вы к Анечке? А я ее мама.

Улыбка пожилой женщины была по-детски светлой, сияющей и безмятежной. Она легко, управляя коляской с помощью специального пульта на ручке, развернулась и въехала в комнату к Яне, взяв у подошедшей служанки стакан с водой, чтобы передать его Яне и отослав ту на кухню жестом.

Милославская обрадовалась этому неожиданному источнику информации. Она сразу поняла, что открытость и доброжелательность Анна унаследовала от матери. Вот только Воронцова явно боялась проронить лишнее слова, а ее мать не чувствовала никакого подвоха.

— Я по поводу вашей покойной внучки, — не вдаваясь в подробности проговорила Яна. Анна сейчас вернется, а пока, может вы мне позволите задать несколько вопросов. Я из социальной службы.

Милославская выжидательно смотрела на женщину. В это же время она осторожно извлекла из кармана заранее заготовленную для воздействия на Анну карту «Внушение». Положив на нее руку и не отрывая взгляда от широко раскрытых глаз старушки про себя проговаривала: «Ты откровенна со мной. Я внушаю тебе доверие и всю информацию ты выдаешь без каких-либо затруднений...»

Яна видела, как взгляд пожилой женщины стал каким-то отстраненным, затуманенным. Между тем тепло, исходящее от карты обжигало руку. Яна медленно и четко проговорила:

— Ваша внучка, Маша общалась с соседом, Сизовым Олегом, не так ли?

Женщина заворуженно кивнула, подтверждая, не отрывая взгляда от глаз Яны.

— Какие отношения их связывали?

С замиранием сердца Яна ждала ответ на свой вопрос. Через несколько секунд томительного молчания старушка медленно пробормотала:

— Машутка была влюблена в него. Она лишь о соседе и думала, постоянно за ним следила, о нем говорила.

Слабый, как будто надтреснутый голос прозвенел в томительной тишине комнаты, в которой сразу вдруг стало душно.

— А он приучил детку к этой отраве, к наркотикам. Анечка чего только ни делала, чтобы наказать его. Ей уж и Лиля, подружка, помогала. И в милицию они ходили, и в газеты писали — все зря, разве найдешь на них

управу.

Старушка сощурилась и посмотрела на Яну лукавым взглядом, затем, оглядевшись, не подслушивает ли кто, подманила жестом ее поближе и зашептала:

— Они-то думают, раз я старая, то ничего не вижу, не слышу и не соображаю. А я ведь и ноженьки-то потеряла недавно, после смерти Машутки отказали.

Слезинка скатилась по старческой морщинистой щеке.

— Я первая и заметила, что со внучкой не ладно. Не глупенькая, ведь, телевизор смотрю и про наркотики слышу. Только вот поверить в это долго не могла. Все думала, что внучка приболела. Хорошая она была девочка, вспыльчивая только очень. Увлекалась всем сразу.

Возможно, Яна почерпнула бы еще какую-нибудь информацию, но в этот момент вернулась раскрасневшаяся Анна. Видимо она очень торопилась. Заскочив в комнату женщина недовольно нахмурилась и резко проговорила:

— Мама?! Что ты тут делаешь? Извини, но у меня сейчас серьезный разговор с Яной Борисовной, а тебе уже давно пора отдохнуть.

Старушка только пожала плечами, вежливо распрощалась с Яной и удалилась из комнаты. Между тем Анна присела в кресло и холодно проговорила:

— Все что я вам могла сказать, уже сказано. Я считаю, что на этом разговор можно завершить.

Яна, насмешливо глядя на женщину, поинтересовалась:

— Что, именно это вам посоветовала сейчас Лилия?

Анна покраснела, как нашкодившая девчонка и опустила глаза. Удар попал в цель. Яна продолжила:

— Я думаю, что она также порекомендовала вам не скрывать знакомство, не так ли? Иначе сам факт, что вы скрываете эту информацию способен выдать вас.

— Мне не чего скрывать, — решительно проговорила Анна. Глаза ее светились такой уверенностью, что на мгновение Яна даже заколебалась, сомневаясь, а причастна ли она к убийству. Женщина казалась слишком недалекой и простой, чтобы так умело лгать, не выдав себя ни одним движением, ни одним жестом. Ведь Яна была не только очень чувствительна по отношению к эмоциональному настрою собеседника, но и обладала некоторыми психологическими познаниями. В частности она помнила, что лгущий человек выдает себя именно жестами, слишком уж честными взглядами прямо в лицо, дрогнувшим голосом. Но хотя Анна

казалась Яне в данный момент откровенной и правдивой, сомнения Милославской все же остались. Поэтому она продолжила.

— Думаю, вы понимаете, что в милиции заинтересуются той информацией, которую я могу им предоставить. Вы можете выбрать — хотите ли вы отвечать на вопросы милиционеров и следователя, или предпочтете откровенно поговорить со мной. Вы сказали, что ни в чем не виноваты? В таком случае наш разговор вам не в чем не повредит, зато полностью прояснит ситуацию и поможет обнаружить настоящего убийцу. Ведь я и так уже многое знаю, хочу лишь кое-что уточнить.

Анна на минуту замолчала, обдумывая предложение. Казалось, она колебалась. Взгляд на дверь подсказал яне, что женщина мечтает посоветоваться со своей подругой. Видимо, Анна во всем и всегда привыкла полагаться на кого-то, а не принимать решения самостоятельно. В конце концов логичные доводы Яны и нежелание общаться с милицией победили.

— Что бы вы хотели узнать?

— О вашей дочке. Просто расскажите мне о ее смерти, о том, в каких отношениях она была со покойными Олегом и Сашей Тихоновым. Мне уже известно, что девочка увлеклась им. Он воспользовался ее привязанностью, чтобы приучить к наркотикам?

— Да. Ему денег хотелось, заработать на несчастье нашем мечтал. Я-то ни о чем и не догадывалась, когда она просила у меня на прогулки с подружками, на новые покупки, а потом вещи стали из дома исчезать, — Анна горько усмехнулась. Отчаяние и ни чем не сдерживаемая боль были написаны на ее лице.

— К каким наркотикам он ее приучил?

— Героин. Сначала она нюхала, а затем стала колоться.

— Затем девочка познакомилась с этой стороной жизни Сашу, не так ли?

— Да. Они с детства общались, все время были вместе. Мы с Лилей даже мечтали и шутили все время, что когда они вырастут, то непременно сыграем свадьбу. Сашенька-то с ранних лет Маше во всем подчинялся и все ее прихоти исполнял. Послушный мальчик был, а моя Машутка — сорви-голова, все время в какие-то приключения попадала.

— И как же они умерли?

— Когда мы обо всем узнали, Лиля помогла устроить детей в специальную клинику. Мы в то время и не подозревали, что наркотиками снабжает их Олег. Через месяц кто-то неизвестно каким образом передал в больницу наркотики. Оказалось, что доза была слишком велика и Саша погиб. А Машутка в реабилитационном центре, узнав об этом, покончила с

собой.

Сухое повествование о прошедших событиях явно не легко давалось женщине. Она даже не поднимала глаз с застывшими в них слезами.

— Если девочка умерла, то как именно вы узнали, что именно Олег снабжал ее наркотиками?

— Ее дневник, — неохотно проговорила Анна. Она вела дневник, в который записывала все: свои страдания из-за того, что Олег чуть не каждый день гуляет с новой девушкой, из-за его насмешливо-пренебрежительного отношения и мимоходом брошенных слов.

— А где сейчас этот дневник?

— Нет его, — категорично и даже с некоторым облегчением отрезала Анна. — Я его уничтожила! Никто больше не имеет права заглядывать в мысли и переживания моей девочки.

— А теперь, надеюсь, вопросы закончились. Все что только могла, я рассказала. Надеюсь, это убедило вас, что ни я, ни Лиля не имеем отношение к смерти Олега. Подобное предположение просто абсурдно!

«Чего же ты тогда так испугалась, даже побежала советоваться с подружкой», — подумала Яна, но не стала высказывать это вслух. Вместо этого она распрощалась с Анной и ушла.

Идти домой к Сизовым ей уже не хотелось. Яна нашла расположенный рядом с домом телефон-автомат и отменила встречу с Дарьей Владимировной, сославшись на неотложные дела, связанные с расследованием.

Милославская понимала, что дело еще не доведено до конца, кто именно был убийцей она не знала, известен лишь мотив соседки. Но в душе ее непреодолимо росло противодействие; такого желания, охотничьего азарта, что порой пробуждался в ней, подстегивая и поддерживая тот пыл, с которым Яна расследовала очередное преступление, уже не было.

Милославская понимала, что закон должен быть превыше всего, нельзя отнимать жизнь у кого бы то ни было, но видеть эту убитую горем мать, пытавшую отомстить за своего ребенка в тюрьме она не хотела. Сложнейшая и удивительно неприятнейшая диллема стояла в данный момент перед ней: Бросить расследование, отказаться от него Яна уже не могла, но и продолжать не так уж сильно ей хотелось.

Она задумчиво шагала по проспекту. Совершенно бессознательно, влекомая только лишь инстинктом самосохранения, погруженная в размышления Яна старалась идти по теневой стороне. Несмотря на то, что день уже клонился к вечеру, жара стояла невыносимая. Застывший в

неподвижности горячий воздух, казалось, можно было резать ножом, он застывал в легких, затрудняя дыхание. Даже легкого ветерка не было заметно. Люди, идущие навстречу Яне, выглядели изможденными и усталыми из-за этой слишком рано наступившей жары. Даже летние сумерки были столь же мучительными, жаркими и тягучими, а уж под лучами палящего солнца на прогретом пыльном асфальте находиться было почти невозможно.

Яна сама не осознавала, куда именно она отправляется, пока не оказалась на улице Чехова. Эта тихая улочка казалась ей наиболее перспективной. Милославская пыталась во чтобы то ни стало, пока еще оставалось время, отыскать тот дворик, где, судя по ее видению, должно было произойти убийство. Для начала она внимательно осмотрелась. К тому выводу, что дворик, виденный ею в темноте, находится где-то в центре, Яна пришла из-за того, что на высоком здании переливалась неоновым светом реклама. Конечно, это еще ничего не гарантировало, но все же больше шансов у нее было обнаружить подобную рекламу где-то в центре, чем в заброшенных окраинах, где и фонарей днем с огнем не найдешь.

Поиски нужного двора оказались делом хлопотным и неприятным. Сперва Яна отыскала девятиэтажку с рекламной вывеской. Затем определила, из каких дворов с двухэтажными домами этот дом виден. Зайдя в первый двор, она не обнаружила ничего, кроме помойки, обрамленной мусором, издающей непревзойденный исконно российский аромат. В этой помойке с деловым видом копался бомж. Кроме сломанной скамейки больше ничего интересного в этом дворе не было.

Следующий пустынный почему-то дворик порадовал Милославскую двумя маленькими собачонками, злобно рычащими друг на друга. Заметив появление Яны они забыли про вражду и совместными усилиями принялись облаивать женщину, подступая к ней все ближе. К счастью, этот дворик также не имел никакого отношения к привидевшемуся Яне, так что она поспешно, но сохраняя достоинство удалилась.

Еще несколько дворов, подвергшихся подобному обследованию не удовлетворили ее требованиям. Милославская уже было начала приходить в отчаяние. Конечно, она прекрасно понимала: ее затея была почти что безнадежной. Мало ли дворов в Тарасове, с двухэтажными купеческими особняками и стоящими рядом девятиэтажными новостройками. Но все же позволить убийству произойти она никак не могла. Отправиться же в милицию, пусть даже и не к постороннему человеку, а к давно знакомому и доверяющему ей Руденко с информацией, что неведомо где и неведомо

когда произойдет убийство было столь же нелепо и бессмысленно. Именно поэтому Яна упорно шагала по улицам, осматривая все новые и новые дворы, натываясь на очередные подозрительные взгляды сидящих там старушек или мамаш с детьми.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В конце концов, осознав, что дальнейшее продвижение будет столь же безуспешным, Яна отправилась домой. Она не оставила мысль, отыскать место, где в дальнейшем должно произойти убийство, но, так как время вроде бы еще не поджимало, решила добраться до дома, накормить Джемму и поразмышлять над тем, как лучше организовать эти поиски. Кроме того, Яна питала смутную надежду, что она отдохнет и вновь сможет воспользоваться магической силой карт.

Она вышла на дорогу и тормознула проезжавшее мимо такси. Назвав улицу, Яна прикрыла глаза и вновь погрузилась в размышления. Вскоре она была дома, отбиваясь от восторженной радости Джеммы, открыла дверь и прошла в комнату.

Нахлынувшие на нее неприятные чувства, вызванные разговором с Воронцовой и неудачными поисками понемногу рассеивались. Прежде всего Яну беспокоил вопрос, если убийство совершено по наущению Воронцовой и Тихоновой, матерей, потерявших из-за Олега сына и дочь, то кто же тогда и с какой целью убил мужчину в ее видении? Судя по татуировке, это был тот же самый человек. Теперь он действовал самостоятельно, устраняя ненужных свидетелей или просто убийца не имеет никакого отношения ни к Анне, ни к Лилии, а Милославская лишь зря теряет время и силы, вместо того, чтобы получить действительно важную информацию?

«Ведь, — задала сама себе вопрос Милославская, — а с чего я взяла, что убийство совершено именно кем-то, связанным с Тихоновой и Воронцовой? Карты, как известно, то же не без греха и могут совершенно невольно запутать, заведя совсем не в ту сторону».

Мысль была логичной. Из разговора с Анной Милославская почерпнула лишь информацию, что у этих двух подруг был мотив, было желание. Но вот осуществилось ли оно, или убийство совершил кто-то другой, а женщины осторожничают лишь из-за того, что не хотят оказаться впутанными в это дело? Четкого ответа на этот вопрос Яна еще не получила, так что до разрешения данной не простой задачи было еще далеко. Вполне возможно что Воронцова здесь не при чем.

Яна воодушевилась и, даже напевая, отправилась на кухню. Несмотря на жару, обычно полностью отбивающую у женщины аппетит, в данный момент она почувствовала, что проголодалась. Джемма обрадовано

прошествовала за хозяйкой. Уж она-то никогда не забывала время своего ужина и пропускать его не собиралась.

Милославская быстренько приготовила себе легкий салатик из свежих овощей. Джемма уже хрустела своим сухим кормом, обещающим, судя по телевизионной рекламе, преподнести собаке столько витаминов и энергии, сколько Яна не получила бы даже в том случае, если бы уничтожала все овощи, фрукты и мясо, продающиеся на рынке.

Яна сидела за столом и вяло жевала овощи. Солнце, наконец-то, готовилось скрыться за горизонтом, озаряя последними предзакатными лучами Янин запущенный садик. От подобного освещения пыльные листья неожиданно заиграли новыми красками, обретя специфическую естественную прелесть, дарующую успокоение измученной душе и радующую глаз. Взглянув на подобное, хотелось изменить что-нибудь и в своей жизни, чтобы она стала столь же естественной, пусть даже и застывшей в созерцательной неподвижности, но прекрасной.

Милославская, любуясь красотой, представшей перед ее глазами, лениво размышляла, обратиться ли к Руденко за помощью в поисках нужного двора или действовать собственными силами. В конце концов она пришла к выводу, что данное время общения с Руденко с нее и так достаточно, Яна решила действовать на свой страх и риск. Дело было не в том, что она боялась лишней раз обращаться к Руденко за помощью. Несмотря на полуофициальные отношения, то есть дружеское общение происходило лишь тогда, когда милиционера и экстрасенса связывали какие-то дела, Яна знала: Руденко не замедлит прийти на помощь и оградит ее по мере сил от опасности, если только поступит такая просьба. И все же она не желала идти по подобной проторенной дорожке. Прежде всего из-за нежелания выслушивать его очередные насмешки.

Яна подошла к открытому окну. Сегодняшний день, как ей казалось, был особенно жарким и даже душным. У Яны разболелась голова и сейчас она с удовольствием вдохнула немного свежести, появившейся после заката благодаря поднявшемуся ветерку. Яна вновь и вновь перебирала в памяти визуальные образы своего последнего видения, преподнесенного ей неисправимым «Джокером». Порой Милославской казалось, что все ею виденное относится не к будущему, а к прошлому, а она зря мучается, отыскивая неизвестный двор. Но все же какое-то предчувствие подсказывало ей, что все еще впереди и она вполне может предотвратить несчастье.

Мягкие сумерки окутывали темным покрывалом землю. Небо, казалось бы только что такое ясное, на западе начинало темнеть

значительно быстрее. Темные тучи, гонимые ветром, напоздали, пряча последние лучи заходящего солнца. Было уже около одиннадцати часов.

Яна не замечала никаких изменений, полностью погрузившись в воспоминания. К ее глубочайшему сожалению, запечатлевшийся ландшафт не навел ее на мысль, где это может находиться. Из-за темноты ни одной приметы, по которой появился бы шанс найти двор не было. Тогда Яна переключилась на то, что она увидела в машине. К сожалению, царившая в ней полутьма не позволила увидеть многое. Определить, кто же убийца, Яна по-прежнему могла лишь по этой маленькой татуировке, так бросившейся ей в глаза. Но, наверняка, такая татуировка довольно распространена и оказать помощь в поимке она могла весьма и весьма относительную.

На мгновение, прокрутив воспоминание о том, что происходило в машине, Яне показалось что-то знакомым. «Ну конечно, — проговорила она, удивив задремавшую было Джемму. — Я же видела этого человека. Могу поспорить, что эти короткие светлые волосы принадлежат Никитину». Во время своей единственной встречи Яна видела мужчину лишь несколько минут, да и к тому же лишь спереди. Сейчас же догадаться ей помогли мимоходом отмеченные упавшие на пол очки в дорогой оправе. Да и джип, по всей видимости, был его.

Яна словно очнувшись, огляделась. Она не заметила, что прошло так много времени. Было уже совсем темно. На небе ярко засверкали звезды и ожил свет месяца. Ветер гнал тучи в сторону Волги. Половина неба еще оставалась залита лунным светом, а другую, темную, за рекой уже прошивали насквозь молнии. Через некоторое время грозовые облака стерли месяц и над городом повеяло прохладой.

Нельзя было терять ни минуты. Яна набрала домашний номер Руденко. Но там никто не отвечал. Долгие, поначалу безуспешные попытки связаться с участком, наконец-то, принесли неожиданный результат — лейтенант после дежурства должен был находиться дома. Яна вновь набрала домашний номер Руденко. На этот раз она готова была ждать хоть до бесконечности, лишь бы он оказался дома. После долгих гудков, когда она уже почти отчаялась, трубку все же подняли.

— Семеныч, миленький, — взволнованно проговорила Яна забыв обо всех церемониях, а также о том, что уже двенадцатый час.

— Ты что ль? — недовольный сонный Руденко лишь тоскливо вздохнул. По тону было ясно, что от своей иррациональной подруги он лишь таких неожиданностей и ждал. — Время сколько, знаешь? Я с дежурства, всю ночь не спал, только прилег...

— Сеня, — умоляюще проговорила Яна, — мне нужно, чтобы ты срочно отыскал Никитина. Скорее всего сегодня его попытаются убить.

— А виллу на Канарских островах и «мерседес»? Не нужно? — язвительно усмехнулся лейтенант, изобразив несказанное удивление.

— Семеныч, ну мне прямо очень-очень нужно. Сам же знаешь, я в долгу не останусь. А ты убийство предотвратишь.

— Ты что, с ума сошла? — по голосу было ясно, что сон с него соскочил окончательно и бесповоротно. — Убийство еще не знай будет, не знай нет, а мне всех на уши среди ночи ставить, человека из областного правительства беспокоить, а потом, если тревога ложная, как это объяснять? Извиняйте за беспокойство, спите спокойно дорогие товарищи, мне цыганка нагадала, да ошиблась?

— Сеня, ну ты подумай. Неужели ты хочешь, чтобы «дорогой товарищ» действительно заснул вечным сном, а тебе пришлось бы отыскивать его убийцу и получать нахлобучки от начальства за нерасторопность. Я точно знаю, что Никитин будет в своей машине, джипе. С ним вместе во двор приедет убийца. Затем, по всей видимости, он оглушит его чем-то и вколет наркотики или яд.

— Опять видения, — недовольным голосом протянул лейтенант и неохотно добавил: — в каком дворике-то они хоть будут?

— Не знаю, — в отчаянии воскликнула Яна. — Если бы я только знала!

— Вот те бабушка и ешкин кот, — перефразировал поговорку Руденко и присвистнул. — Ну ты сама подумай, как я буду называть твоему Никитину и интересоваться: куда вы сегодня поедите, да где остановитесь и кого с собой подберете. Он же меня просто пошлет куда подальше, да и говорить не станет.

— Ну хотя бы постарайся определить, где сейчас его машина, проследи за ней, — в отчаянии проговорила Яна, чувствуя, что последняя надежда ускользает.

— Ладно, — неожиданно смягчился лейтенант. Я по своим каналам попытаюсь узнать, где сейчас Никитин находится, а там посмотрим. Может он дома мирно спит, а ты тут паникуешь.

— Не спит, — вздохнула Яна. — Я сперва ему позвонила. Там только автоответчик.

Яна повесила трубку и застыла в ожидании. Ей казалось, что секунды тянутся словно часы, а гроза приближается все ближе и ближе. Она никак не могла забыть, что первые капли упали в тот момент, когда Никитин был уже без сознания.

Руденко все не звонил. Яна уже как загнанный зверь металась по комнате в ожидании. Джемма, не ждавшая от хозяйки подобного всплеска эмоций забила в угол и с недоумением поглядывала на обеспокоенную женщину. Телефон же словно умер. Неожиданно близкий гудок машины разорвал тишину и заставил насторожиться Джемму. Яна выглянула в окно. Фары старенькой «шестерки» лейтенанта освещали калитку. Милославская собралась за несколько секунд и выскочила во двор. Джемма не отставала от нее ни на шаг.

— Ну, возмутительница спокойствия, садись. Что? И этого крокодила сюда? — возмущенно проговорил Руденко, наблюдая, как с комфортом устраивается на заднем сидении собака.

— Ну, что ты узнал? — Яна не обращала внимание на недовольство лейтенанта осторожно вытаскивающего из под собаки новое покрывало на сидение и тщательно стряхивающего с него ворсинки.

— На презентации твой Никитин. Пригласили его презентовать открытие очередного коммерческого банка. Как поганки тут расплодились у нас, а правительство все презентует и презентует.

— Не ворчи, ты лучше скажи, он точно там, еще не уехал?

— Нет пока, отмечает вовсею.

Руденко на большой скорости рванул вперед, по пустынным улицам старенькая «шестерка» неслась с неподобающей ее возрасту прытью.

Вскоре они оказались около празднично освещенного нарядного недавно отстроенного здания. Множество роскошных машин расположилось перед ним, но как Яна не присматривалась, знакомого джипа видно не было. Тревога и беспокойство не отпускали, поэтому она ничуть не удивилась, когда Руденко, вернувшийся после недолгого общения с охранниками, стоящими у двери здания, несколько смущенно проговорил:

— Уехал он. Недавно. Может догоним еще.

Яна ничего не ответила, лишь всматривалась в освещенную фарами дорогу. когда машина столь же рьяно рванула и на этот раз. Время работало против Яны. Оно переметнулось на сторону таинственного и безжалостного убийцы, готового в этот момент нанести свой удар.

— И как же ты собираешься теперь его найти?

Яна несколько скептически смотрела на лейтенанта. Если бы только тот не тратил время на препирательства, а сразу же подключил бы своих людей к делу, возможно, Никитина удалось бы остановить, а убийцу поймать. Теперь же осталось надеяться лишь на удачу.

— Это скорее у тебя надо спросить, ты же колдунья, все знаешь — где,

какое убийство может произойти.

Немного помолчав, Руденко продолжил:

— Поедем к нему домой. Надеюсь, он отправится именно туда.

Но когда они добрались по Московской до проспекта и свернули на Волжскую, надежды Яны увидеть Никитина живым почти растаяли. Над рекой уже грохотал отдаленный гром, а валяющиеся на земле оброненные кем-то бумажки от резких порывов ветра закрутились в вихре.

Яна внимательно осматривала мелькающие дома. Логически рассуждая, можно было предположить, что убийца скорее всего предложит заехать по пути в какой-то дворик. Хотя вполне возможно, Никитин согласится подвезти этого человека, если они давно знакомы куда-то, например к нему домой.

У дома Никитина джипа видно не было. Конечно, это еще ни о чем не говорило, машина вполне могла оказаться и в гараже, но и в окнах свет не горел. Руденко, чертыхаясь, выскочил из машины и подбежал к мужчине, выгуливающему свиноподобного на вид бультерьера. Хозяин, по всей видимости, не только внешне был чем-то похож на свою собаку, но и отличался столь же богатым интеллектом. Поэтому Яна вся истомилась, пока лейтенант, размахивая своей красной книжечкой, добьется в конце концов ответа на вопрос, не появлялся ли здесь джип.

Через мгновение бодрой трусцой грузный Руденко подбежал к машине. Собака, спущенная с поводка и подозрительно присматривающая за ним, приняла подобную поспешность за знак трусости испугавшегося противника. Именно поэтому в первое мгновение без малейших сомнений мордастая бульдозерообразная псина кинулась было добивать противника и ловить его ускользящие ноги своими острыми зубами. Но к счастью для достоинства лейтенанта у хозяина оказалась неплохая реакция и он ухватил свою собаку за шкуру, видимо, не желая сталкиваться таким образом с милицией.

— Черт, е... полудурок со своей шавкой, извини, — покосился он на Яну.

— Не появлялся. — спокойным голосом констатировала Милославская. — Поехали назад, но только медленно.

Руденко даже не стал задавать вопросы, послушно заводя мотор. Несколько томительных мгновений Яне уже казалось, что все напрасно, они не смогут тронуться с места. Но затем подозрительное пощелкивание и постукивание в недрах его старушки стихло и машина двинулась в обратный путь. Первые капли дождя ударили в стекла машины. Напряжение, испытываемое Яной дошло почти до предела, хотя внешне

обнаружить это было невозможно.

Яна внимательно вглядывалась в дома, мимо которых они проезжали. Девятиэтажек было много, но ее интересовали лишь те, на которых мерцали неоновые буквы. Наиболее подходящим показался дом, привлекающий мирных граждан страховать именно здесь. Теперь ее взгляд заскользил по прилегающим и расположенным поблизости двухэтажным особнякам.

Когда были обследованы уже четыре двора, Руденко от ругательств в бессмысленности их занятия останавливал лишь решительный и уверенный вид Милославской. Машина заехала в пятый двор и сердце Яны замерло. Жутковатое ощущение «*deja vu*», как и в том случае, когда она впервые услышала голос Воронцовой. Яна, казалось, вновь перенеслась в свое видение. Опрометью выскочив из автомобиля, совершенно не задумываясь о возможной опасности, если убийца еще не ушел, Милославская подбежала к джипу и протянула руку, чтобы открыть дверцу, когда лейтенант, проявивший неожиданную расторопность, остановил ее. Молния, как в третьесортном фильме ужасов, прочертила небо, озарив все вокруг дрожащим нереальным светом. Фонарь все также раскачивался то загораясь, то потухая.

— С ума сошла, — театральный шепот Руденко из-за вновь прозвучавшего грома был почти не слышен. — Отойди. Вдруг у него оружие. Да и вообще, — заговорил в нем профессионал, ревностно охраняющий возможные улики. — Здесь могут быть отпечатки, не трожь.

Разглядеть через тонированные стекла ничего не получалось и Яна с неохотой отступила. Она понимала, что если и правда найдут труп, Руденко придется отчитываться за присутствие постороннего человека, чьи отпечатки могут запутать дело. Лейтенант извлек из кармана большой клетчатый носовой платок, осторожно обернул им руку и попробовал открыть дверцу. Она не поддавалась. Раздосадованный Руденко подошел к машине со стороны водителя и повторил свой маневр. На этот раз никаких проблем не возникло.

Но открывшаяся дверца таила за собой сюрприз. Как чертик из коробочки, следом за ней на ошарашенного Руденко вывалилось тело мужчины, в котором Яна при свете вновь блеснувшей молнии без особого затруднения узнала Никитина. Точно аккомпанируя всему происходящему вновь прозвучал жутковатый в подобной обстановке гром. Ночь приобретала сюрреалистические аспекты фантастического кошмара.

Лейтенант с трудом сдержал эмоции и выразительные словечки, просившиеся на язык. До последнего мгновения он все же окончательно не

мог поверить Яне, считая, что все это всего лишь «сбой» в ее непонятной системе взаимодействия с «потусторонними», как он говорил, силами. И думал он раньше не столько о предотвращении возможного убийства, как об оправданиях и извинениях, которые придется принести разъяренному хозяину.

Но извинения в данный момент, как оказалось, приносить можно было только труп или во всяком случае бессознательному телу. Как Яна, до нитки уже промокшая под проливным ливнем, и предполагала, убийцы на месте уже не было. Они опоздали. Отчаяние и даже злоба на нерасторопного и недоверчивого лейтенанта охватили Милославскую. Если бы он только поторопился... Она приблизилась к машине, сопровождаемая промокшей, но предано ступающей рядом Джеммой.

Неожиданно лейтенант крикнул:

— Он жив! Беги, вызывай скорее опергруппу и скорую помощь.

Яна мгновенно кинулась к ближайшему подъезду. Настойчивый трезвон в первую дверь ничего не дал. Кто-то лишь закопошился в квартире, изучил женщину через дверной глазок, но други признаков жизни не подавал. Яна уже метнулась к другой двери, крича:

— Пожалуйста, помогите! Человеку плохо, вызовите скорую помощь!

Следующая дверь приоткрылась. Здоровенный накачанный бугай, в здоровенных семейных трусах с трогательными голубенькими цветочками, вооружившись каким-то железным прутом подозрительно оглядывал нежданную посетительницу:

— Чего орешь? Шляются тут всякие, бандиты, да наркоманы? Надралась что ли?

Яна, проклиная нашу жизнь, заставляющую в каждом человеке ночью видеть врага и преступника поспешно заговорила:

— У вас есть телефон? Вызовите скорую помощь и милицию, срочно.

— Щас!

Недоверие в глазах мужчины окончательно не исчезло, но он запер дверь и отправился, как понадеялась Яна, все же звонить.

Милославская тем временем вихрем вылетела во двор. Лейтенант растерянно стоял рядом с джипом, прикрыв дверцу. Трогать Никитина он побоялся. Прежде всего не только из-за того, что мог уничтожить следы преступника, но и опасаясь причинить вред раненному.

— Я читала, что при передозировке необходимо ни в коем случае не позволять человеку спать. Надо беспокоить его, заставлять двигаться, что угодно, но не сон.

— А если ты ошиблась? — недоверчиво проговорил Руденко. Вдруг

это не наркотик и не героин вовсе?

Яна лишь кинула яростный взгляд. Неожиданно вспомнив, что неверие в предчувствие Яной несчастья повлекло это роковое опоздание, Руденко засуетился. Приоткрыв дверцу он еще раз осмотрел мужчину, убедившись что признаков повреждений и ран вроде бы не видно, придержал голову так, чтобы на Никитина попадали струи дождя. В это же время Яна осторожно хлопала мужчину по щекам. Через несколько минут мужчина начал подавать признаки жизни. Что-то невнятно промычав, он приоткрыл мутные, ничего не понимающие глаза, после чего вновь провалился в беспамятство.

Из подъезда осторожно высунул нос открывший Яне дверь бугай. На себя он успел натянуть тренировочные штаны. Заметив, что на улице дождь, мужчина попытался было снова спрятаться в подъезд, но, взглянув на собравшуюся у джипа группу, передумал.

— Что случилось-то? — поинтересовался он, разглядывая Никитина и обступивших его Яну с милиционером.

— Вы вызвали скорую помощь? — его вопрос никто не удостоил внимания.

— Конечно, — обиженно проговорил шкафоподобный мужик. Руденко рядом с ним, несмотря на то, что никогда не страдал из-за маленького роста, почувствовал себя пигмеем. Это не подняло ему настроения, так что лейтенант буркнул:

— Отойдите, гражданин, не мешайте. Видите, человеку плохо.

— А, — протянул бугай. — Ну, если так. Я тогда отойду, мешаться не буду. Только имейте в виду, я санитаром работаю.

Руденко, несколько смутившись, кинул на Яну взгляд. Выходить самому из создавшегося положения и просить о помощи ему не хотелось. Яна же не заметила этого взгляда по той простой причине, что во все глаза уставилась на бугая, отрекомендовавшегося санитаром. Только волнениями трудного дня, а точнее ночи, можно было объяснить то, что она не узнала, кто это. Теперь же, даже в полутьме, которую нарушали лишь фары машин и мигающий фонарь, она безошибочно узнавала мельком виденные черты. Именно это лицо и фигуру, вот только в белом халате, Милославская заметила в своем видении в тот момент, когда молоденькая санитарочка подбежала к Никитину, шагающему вместе со врачом и сообщила о побеге сына. А санитар вызвал доктор для того, чтобы поймать мальчишку.

Яна не могла поверить, что эта встреча оказалась случайной. Конечно, она прекрасно знала — процент случайности в жизни значительно выше, чем кажется многим. Порой в жизни происходит такое, что кто-нибудь,

увидев подобное в фильме, лишь пожал бы плечами, усмехнувшись нелепости и вычурности фантазии сочинителей. В то же, что столь нелепа и вычурна сама жизнь мало кто верит. И все же Милославская не верила в предопределение, а подозревала какой-то подвох. На мгновение ей даже захотелось взглянуть, нет ли у санитара на запястье маленькой татуировки. Совершить убийство, добежать до квартиры, раздеться, а затем открыть ей дверь он бы вполне успел.

Значительнейшим усилием воли Милославская скрыла все свои переживания и мысли. Просительный взгляд Руденко она предпочла проигнорировать. Привлекать к спасению Никитина санитара, которого она подозревала, не хотелось. Кто знает, к чему бы это привело. Хотя и лишать человека из-за своих подозрений квалифицированной медицинской помощи не хотелось. Впрочем проблема быстро была снята с повестки, так как послышалась сирена и во двор, заливая его мигающим голубоватым свечением, въехала скорая помощь, а через мгновение после нее милиция.

Яну и санитара мгновенно оттеснили от джипа, приказным тоном попросив пока никуда не удаляться. Яна заворожено наблюдала за тем, как суетятся врачи, когда санитар тихонько потянул ее за руку и негромко проговорил:

— Им сейчас не до нас. Может отойдем к подъезду?

Только в этот момент Милославская поняла, как она промокла. Послушно шагая за бугаем, она лихорадочно размышляла, имеет ли смысл попытаться поговорить с санитаром или лучше не выдавать ему своих знаний.

Стоя под навесом они напряженно наблюдали за разворачивающейся картиной. Санитары быстро погрузили Никитина на носилки и увезли. Руденко осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться, заглянул в джип, чтобы убедиться в отсутствии там людей. В этот момент санитар, за которым Яна внимательно наблюдала краем взгляда, стараясь скрыть свой интерес, пристально разглядывал джип. Увидев освещенный фарами патрульной машины номер, он тихонько охнул и выматерился, забыв о присутствии Милославской. В следующее мгновение он рванул было в квартиру, затем, видя, что к ним подходит милиционер послушно замер.

От Яны, представившейся случайной прохожей, и санитара потребовали паспортные данные, чтобы зафиксировать их в качестве свидетелей. Санитар тут же рванул в квартиру, объяснив, что выскочил спросонья без документов. Яна жалобным голосом проговорила:

— Позвольте в таком случае воспользоваться вашей уборной. Мне не хорошо.

Стоящий рядом милиционер открыл было рот, желая объяснить, что он с удовольствием проводит граждан в жилище, заодно немного и пообсохнет, когда Яна, немного отступив назад, что ее не видел санитар, скорчила зверское выражение лица и выразительно прожестикуюлировала подошедшему Руденко. К счастью «Три семерки» на этот раз проявил недюжинную сообразительность и вовремя притормозил сержанта:

— Я присмотрю за гражданами и поговорю с ними. Идите пока к машине и ждите криминалистов. Заодно проследите, чтобы никто близко не подошел, — проговорил он, недовольно оглянувшись на несколько зажженных окон из которых уже выглядывали любопытные бабуськи. А парень с девчонкой, видимо до этого обжимавшиеся в подъезде, не опасаясь понемногу утихающего дождя, короткими перебежками подбирались все ближе и ближе.

Руденко, выразительно поглядывая на жестикулирующую Яну, добавил:

— Вы можете пройти домой, за документами, а я через несколько минут подойду. Необходимо зафиксировать ваши показания.

Милославская посмотрела на Джемму и строго проговорила:

— Сиди здесь. У подъезда. Я скоро вернусь.

Яна и санитар прошли в квартиру, отделанную довольно-таки дорого и со вкусом, оставляя за собой мокрые следы на паркетном полу. Санитар, предварительно представившись Юриком, показал женщине, где расположены удобства и, проследив за тем, закрыла ли она за собой дверь, вошел в комнату. Через мгновение прислушивающаяся Яна включила воду, выскользнула из туалета и приникла к двери. ожидания ее были не напрасны. Торопливым шепотом санитар говорил по телефону с кем-то.

— Да... Извините... Нет, Юрий Владимирович, экстренно... Только что в моем дворе обнаружили джип Никитина... Не знаю... Увезли на скорой... Он опять сделал это... Не могу сейчас говорить... Да.

Через мгновение раздался звонок в дверь и санитар пошел открывать Руденко. Яна уже шумно плескалась в туалетной комнате. Она знала лишь одного Юрия Владимировича. Конечно, вполне возможно, что это вовсе не Альбин, но проверить, как Яна считала, не помешает.

Руденко привел с собой сержанта, для ведения протокола. После стандартной записи паспортных данных, Семен Семеныч потребовал краткого отчета о том, что видел сегодня вечером санитар. Затем, строго взглянув на Яну, добавил:

— А вам, гражданка Милославская, придется проехать в отделение, раз документов с собой нет.

Милославская послушно кивнула, а оказавшись за дверью, надежно закрытой хозяином и немного отойдя, чтобы их не было слышно, попросила Руденко оставить человека, проследить за этим свидетелем. «Три семерки» удивился:

— Думаешь, это он пришел Никитина? Что-то у тебя идеи все оригинальней и оригинальней. То из-за тебя приходится такой цирк ломать перед этим санитаром, то следить за ним велишь.

Но не смотря на ворчание, лейтенант все же оставил у двери сержанта с приказанием проследить за санитаром. Яна и «Три семерки» вышли во двор. Машину Никитина куда-то увезли на буксире. Дождь закончился и свежий, пахнувший озоном воздух нежной прохладой ласкал лица людей.

— Ну, показания с тебя мы завтра снимем, я позвоню, когда надо будет в отделение приехать. Только скажи мне теперь, пожалуйста, как я, так тебя раз этак, стану объяснять нахождение тела? Ехали мы ехали, во дворик случайно заехали, в джип за магнитолой залезли, а там человечек лежит?

— Да ладно, не переживай, — Яна устало улыбнулась. — Я сама все объясню. Ты мне лучше утром обязательно сообщи о том, выживет ли Никитин.

— О-ох, — смачно зевнул лейтенант. — Ни сна с тобой, ни покоя. Вторые сутки не сплю. Ну, загружайся давай со своей собакой. Домой довести?

Яна посмотрела на небо. Ветер разогнал тучи и на прояснившемся небосклоне виднелся круторогий убывающий месяц, чем-то неуловимо похожий на рисунок на картах Милославской. Там хулиганистый месяц, казалось, сиял такой же лукавой улыбкой. Звезды начинали бледнеть. «Скоро уже рассвет, — подумала Яна. — А сколько же лет я не встречала рассвет, не смотрела на это грандиозное зрелище перевоплощения ночи в день, тьмы в свет?» Яна с грустью вспомнила, что последний раз это было много, казалось бы, тысячи лет тому назад, в другой жизни, когда она вместе с мужем, решила, что пятилетний сын должен увидеть эту потрясающую и запоминающуюся на всю жизнь красоту.

Они тогда отправились в небольшой туристический поход. Яна туризмом никогда не увлекалась, кроме того с ними был маленький ребенок, так что далеко они не уезжали. Но эта встреча восхода на реке запомнилась на всю жизнь не только восхищенному, забывшему про сон сынишке, но и самой Яне. Такие пронзительные мгновения счастья бывают так редко. Они запоминаются на всю жизнь и вызывают потом тоскливое ощущение потери.

Неожиданно Яне захотелось вернуться в прошлое, вспомнить

исчезнувшее счастье, сгинувшую, словно сон, былую жизнь. Она взглянула на Джемму, вдохнула прохладный, пахнущий цветущей рядом акацией воздух и проговорила:

— Знаешь, ты меня лучше никуда не вези. Я здесь останусь.

Руденко, шагающий к своей машине, даже споткнулся от неожиданности и обернулся:

— Ты что? Сбрендила? Караулить, что ли, его собралась?

— Нет. Просто прогуляюсь.

Яна не собиралась давать какие-либо объяснения лейтенанту. Во-первых, признаваться в своих столь не свойственных ее рациональной натуре сентиментальных воспоминаниях и нахлынувших чувствах не хотела. Во-вторых, она сама не могла объяснить, почему ей так хочется спокойно поразмышлять не в душной комнате, а на свежем воздухе, пройдясь по улицам, на которых еще нет вечно куда-то спешащего, суетящегося и толкающегося потока народа. «Должно быть, бессонная ночь отрицательно сказалась на моих умственных способностях», — иронично усмехнулась про себя Яна. Руденко же всей своей грузной тушей подпрыгивал рядом, пытаясь объяснить своей иррациональной подруге, что расхаживать в такой час по городу — самоубийство. Из него так и сыпались цифры статистики избиений, надругательств, хулиганских выходов расшалившихся ночью малолеток. Яна одной фразой отмела все его возражения:

— Семеныч, спасибо за заботу, но я сама справлюсь. Со мною Джемма, а кроме того, ты мне сам неоднократно заявлял, что ближе к рассвету угоманивается почти все хулиганье.

Не зная что на это ответить и не в силах постичь настроение Яны, Руденко лишь пожал плечами и обиженно хлопнул дверцей своей машины.

* * *

Милославская взяла Джемму за поводок и отправилась куда глаза глядят. Она чувствовала, что только в тишине уснувшего города, среди омытой летним дождем листвы способна будет поразмыслить над обстоятельствами этого запутанного дела и прийти к какому-то выводу.

Женщина медленно шагала по Соборной улице. Она шла почти бессознательно, не выбирая направления, а следуя за тянущей поводок Джеммой.

В предрассветный час город преобразился. Не бросался в глаза

валяющийся повсюду мусор, еще не убраный дворниками, в розоватом свечении скрадывались обшарпанные фасады особняков, выстроенных еще, наверное, в прошлом веке. Казалось, дома таинственно молчали, вспоминая свою молодость и обретая в этом воспоминании утраченную прелесть. Там же, где ущерб, нанесенный зданиям временем был слишком заметен, все скрадывала пышная растительность — цветущие каштаны, нежная акация и покрывающие мостовую белым пухом тополя. Этот пух, сперва немного прибитый дождем, уже кружился, словно белый снег. Но Яна раздумывала, сопоставляла и анализировала, не замечая окружающей ее хрупкой урбанистической красоты, исчезающей с первыми солнечными лучами. Путь ее был не столь уж и далек, но направлялась она не к дому, а к набережной, пересекая улицу Некрасова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Здоровый откормленный черный кот вальяжно разлегся на скамейке, уютно прикрыв лапы пушистым хвостом с кипельно белым кончиком. Котьяра, чья ухоженная шерсть поблескивала в первых предрассветных лучах, взирал на окружающий его мир с желтоглазым безразличием, выразившим почти что презрение. Даже приближение Яны с собакой ни в малейшей степени не встревожило и не взволновало его.

Джемма была прекрасно воспитанна и на посторонних животных, по ее мнению, ничем не угрожающих ее хозяйке, обычно не реагировала, делая вид, что просто не замечает их. В данном случае овчарка попыталась таким же образом проигнорировать этого жирного кота. Собака тактично отвернула морду в сторону, делая вид, что присматривается к темнеющему впереди дереву, а на самом деле уголком глаза наблюдая за наглым животным.

Кот же, чувствуя свою безнаказанность пронзительно мяукнул, как бы привлекая к себе внимание, а затем перевернулся на спину и принялся лениво ловить свой собственный хвост. Такая наглость бесцеремонного черного котьяры, возлежащего уже практически в двух шагах от овчарки, задела чувствительную собачью натуру. Исключительно для порядка Джемма решила тихонько рыкнуть, показав этим, кто хозяин улицы.

Яна, погрузившаяся в свои мысли, не обратила внимания, что шерсть на загривке собаки встала дыбом. Джемма издала негромкий глухой угрожающий рык, разнесшийся по пустынной улице. Но, к ее удивлению, реакции на это не последовало. Только лишь бомжеватого вида пьяница, приземлившись неподалеку под кустиком отдохнуть, проснулся, испуганно забормотал и попытался было подняться. Это сложное дело практически удалось и мужичок принял вертикальное, или близкое к этому, положение, когда Джемма, выведенная из себя наглостью развязного кота, демонстративно не признающего собачью власть, залаяла. Внушительный голос овчарки, видимо, показался мужику оглушительным набатом или убийственной канонадой выстрелов и он вновь рухнул, как подкошенный, вообразив, видимо, что залег в безопасный окоп, и приняв твердое решение не высовываться на столь страшную улицу.

Между тем кот, с королевским безразличием, возлежал на прежнем месте. Казалось, он с интересом наблюдает за разворачивающейся перед ним картиной пробегающих облаков, забыв даже про собственный хвост и

мечтательно уставясь в небеса.

Очнувшись при звуках лая, Милославская, наконец-то, обратила внимание на Джемму, но было уже поздно. Животные инстинкты собаки победили и она, забыв о своих обязанностях охранника, рванула вперед наводить порядок в отношениях с зарвавшимся котом. Поводок легко выскочил из руки не ждавшей подвоха Яны и Джемма одним громадным прыжком рванулась к скамейке.

Кот все же сообразил вовремя, что играет с огнем — в единоборстве со среднеазиатской овчаркой одержать верх он не имел практически ни одного шанса. Так что за мгновение до того, как Джемма настигла бы его и изрядно потрепала, котяра рванулся вперед, к зданию, в котором располагался ресторанчик, а точнее к низко расположенным окнам, прямо к приоткрытой форточке, ресторанчика. Геройское усилие спасло ему если не жизнь, то шкуру, оставшуюся в целостности и сохранности. Джемма, поглощенная азартом погони и влекущим ее охотничьим инстинктом, неслась вперед ничего перед собой не видя, кроме улепетывающего кота.

Собразив, что через секунду всей своей массой она впечатается в окно, естественно, без малейшего шанса проскочить в форточку следом за беглецом, собака попыталась было затормозить, но было уже поздно. Разогнавшееся тело по инерции несло вперед. В результате бедный пес со всего размаху ударился грудью о стекло. К счастью, витражное цветное стекло с изображенным на нем морским пейзажем оказалось достаточно толстым и надежным, чтобы так просто разбиться, а скорость собака немного преуменьшила, так что ее ребра и морда при столкновении не пострадали. Но совершенно неожиданно оказалось, что окно не заперто. В результате оно почти бесшумно открылось вовнутрь и Джемма почти влетела в помещение вслед за котом. Черного преступника уже не было видно — видимо он рванул дальше, за приоткрытую дверь или спрятался где-то под столами.

Оказавшись на кухне ресторана и вдохнув аппетитные запахи, еще витающие по помещению, Джемма внезапно пришла в себя и пристыжено оглянулась на подбежавшую Яну. Ее взгляд был таким виноватым, а поза неестественной, что Милославская едва не расхохоталась. Собака расположилась передними лапами на столе, стоящем прямо под окном. Именно здесь, по всей видимости, священнодействовал Тихонов. При всем этом Джемма умудрилась запутаться мордой в легких полупрозрачных занавесках, так что вид у нее был уморительным.

Яна осмотрелась — на улице вокруг, кроме упавшего пьяного, никого не было и милицию, скорее всего, вызвать еще не успели. Тем более что

шума особого проступок Джеммы не наделал. Между тем, Милославская не могла понять, почему не сработала сигнализация и как получилось, что окна в подобном заведении оказались не запертыми столь ранним утром.

Разгадка оказалась проста — подойдя поближе, женщина явственно расслышала слабые звуки музыки и переливчатый женский смех. Видимо, сигнализация была не включена, а окно уже открыли или еще не успели запереть в надежде, что немного прохладного ночного воздуха попадет в помещение.

Яна заинтересовалась. В такой ранний час ресторан был закрыт, работники скорее всего разошлись. Кто же мог там быть? Может быть воры. Или же сторож развлекался столь неоднозначным образом, вряд ли способным понравиться хозяевам ресторанчика, в котором Яна без труда, хотя и с некоторым удивлением узнала «Нептун». Но как бы то ни было, чтобы ни творилось в ресторане после закрытия, Милославскую это не касалось — оказаться нарушительницей закона, ворвавшись в чьи-то владения, она не желала. Поэтому Яна подозвала собаку и собиралась удалиться, как вдруг голос и смех стали приближаться.

Движения женщины были молниеносны — подтянув Джемму за найденный поводок к ноге, она ухватила за окно и почти прикрыла, когда перед ее глазами предстала неожиданная картина, заставившая замереть в оцепенении, прижавшись к стене.

На кухню выскочила полуголая женщина. На мгновение она застыла в освещенном проеме двери и невольно Милославская смогла разглядеть ее во всех подробностях. Эта дама, видимо участвующая в каком-то странном ресторанном празднике вроде оргии Римской империи эпохи упадка, оказалась Лилией. Только вот в данный момент Тихонова вовсе не напоминала ту представительную светскую даму, столь гостеприимно, во всяком случае сперва, принявшую у себя в ресторане днем мнимую журналистку. На Лилии изо всей одежды оставались только лишь алые босоножки со множеством тонких ремешков и изысканный ножной золотой браслет. Высокие каблуки подчеркивали длинные ноги. Такого же цвета кружевные трусики и обтягивающий топик оттеняли яркую, восточного типа красоту смуглой женщины, видимо, тщательно следящей за совершенством своей фигуры. Вьющиеся темные волосы разметались по плечам. Картинку, напоминающую голливудские фильмы, портил только лишь немного отвисший бюст, четко просвечивающий через кружевной топик.

Яна несколько смутилась и попыталась было бесшумно закрыть окно. Ей было более чем неприятно наблюдать интимную сцену супругов

Тихоновых. Но, бросив последний взгляд за спину застывшей в полутьме Лилии, Милославская замерла. Следом за влетевшей в кухню с нарочито сексуально низким смехом женщиной, в дверях появился крупный мужчина. Яну заинтересовала то, что Тихонова развлекается отнюдь не со своим супругом.

Силуэт мужчины ясно вырисовался на светлом фоне дверного проема. Неизвестный любовник ступил в кухню и Яна разглядела его лицо. Короткая стрижка, уши, одно из которых было немного больше второго, сломанный когда-то нос и тонкие губы сейчас исказила маска неприкрытой похоти. Крепко сбитую фигуру прикрывало в данный момент только лишь нелепое в такой ситуации кухонное полотенце, неизвестно зачем обвязанное вокруг бедер. Но Милославскую заинтересовала вовсе не явное свидетельство охватившего мужчину желания, а изображение на груди.

Это была большая татуировка церкви, с семью куполами. Увиденная татуировка тут же навела Яну на мысль, что быть может именно у этого мужчины на запястье и окажется крохотный скорпион, недвусмысленно говорящий экстрасенсу о том, кто виновник смерти Олега и гибели Никитина. Быть может, Никитин каким-то образом, предположим от сына, получил информацию и вышел на убийцу. Именно этим и объясняется попытка его устранения. Поэтому, не смотря на некоторое неприятие, Яна не стала сразу же закрывать окно. Ей необходимо было сориентироваться в сложившейся обстановке.

Между тем мужчина с громким рыком, видимо, изображая из себя тарзана, рванул за убегающей партнершей, в миг настиг ее и повалил на стол, рядом с окном, где находилась Яна с собакой. Его руки быстрым и сильным движением разорвали на женщине дорогой топик, а губы приникли к вырвавшейся на волю груди. Лилия откинула голову и сладострастно застонала.

Джемму эта сцена ни в малейшей мере не заинтересовала. Овчарка улеглась у ног Яны, смущенно спрятав пристыженную морду между передними лапами. Она лишь изредка приоткрывала один глаз, поглядывая на хозяйку, застывшую перед окном.

Яна же, если бы и хотела, уже не могла так просто уйти. Стоило ей шевельнуться, как темную фигуру за окном скорее всего заметили бы даже поглощенные любовными играми партнеры. Конечно, она не сомневалась, что даже с этим накачанным мужчиной Джемма справилась бы без особого труда, но раскрывать свое инкогнито раньше времени ей не хотелось. Так что Милославская вжалась в проем окна, став невольной свидетельницей интимной сцены.

Пока Яна раздумывала, что делать в столь неоднозначной ситуации, мужчина перешел к более решительным действиям. Его голова спускалась все ниже и ниже, а руки готовы были расправиться с кружевными трусиками таким же образом, как и с топиком. Неожиданно Лилия легко выскользнула из-под навалившегося на нее мощного тела и со смешком отбежала в сторону, прижавшись всем телом к холодильнику и приняв наиболее эротичную, по ее мнению, позу, подняв руки за голову, чтобы грудь смотрелась более аппетитно. Видимо, ей казалось, что на светлом фоне смуглая кожа будет смотреться значительно выгоднее. Совершенно ослепленный от выставляемых ему на показ прелестей, мужчина, давно потерявший свое полотенце, вновь рванулся к женщине, но та уже загорелась новой идеей. Открыв холодильник, Лилия извлекла из него какую-то бутылку и направив его на мужчину, брызнула чем-то темным.

— Это кетчуп, что ли? — застыл в недоумении пылкий партнер, дотрагиваясь пальцем до капель, попавших на его тело.

— Нет, шоколадный сироп, — игриво проворковала Тихонова, вновь выстреливая в любовника темной массой. — Подожди, сейчас я тебе помогу, — захохотала она в следующее мгновение и, отбросив уже ненужную банку, приблизилась к нему. Теперь она принялась слизывать шоколад с почти безволосой груди и живота партнера, провокационно постанывая от удовольствия и спускаясь все ниже и ниже. Долго мужчина не выдержал — одним резким движением он подхватил женщину на руки и сорвал с нее трусики.

Яна, видя, что любовникам уже не до окружающего их мира, как можно более осторожно отошла от окна. Осмотревшись, она поняла, что находится со стороны парадного входа в ресторанчик. Вход был надежно заперт на большой висячий замок. Яна обошла дом и, пройдя через сломанные ворота, оказалась во внутреннем дворике. Джемма покорно следовала за ней. Усевшись на скамеечку под деревом так, чтобы держать в поле зрения служебный вход ресторанчика, она задумалась. Вполне возможно, что именно он мог помочь Тихоновой совершить убийство Олега.

Необходимо было попытаться поговорить с Лилией. Конечно, Яна не предполагала, что эта сообразительная и волевая женщина, как и Анна, сразу же распахнет перед ней душу и подпишет чистосердечное признание, заключив его словами: «Я так больше не буду». Но попытаться добиться от нее какой-либо информации, хотя бы угрожая раскрытием правды о любовных шалостях Милославская решила попытаться.

Пока же Яна следила за служебным выходом, размышляя, надолго ли

хватит их сексуального пыла, а также продукции, которую можно будет нанести на тело. Она понимала, что ожидание грозит затянуться, но торопиться в данный момент ей было в принципе не куда, если, конечно, забыть о бессонной ночи, которая пока еще не сказывалась на самочувствии. Только что кофе очень хотелось. Джемма сидела тихонько у ног. Хозяйка ее не ругала, но собака все равно чувствовала свою вину за нарушение дисциплины и порядка.

Яна устроилась на еще влажной после дождя лавочке и начинала уже понемногу погружаться в сон, радуясь тому, что выбрала такое укромное место под деревом, не бросающееся в глаза ни из окон дома, ни при возможном появлении прохожих. Листва надежно прикрывала ее, позволяя наблюдать, не выдавая собственного присутствия.

Тихие предутренние мгновения были пронзительно хороши. Безмолвие, нарушаемое лишь отдаленно проезжающими по Московской улице машинами, погружали такой неугомонный в дневные часы город в иную реальность. Жара, наконец-то, не на долго спала и в эти часы, когда безжалостный солнечный диск еще не превратил землю и воздух в подобие раскаленного адского пекла, нежная и такая приятная прохлада позволяла насладиться свежим воздухом. Яна уже не жалела о том, что ей пришлось очутиться на улице в столь неподобающий час, когда все обычные люди погружаются в самый глубокий предрассветный сон.

Через некоторое время на улицу выбралась пожилая дворничиха с простоватым деревенским лицом и крепко сбитой фигурой. Она, тихонько напевая осипшим голосом какой-то очередной бессмысленный шлягер, принялась энергично поднимать клубы пыли, старательно выметая набросанный за вчерашний день мусор. Яна, рассеянно наблюдая за наведением чистоты, не выпускала из своего поля зрения и двери служебного выхода.

В целом прошло около получаса после момента, когда Лилия со своим бой-френдом на Яниных глазах приступили к любовным играм. Дворничиха вымела уже практически все дорожки перед подъездом, когда перебралась к площадке неподалеку от скамеечки и с огромнейшим изумлением обнаружила Янино присутствие. Теперь женщина поглядывала на незнакомку с собакой довольно-таки подозрительно. В конце концов она не выдержала, подошла поближе, делая вид, что старательно выметает мусор, и буркнула:

— Собака не нагадит туточки?

— Нет, нет, что вы, — Яна вежливо посторонилась, позволяя вымести из-под скамейки набросанные, видимо, подростками фантики от конфет,

которые весьма парадоксально сочетались с валяющимися здесь же использованными презервативами. — Джемме просто необходимо прогуляться, гадить она здесь не будет.

— Ну смотрите туточки у меня.

Увлечшись общением со служительницей порядка, Яна в первый момент не обратила внимание на то, что дверь служебного входа тихонько приоткрылась и из него выскользнула изящная фигурка в алом брючном костюмчике, оттеняющим смуглую кожу. Но Джемма все прекрасно видела. Именно она ткнулась носом Яне в ноги, призывая ее вспомнить о деле. Лилия, не заметив свидетелей, торопливо шагала в сторону Московской. Дворничихи, проследив за взглядом Милославской, неодобрительно пробормотала:

— А, опять шалава пошла.

— А что, она часто так ходит? — спросила Яна в надежде получить необходимые сведения.

— Лилька-то? Почитай каждое утро. Я как мету утречком, так ее все время вижу. Уже целый месяц, а то и больше, я же не считаю, у меня своих делов полно.

Как бы доказывая сказанное ею на примере, дворничиха с удвоенной энергией принялась выметать мусор. Джемма при этом брезгливо попятилась, а Яна чихнула, так как клубы пыли мгновенно окутали их с ног до головы. Милославская на краткое мгновение застыла в сомнении. С одной стороны необходимо было поговорить с исчезающей Лилией, с другой — она не могла отложить разговор с дворничихой, способной сообщить немало полезной информации. Решив, что найти Тихонову она всегда успеет, Яна, делая вид, что она просто скучающая сплетница, живущая в этом доме, осторожно поинтересовалась:

— Она же здесь работает, вроде, может просто задерживается, порядок наводит?

— Да шо, я не знаю, как она работает? — искренне удивилась дворничиха. — Не впервой, небось, на этом свете уж сколько живем, все знаем. Сперва с муженьком-толстячком на машине отсюда уезжает, за полночь уж, а потом пешочком крадется и до утра. Хахаль ейный там, в штанах его она порядок наводит, — женщина явно увлеклась беседой. Видимо, в городе ей не приходилось так уж часто, как хотелось перемывать кому-то косточки и разносить сплетни. А тут такой благодарный слушатель, которому, по всей видимости, делать нечего, кроме как языком чесать. Дворничиха продолжала: — Этот хахаль, стриженный налысо, уголовничек-то, я точно знаю. Он несколько раз Лильку провожал до двери, уж она как к

нему присосется на пороге, так и не оторвешь. А я как увидела, сразу поняла — уголовник.

Женщина примолкала, окинув Яну внимательным взглядом, как бы проверяя, достойна ли та высочайшего доверия. Видимо, Милославская тестирование прошла, потому что дворничиха таинственным шепотом продолжала:

— У меня у самой сын по хулиганке сидел — мы в деревне когда еще жили, так он спьяну с трактористом подрался, да и изувечил его. А как вернулся, мне все рассказывал: грит, ежли у мужика взгляд такой, да голова лысая, да еще и наколка особая, прям как у него, то будь мамка осторожна — скорее всего сидел.

Яна про себя улыбнулась наивности деревенской женщины, в следующее мгновение пустившейся в воспоминания о том, какая была жизнь в деревне и как плох город. И все же, несмотря на некоторую сомнительность и неправдоподобность высказываний, проверить их не помешает. Ну а в данный момент Яна вернула разговор в нужное русло:

— И что же это за наколка такая, провокационная? На руке, что ли?

— Не-а. У этого не на руке, у него на груди. Церковка такая, с маковками. Мне сынок-от говорил, сосчитай-ка, мамка, сколько маковок у церкви — это значит, столько лет сидел.

Яна, хотя и не поверив окончательно в выданную вездесущей дворничихой информацию, о том, что все татуированные церкви имеют отношение лишь к тюрьме, все же спросила:

— А когда же вы видели эту церковь?

— Да он у моей соседки комнату снимает. А мы с Валькой почитай каждый вечер друг к другу на чай ходим. Обчаемся. Вот она и рассказала. Чай, грит, сам заваривает. Аж по полпачке бухает, да в железной кружке кипятит. Но точь как мой сын после тюрьмы.

Милославская тем временем поглядывала на вход. Любовника видно не было. Тогда Яна спросила:

— А что же это Лилия-то вышла, а ухажера не видно? Он через парадный вход, что ли, удаляется?

— А ты не знаешь што ли? — искренне удивилась дворничиха, с некоторым подозрением глядя на Яну. — Он же здесь сторожем работает. По ночам после закрытия охраняет, — после выдачи данных бесценных сведений она задумчиво проговорила: — А ты точно здесь живешь? Я тебя раньше не увидела. Почитай всех собачников знаю, уже приучила их не гадить здесь, а тебя ни разу не встречала.

Яна поспешила успокоить бдительную женщину:

— А я совсем недавно въехала, прямо на днях. Квартиру купила.

— Энтэ кто же продал-то? — тут же заинтересовалась успокоившаяся было дворничиха. Видимо деревенские привычки знать все и обо всех, живущих рядом, стойко сохранялись у нее и в городе. А тут вдруг такое упущение — служба информации не сработала, что-то произошло без их ведома.

Яна неопределенно махнула рукой в сторону стоящих неподалеку домов:

— Да я оттуда. Просто с собачкой гуляла и присела передохнуть.

— А, — подозрительная гримаса на лице сменилась облегченной улыбкой. Видимо, женщина пришла к определенному выводу, в силу своих житейских наблюдений. Этот вывод она не замедлила категоричным выложить Яне:

— Понятно! Тоже, небось, муж подвыпить да и подраться любит. Пришел ночью на бровях, ты и сбежала с собачкой гулять, да?

Яна не стала подтверждать эту теорию, лишь смущенно улыбнулась, как бы удивленная пронизательностью дворничихи. Затем Милославская вновь приступила к осторожным расспросам:

— И где же именно комнату-то он снимает?

— Да вон у Машки в том подъезде на первом этаже. Андреем его кличут. Говорит на время только здесь живет, пока с его квартирой какой-то там вопрос уладится. А по мне так подозрительно все это! Может он от милиции скрывается? — она вопросительно смотрела на Яну, как бы ожидая, что та извлечет листок с надписью: «Разыскивается...» и портретом лысоголового. — Я уж свою каморку стараюсь по-надежнее запирать — у меня там инструменты, лопата, грабли, тож.

— К нему, наверное, всякие бандиты приходят, — округлила Яна глаза в притворном ужасе.

— Да что ты, — замахала на нее руками дворничиха. — Нешто мы это стерпели бы? Никогда никто не приходил. Да и сам он почитай никогда не ходит. Один лишь раз помню, недельки две, што ль назад, как ты пред рассветом, мне тогда не спалось как раз, из магазина выскочил мужик. Здоровый такой, крепкий. я думала — бандит, ан нет, сторож его до дверей проводил и смотрел вслед.

Яна оживилась:

— А вы описать его можете?

— Ты шо? У меня зрение плохое, не вижу ничего далеко. А я еще мести не вышла, из окна смотрела, разве ж я его узнаю?

Яна, осознав, что больше полезной информации из женщины вытянуть

не удастся, завершила разговор и распрощалась с говорливой дворничихой, в пылу беседы забывшей о своих профессиональных обязанностях.

Шагая в сторону якобы новоприобретенного жилища под крыльышко пьяницы и драчуна мужа, так как дворничиха внимательно поглядывала, куда именно Яна пойдет, Милославская размышляла. Идти сейчас к Тихоновой домой было бессмысленным занятием — Лилия наверняка спала, да и откровенная беседа при муже вряд ли получилась бы. Яна понимала также, что и ей бы отдых после бессонной ночи не помешал. Так что к вящей радости Джеммы она поймала машину, едва уговорив пугливого водителя захватить с собой здоровенную овчарку, и поехала домой.

* * *

Яна все больше и больше убеждалась, что идет по верному пути. Видимо, именно Тихонова была причастна к смерти Олега. Быть может и любовника, вышедшего из заключения, она ублажала в качестве расплаты за совершенное убийство. Милославская уже раздумывала, не стоит ли сообщить обо всем Руденко, но ее останавливало отсутствие доказательств. Лучше всего было бы захватить убийцу с поличным, поэтому Яна решилась на отчаянный шаг — спровоцировать преступников так, чтобы они пожелали устранить ее. Эта примитивная, но чрезвычайно опасная для самой Яны ловушка должна была сработать. А уж потом с поличным убийца будет задержан Руденко.

Можно было, конечно, и не идти на подобные отчаянные меры, но все дело в том, что устранили Олега таким образом, что доказать вину Тихоновой и ее любовника иначе, чем добившись от них признания, было практически невозможно. Кроме того, все-таки решение Милославской, что убил Олега именно любовник Лилии было лишь предположением, очередной рабочей версией, хотя и казавшейся весьма и весьма правдоподобной. Яна понимала, что видения подводят ее к подобному ответу, но приходиться к однозначному и безоговорочному выводу было рано.

Немного отдохнув, Яна Борисовна позвонила и договорилась о встрече с Лилией. По тому, как настороженно и в то же время вежливо беседовала с ней Тихонова, Яна догадалась, что Анна уже рассказала подруге о визите к ней экстрасенса. Лилии было интересно узнать, что же именно известно Яне, но в то же время она говорила очень корректно, опасаясь чем-то себя выдать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они сидели в маленьком летнем кафе, неподалеку от «Нептуна». Лилия, безусловно подкрашенная, нарядная, выглядела вполне довольной собой и своей жизнью. Сияющая улыбка, не омраченная даже ожиданием предстоящего, не самого приятного разговора, ослепляла всех, сидящих в кафе мужчин, провожавших жадными взглядами моложавую элегантную даму, пока она шла к столику в уголке, где уже устроилась Яна.

Милославская, наблюдая это эффектное появление, усмехнулась. Она осознавала, что выглядит ничуть не хуже, несмотря на бессонную ночь, да и свою порцию абсолютно ненужных ей жадных мужских взглядов уже успела получить, придя на пять минут раньше и пробираясь к приглянувшемуся столику, позволяющему наблюдать за входом. Милославская была совершенно равнодушна к подобному вниманию, в то время как Лилия, брюнетка с яркой, почти вызывающей, несколько восточного типа внешностью шагала по кафе, как по подиуму, демонстрируя окружающим свою неотразимость.

Яна понимала — разговор будет не легким. Лилия не скрывала своего ума и характера, который и помог ей продвинуть мужа от обычного, пусть и хорошего повара до владельца ресторана. Так что заставить ее признаться во всем, как и Анну, было практически невозможно или во всяком случае очень сложно. У Яны в руках было лишь одно оружие — знание о связи Тихоновой со сторожем. но и оно могло стать не столь уж действенным, если супруг Лилии смотрел сквозь пальцы на измены жены.

— Здравствуйте госпожа журналистка, — насмешливо протянула Тихонова, властно бросив подбежавшей официантке: — Апельсиновый сок.

Так как Яна ничего не ответила, Лилия язвительно продолжала:

— Или может лучше называть вас сыщиком, экстрасенсом, колдуньей, разношивающей чужие дела и сующей свой нос, куда не просят?

— Не стоит демонстрировать свои познания относительно моего рода деятельности и переходить на оскорбления, — Яна в упор спокойно смотрела на женщину, несколько смутившуюся под этим властным умным взглядом. Лилия схватила принесенный стакан и, чтобы скрыть свое замешательство, немного отпила. Она чувствовала, что при желании собеседница способна ответить ей ни чуть не менее язвительно и резко, но только по какой-то причине сдерживается.

— Я уже поняла, — продолжала затем Яна, закуривая, — что с подругой вы побеседовали, так что можно обойтись без неуместных эквивоков и разъяснений, а сразу же перейти к делу.

Лилия молчала, нервно извлекая из сумочки сигарету. Она старалась выглядеть как можно более спокойной, и ей бы это даже удалось, если бы не резкие движения рук. Достав сигареты, она не спешила просить у Яны зажигалку. Бросив взгляд на стоящий неподалеку столик она, кокетливо улыбнулась. Мужчина, скущаяще отхлебывающий из высокого стакана пиво и ежесекундно поглядывающий на часы, видимо, в ожидании, опрометью кинулся к даме со своей зажигалкой.

Прикурив, и одарив джентельмена еще одним благодарным взглядом и улыбкой, Тихонова почувствовала, что полностью овладела собой и способна продолжать разговор, не высказывая замешательства.

— И что же за дело вы имеете в виду? Ваши нелепые попытки оскорбить и запугать мою подругу, Анну? Вы довели ее вчера до слез, у нее подскочило давление, пришлось даже вызывать врача. А ради чего, — Лилия говорила четко и властно, но Яна не перебивала ее, желая определить какую тактику защиты та выберет. — Запомните, ни Аня, ни я не имеем ни какого отношения к смерти этого самого соседа, как его там.

— А где вы сами были в этот день, — спокойно поинтересовалась Милославская, прекрасно зная, что у Тихоновой, которая, конечно, и не собиралась совершать убийство своими руками, будет подготовлено надежное алиби.

— В ресторане! — торжествующе воскликнула Лилия. — И видели меня там множество посетителей, не считая персонала, — нарочито изящным жестом она протянула руку с сигаретой к пепельнице и, как в замедленной съемке, грациозным движением стряхнула пепел. Она будто бы давала всем окружающим полюбоваться своим совершенством. Яна лишь усмехнулась про себя. Во время предыдущей встречи подобных повадок она не замечала. По всей видимости, чтобы чувствовать себя уверенной, Тихонова в данный момент предпочла натянуть на себя своеобразную маску «роковой женщины», поражающей окружающих с первого взгляда. Вот только проблема была в том, что Яну это ничуть не задевало и не запутывало. Она понимала, что под подобными повадками пустышки, думающей лишь о противоположном поле, скрывается холодный и трезвый рассудок.

— А если вы думаете, — продолжала Лилия, — что подловите меня на том, что я не спросила, какой именно день имеется в виду, то можете и не надеется — этот затасканный приемчик не сработает — от Анны я

прекрасно знаю, что за день интересуется вас в данный момент.

— А ночь? — голос Яны был насмешлив. Теперь она нанесла удар и наблюдала за реакцией собеседника. — Поближе к рассвету вас видело так же много народу? И сегодня тоже?

Краска неожиданно выступила на ее щеках, но Тихонова ни на минуту не опустила глаз. Решительно и спокойно смотрела она в лицо Яны, а затем четко произнесла:

— После работы я была с мужем.

— Вы спите с ним в одной комнате? Или, может, ваши апартаменты расположены далеко от него? Именно поэтому, пожелав спокойной ночи супругу и поцеловав его в щеку, вы могли ускользнуть назад, на работу? Ведь там ваш новый сторож в состоянии предложить более увлекательное занятие, не так ли? Когда же вы спите, интересно было бы узнать.

Лишь на одно мгновение Тихонова лишилась дара речи. Алые пятна на ее смуглых щеках выделялись все резче и резче. Выражение ужаса, стыда, отчаяния и даже ненависти промелькнули в глазах и исказили на секунду ее черты. Яна невольно отвела взгляд, заметив, что на растерянном лице Лилии проступили незаметные ранее морщинки и складочки, выдающие истинный возраст и даже старящие ее.

— Откуда вы узнали о нем? — глухим голосом проговорила она, судорожно затушив сигарету. Казалось, маска женственной самки, купающейся в лучах мужского поклонения красоте, в одно мгновение слетела с ее лица. Даже движения стали естественными и более спокойными. Яна наконец-то видела настоящую Лилию, ту, которая, наверное, представала лишь перед самыми близкими людьми, заслужившими особое доверие.

И к этой женщине Милославская даже, хотя ей самой данный факт и казался удивительным, испытывала не презрение, а некоторую жалость. Она понимала, что женщине в этом жестоком мире, не становясь при этом чьей-то подстилкой, добиться столь значительного успеха не так легко, как мужчине. В российском бизнесе волчьи законы и выживает сильнейшей. Сила же Тихоновой была в ее всячески выпираемой внешне женственности и слабости, показушности, столь чуждой самой Яне, предпочитающей практически всегда действовать прямо и открыто.

Но в данный момент Яна, несмотря на свою прямоту, решила не сообщать о том, что она стала случайной свидетельницей любовной сцены, а представить все в качестве видения, чтобы произвести впечатление на Лилию:

— Я же экстрасенс. Я видела вас своим внутренним взором.

Например, сегодня ранним утром я видела вас на кухне ресторана. Помните шоколадный сироп?

Краска на щеках женщины стала еще заметней.

— Не стоит так стесняться, — усмехнулась Яна. — Меня не интересовала пикантная подоплека, самое главное не это. Вы, как верная жена и любящая мать меня поймете, — медленно проговорила она не спуская глаз с окаменевшего женского лица. — Мне известно, что ваш любовник, работающий сторожем в ресторане, имеет весьма и весьма темное прошлое. Думаю, вы прекрасно знали, когда принимали его на работу, об этом маленьком фактике. Именно тогда вы договорились о расплате телом?

— Вы ничего не понимаете! — глаза женщины сверкали, а руки, как заметила Милославская, совершенно бессознательно сжались в кулачки. Ухоженные длинные ногти впивались в кожу, оставляя на них красные полумесяцы. — Я не расплачиваюсь с ним и это не случайный уголовник, подобранный мною на улице! И не смейте связывать его с этим делом. Андрей не имеет никакого отношения к смерти Олега и не подозревал о его существовании. Я знаю Андрея всю свою жизнь. Знаете, когда я вспоминаю о несчастной любви своего сына, я вдруг начинаю понимать, что это небеса наказали меня таким страшным образом.

На мгновение Лилия замолчала. Яна затаила дыхание, больше всего опасаясь того, что Тихонова вновь замкнется и услышать правду или хотя бы предложенную ложную версию развития событий, если она будет не искренна, Милославской уже не удастся. Но Лилия, теперь уже без чьей-то помощи, что несоизмеримо разочаровало мужчину за соседним столиком, так и не дождавшегося своей дамы, прикурила и продолжила:

— Со слов Анны вы уже знаете, что мой сын, Саша, был влюблен, глупо, по-детски, в ее дочь. А она думала лишь о взрослом умном и самоуверенном соседе. Моя история похожа на эту, как две капли воды. В школе мы общались с Андреем. Он всегда защищал меня, помогал. Я же увлекалась старшеклассниками, и даже делилась с ним своими переживаниями с ним, а Андрей молчал о своих чувствах. Я даже не воспринимала его в качестве возможного объекта чьей-то влюбленности — маленький, худенький, довольно-таки невзрачный он был всегда рядом, незаметный, будничный, надежный. Что можно еще сказать? Я влюбилась отчаянно и безнадежно, когда на моем горизонте возник пылкий юноша с высоким полетом фантазии и широким размахом крыльев. Ох и широко он размахнулся — все мне обещал, все золотые горы, как и полагается. Андрей в это время был в армии. Вернувшись, он узнал, что я жду ребенка,

Сашеньку, а папаши и след простыл. Этот мерзавец не только старался со мной не встречаться, а при встречах оскорблял, но и высмеивал меня, распространяя гадости среди приятелей — мы учились в одном институте. Конечно, я оттуда ушла — удивляюсь только одному, почему не сделала аборт. Родители, узнав выгнали меня. До самой смерти не простили такого позора. Андрей вернулся — я стала его избегать. Мне было так стыдно даже перед другом детства — все от меня отвернулись, я боялась, что и он поступит также.

Лилия судорожно затянулась и постучала наманикюренным ноготком по краю стакана с соком. Яна прекрасно понимала, что причиной подобной откровенности являются не столько нахлынувшие чувства и воспоминания, как трезвый расчет женщины, желающей отвлечь Янино внимание, перевести его на другое, а кроме того, рассказывая свою горькую историю, разжалобить. Тем временем Тихонова продолжила спокойным, будничным почти безразличным тоном, скрывшим затаенную боль:

— Андрей ничего не сказал, лишь узнал от подружек все — подкараулил этого деятеля и избил его до полусмерти. Ну а так как родители пострадавшего были влиятельными, а он вырос в семье рабочего, то загредел мой Андрюша на нары, а я все время получала его письма. Я в это время жила у подружки в общежитии на птичьих правах. Когда же Тихонов сделал предложение от безысходности согласилась.

Заметив удивленный взгляд Яны, не ожидавшей от виденного ею недалекого повара такой широты души, Лилия пояснила:

— Он детей не может иметь, поэтому я, с «готовым» ребенком показалась ему оптимальным вариантом — и усыновлять не надо, все эти формальности проходить. Кроме того — он знал, что я после этого всегда буду чувствовать, что всем ему обязана, а это немаловажно. Да и я его устраивала в качестве красивой супруги — куда уж этому толстячку с замашками солдафона очаровать кого-нибудь. А меня выставлял на всеобщее обозрение, восхищение друзей его «вещью» так самолюбие всегда тешило. Потребовал только, чтобы никогда ему не изменяла. Сказал, что в таком случае или меня убьет, или себя. Мелодрама, прямо, не так ли? — горько усмехнулась она.

— Самое главное — отцом он хорошим был. — продолжила она через несколько секунд. Любил Сашу, как родного. А Андрей, когда вернулся понял, что опоздал. Не могла я уже уйти — без меня бы муж пропал. Да и Саша отчима очень любил, думал, что родной отец, не понял бы меня и страдал бы. Андрей увидел все это, не выдержал и уехал на Север, зарабатывать.

— Ну и как, заработал? — поинтересовалась Яна. Облик виденного ею бритоголового накаченного мужчины, работающего сторожем и снимающего угол у какой-то там тетки никак не вязался с преуспеванием и большими заработками.

— Заработал. Только он там с отчаяния женился. А однажды, как он рассказывает, не выдержал так долго меня не видеть. Все бросил, жене и сыну оставил, а сам ко мне приехал. Хотел только повидать, рядом немного побыть, а когда узнал, что я сына потеряла, остался.

Лилия последний раз затянулась и потушила сигарету. Ироничная усмешка, скрывавшая боль и разочарование разбитой жизни не сходила с ее губ.

— Я только в этот момент действительно, на самом деле поняла, какой была душой. Как много упустила в жизни. Вот и кинулась в омут страсти с головой. Хотела даже все бросить, обо всем забыть, да в последний момент остановилась. Как это ни смешно, мне жалко мужа. Он не меньше меня переживал после смерти Сашеньки. Как потерянный несколько месяцев ходил. Если я так скоро после этого нанесу удар — сломается, пропадет он. Да и детей Андрея жалко. Жена-то, стерва, не позволит ему с ними видаться. В суд пойдет, наврет, но отомстит. Вот и договорились, что еще несколько лет подождем, а потом, потом я что-нибудь придумаю.

Милославская прекрасно понимала, сколь противоречивые чувства и какая боль терзала Тихонову, собиравшую осколки собственной исковерканной жизни. И в то же время отступить, не узнать правды она уже не могла. Поэтому Яна проговорила:

— Значит, и в этот раз Андрей отомстил за вашего сына?

— Нет, — голос женщины был решителен. — Он тут не при чем. Я знала, что именно так он и поступит, отправится уничтожать Олега, узнав о том, какую роковую роль сыграл он в судьбе моего сына.

Голос женщины был уверенным и даже непреклонным.

— И все же именно так подумают все, а прежде всего представители власти. Должна вам сказать, — решительно проговорила Яна, понимая, что блефует, но ни одной черточкой не выдавая этого — Милиция, в тесном сотрудничестве с которой я работаю, уже знает, что рядом с Олегом в тот самый день был высокий бритоголовый мужчина, по описанию соответствующий внешнему виду вашего Андрея. Есть показания двух свидетелей и я предполагаю, что они без труда опознают убийцу. Или во всяком случае, при содействии милиции, признают в нем вашего Андрея. Вы же знаете, какое сейчас правосудие, — провокационно проговорила она. — Им бы лишь бы от «висяка» избавиться. А тут еще влиятельные

родители требуют крови. В данном же случае и мотив есть, и свидетели. Это уже веское доказательство.

Совершенно спокойно и почти равнодушно Лилия проговорила:

— Это невозможно. Мало того, что его никто не может узнать, так ко всему прочему у него есть алиби — вы без проблем обнаружите людей, которые расскажут вам, где Андрей находился и что он делал и днем и ночью.

Яна понимала, что проверить эту информацию ничего не стоит, так что лгать Тихоновой было не выгодно. Но кто же тогда совершил убийство? Неужели тот самый человек, который как раз две недели назад, по словам дворничихи, заявлялся к этому самому Андрею. Между тем Лилия продолжала.

— Конечно, вы не можете предположить, что я сожалею о смерти Олега. Вы, наверное, не один раз слышали, видели по телевизору передачи — беседы с родителями наркоманов, не так ли? — Милославская закурила. Она послушно слушала. Яна догадывалась, к чему ведет Лилия, но решила дать ей возможность высказаться, пусть даже та и подступит к делу издалека.

Тихонова не дожидаясь ответа от Яны на этот риторический вопрос продолжала:

— Вот и я раньше так, слышала, видела. Я даже предположить тогда не могла, что когда подобное услышанному с экрана случается с тобой, всегда кажется, что все происходит совсем иначе. Не так как все рассказывают. Не может твой сын, твоя дочь переродиться, измениться до такой степени. Словно твоя жизнь и жизнь твоего ребенка нечто новое в нашем древнем мире, — Лилия горько усмехнулась, на мгновение замолчала.

Затем женщина продолжила свою горькую повесть:

— До последнего мгновения надеешься, веришь человеку, который был самым близким, самым любимым. Не понимаешь даже, что наркомания — это не просто физическая болезнь. Это болезнь сердца и ума, она убивает прежде всего душу, а затем тело. И прекрасно зная это, — голос Лилии поднялся и стал на мгновение пронзительным, даже мужчина за соседним столиком с интересом оглянулся, не понимая, что так увлечено обсуждают эти две привлекательные женщины, — взрослый парень, а Олегу было в то время больше восемнадцати лет, ради того, чтобы нажиться за их счет, предлагает детям наркотики, предлагает им смерть. При этом он не просто ставит их перед выбором: хотите попробовать новых ощущений, или нет? Он давит на их чувства, на детскую

влюбленность и увлеченность, он лжет, завлекает, всего лишь для того, чтобы лишний раз сходить с какой-нибудь девкой в кабак, и потратить там заработанные на жизни моего ребенка деньги! Где же здесь справедливость? Где правда?

— Но послушайте, — мягко вмешалась Яна, прекрасно понимая, что подобные разговоры и убеждения абсолютно бесполезны в разговорах с матерью, ослепленной горем и ненавистью, — на это и существуют правоохранительные структуры. Его можно было привлечь за...

Лилия громко рассмеялась. На этот раз это был не сексуальный грудной хохоток женщины, пытающейся привлечь мужское внимание к своей персоне, а искренний, хотя и горький, несколько презрительный смех.

— Вы думаете я не пыталась? Но кто ко мне прислушается? У них там все куплено, всем заплачено, кому нужно. Стоило лишь написать, как бумаги были утеряны, а ко мне домой не поленился прийти адвокат, помощником которого Олег и работал. Он мягко и тактично объяснил трогательными полунамекками, что если я буду упряма и настойчива, то потеряю все, не только ресторан, который может сгореть или просто разориться, при содействии налоговиков, наезжающих бандитов и прочих негативных моментов, но и жизнь, свою или кого-то из близких.

Яна приблизительно так все это и представляла, но ей необходимо было, чтобы женщина высказалась и перешла к рассказу о том, кто именно и как убил Олега. Но ожидания Милославской не оправдались.

— Я не знаю, поймете ли вы меня — потеря единственного любимого сына не просто трагедия — после этого кажется, что жизнь окончена.

— Я вас прекрасно понимаю, — негромко спокойно проговорила Яна. — Я сама потеряла единственного сына и мужа.

— О, — глаза Лилии округлились, теперь она смотрела на Яну с затаенной надеждой. — Тем более. А уж если ты знаешь, что убийца — а я считаю, что Олег был настоящим его безжалостным убийцей, хотя это и не доказуемо, убийца разгуливает на свободе, безнаказанный, всем довольный. Сколько еще жизней он погубил бы, оставшись в живых? Для него смысл жизни — деньги и власть, он безнравственен и безжалостен. И именно поэтому я рада его смерти, из-за чего бы он не погиб. Но вот только обвинить в этом своих близких не позволю никогда. Они все совершенно не при чем и ваше расследование ничего не изменит. А вы как следует задумайтесь, стоит ли искать того человека, который сотворил это доброе дело, устранил эту мерзость.

На мгновение между женщинами повисло напряженное молчание. В

тишине особенно четко были слышны разговоры и смех присутствующих в кафе. К мужчине за соседним столиком, приглядывающемуся было к Лилии с таким интересом, наконец-то пришла девушка. Теперь он столь же увлеченно завлекал свою собеседницу, время от времени капризно надувающую губки и противно хихикающую на его пошлые остроты. Этот визгливый смешок как ножом резал Яне уши, раздражая, словно царапанье острым предметом по стеклу.

Лилия была убедительна, но ни на мгновение не поколебала Яну. Та всегда руководствовалась принципом, что закон должен быть законом. Нельзя позволить человеку брать на себя функции правосудия и отнимать у кого-то жизнь, даже если он считает себя правым. Это было безусловно. Ведь подобное незаконное правосудие приводит лишь к трагедиям — страдает не только принесенный в жертву человек, приговоренный неизвестно кем на смерть, но и его близкие. А в дальнейшем, как в данном случае все это может повлечь за собой новое убийство, уже ни в чем не повинного свидетеля.

И все же видеть такие страдания и знать, что справедливая расплата разобьет их с трудом налаженные жизни Яне было несоизмеримо тяжело. Но она не позволила чувствам взять верх. Кроме того, еще не доказано, что убийства действительно на совести этой женщины. Яне очень хотелось извлечь из сумочки свои карты и воспользоваться «Внушением», чтобы узнать правду. Но как специально в спешке сборов, а может быть просто от утомления после бессонной ночи, она забыла захватить своих магических пособников.

Хотя определенная картина, с трудом вырисовывающаяся в тумане предположений и сомнений, начинала понемногу проясняться перед внутренним взором Милославской. Яна спросила, глядя прямо в глаза собеседницы:

— Вы заплатили за убийство?! Тому самому другу вашего любовника, помните две недели назад он приходил в ресторан.

Лилия побледнела, казалось, она с трудом пытается вздохнуть, но это никак не получается. Практически уверенная в своей правоте Яна продолжила:

— Не думайте, что это будет так легко скрыть. Вычислить настоящего убийцу, если станет известно, что вы заказчик очень просто. Достаточно проследить тюремные связи Андрея. А доказать, что вы заказали... Проверьте свои счета и счета Анны, думаю, немалая сумма исчезла с них две недели тому назад.

Неожиданно, на бледных щеках женщины расцвел румянец. Яна

ожидала оправданий и объяснений, что множество денег пришлось послать тетушке в Сывтывкар и дядюшке в Караганду, а в ответ лишь услышала:

— Ничего подобного. По счетам вы сможете проследить, что все наши финансы при нас же и остались. Все учтено и задекларировано и никаких денежных потерь нет.

Яна застыла. Уверенность женщины казалась вполне обоснованной. Милославская была уже почти убеждена, что нашла заказчиков убийства, но поверить в киллера-благотворителя было практически невозможно.

Дальнейший разговор с Тихоновой был безрезультатен. Яна понимала, что умная женщина, даже если и имеет какое-то отношение к убийству, никогда ей в этом не признается. Такая будет держаться до последнего, отрицая свою вину даже перед лицом очевиднейших доказательств. Именно поэтому Яна, осознавая, что найти убийцу подобным образом будет сложно, переключилась на более перспективную ниточку, вырисовавшуюся после вчерашнего происшествия.

* * *

Прежде всего Милославская позвонила из ближайшего телефона-автомата Руденко. Как она и предполагала, тот сидел на рабочем месте и был более чем недоволен сложившимися неудачными обстоятельствами и очередным «сиятельным» полутрупом, свалившимся ему на голову. Бодрый голос Милославской же в свою очередь его вовсе не порадовал.

— Что, еще кого-нибудь убивать собрались? — картинно и довольно-таки наигранно протянул он, не считая нужным даже поздороваться или поинтересоваться, как женщина добралась до дома.

— А что, хотелось бы? — Яна прекрасно понимала, что другу надо выговориться и пожаловаться на свою судьбу. Поэтому ровно тридцать секунд она слушала возмущение загруженного работой человека, которому дела, требующие особого внимания и отношения по причине высокопоставленности пострадавших вовсе не нравились. Затем, понимая что времени нет, а телефонная карта в совокупности рассчитана лишь на пять разговоров по три минуты, прервала его вопросом:

— Ну как там Никитин, жив, очнулся?

С замиранием сердца она ждала ответа. Умер ли он и ниточка, ведущая к убийце оборвалась или же пришел в себя и все разъяснилось. Но ответ разочаровал ее своей неопределенностью.

— Если бы очнулся, — вздохнул лейтенант. — В коме он.

— Но подожди, насколько я знаю, от передозировки в кому не впадают. Он должен был или умереть сразу или прийти в себя.

— От передозировки врачи его спасли. Ты была права, это опять героин. Спектральный анализ некоторых вещей в машине показал, что состав этого наркотика практически идентичен тому, от которого погиб Олег Сизов. Но дело в том, что от удара головой он пришел в коматозное состояние и когда очнется врачам неизвестно. Хотя тебе выражаю благодарность, — официально и напыщенно проговорил Руденко. Яна так и представляла как бодро топорщатся его усы и змеиться под ними его ироничная усмешка. — Без твоего своевременного вмешательства он точно бы умер. Еще каких-нибудь полчаса. А так шанс все же есть.

— А как с санитаром?

— Никуда он не выходил. А сегодня на работу пошел. Перед этим только лишь в какой-то особняк заглянул ненадолго. Мы узнали, там фирма «Терра» располагается. Он заходил договориться о перевозке, организованном для какого-то родственника. Ты мне объясни лучше, причем он здесь? Мы на всякий случай проверили, в машине нет его отпечатков пальцев, да и не мог он в машине быть — у него алиби — с соседкой развлекался, после твоего повеления выпроводил.

— Тогда может из соседей кто видел Никитина или убийцу, — Яна намерено проигнорировала вопрос о причастности санитара. Ей не хотелось давать Руденко пространные объяснения.

— Въезжающую джип одна бабуська разглядела, это мои ребята уже узнали. А вот выходил ли кто из нее... Сама понимаешь. Да и что там в темноте под дождем можно было рассмотреть.

Распрощавшись с лейтенантом и обязавшись держать его в курсе, Милославская решила связаться с Альбиным. Звонок санитара Юрию Владимировичу сразу после убийства казался более чем подозрительным, а визит в «Терру» избавлял от возможных сомнений связи Альбина с этим делом. Понемногу все ниточки сходились именно к нему и очередная встреча была неизбежной.

Яна вернулась домой и прежде всего взяла карты. Ситуация была слишком неясной, ей так хотелось прощупать путь, по которому пока ее вели лишь карты, да интуиция, а не логические размышления и предположения. Милославская решила в очередной раз положиться на магическую силу карт.

Несколько секунд она колебалась, не в силах выбрать между картой «Взгляд в будущее» и «Взгляд сквозь оболочку». Колебания вызывало ее желание, с одной стороны, узнать, нанесет ли убийца вскоре очередной

удар, как она это предполагает. С другой, важным казалась необходимость как можно больше узнать о Альбине. Эта фигура, стоящая на шахматной доске разыгрываемых событий вроде бы как в центре и в то же время в стороне, официально практически непричастно, временами напоминала Яне таинственного черного короля, расположенного, казалось бы, где-то вдалеке и не показывающего своей власти, но закулисно управляющего многими событиями.

Несколько шутовская, временами кажущаяся гедонистической, пошловатой и поверхностной личность, представшая перед Яной, не казалась ей подлинной, а воспринималась всегда лишь как маска, скрывающая мрачную сущность. Должно быть именно беспокойство, появляющееся при общении с этим человеком и побудило Яну в данный момент выбрать карту «Взгляд сквозь оболочку».

Милославская положила руку на карту и прикрыла глаза. Несколько томительно долгих минут ее чувствительные пальцы не ощущали ничего. Уже было возникла мысль, что все напрасно и сосредоточиться не удастся, как пронзительная, леденящая саму душу дрожь заставила тело женщины невольно содрогнуться.

Казалось, Яна почувствовала, как под ней вертится земля, скользящая в бесконечном космическом пространстве. Звезды кружились в бесконечном завораживающем хороводе. Но взгляд Яны смотрел не на мир извне, а сосредоточился на внутреннем. В ее теле развилась неведомая ранее сверхжизнь, наполнявшая каждую клеточку энергией и силой. Создавалось впечатление, что все нервы обнажены, будто она слышит, как бурной красной рекой течет ее кровь, наполняющая берега ее тела. Мышцы, живя своей, неуправляемой жизнью, находились в постоянном диком движении, извиваясь клубком змей. В ушах раздавались удары сердца, оглушающие, как барабаны неведомых африканских племен. Веки женщины исчезли и яркий белый свет проникал прямо в мозг болезненно-жгучими солнечными лучами.

Это наводящее ужас состояние продолжалось несколько мгновений, отхлынув затем, как морской прибой, оставляющий на берегу избитое о камни безжизненное тело.

Яна безразлично рассматривала возникшую перед ее глазами неподвижную поверхность. Через несколько мгновений она поняла, что это всего лишь навсего столешница, каким-то неведомым образом оказавшаяся прямо перед ней. Яна перевела взгляд и с трудом сфокусировала его на предмете, лежавшем рядом. Этот предмет был знаком Милославской. Все тот же понравившийся ей старинный светильник муранского стекла.

Сейчас Яна видела его так отчетливо, как под лупой. Самое удивительное, что неведомым, мистическим образом Милославская способна была разглядеть светильник со всех сторон и даже сверху.

Ошибиться Яна не могла — с разочарованием пришлось констатировать факт: прекрасное изделие действительно подделка, но подделка настолько искусная, что лишь специалист способен был отличить ее от подлинника.

Некоторое время женщина увлечено любовалась великолепным изделием, когда дверь в комнату открылась и перед Яной предстал мужчина, безошибочно узнанный Яной. Это был Альбин. Он сложил губы так, как будто что-то увлечено насвистывал. Тщательно заперев за собой дверь и подойдя к столу, мужчина с удобством развалился в широком кожаном кресле. Ноги он небрежно закинул на дорожную столешницу. Взяв в руки светильник, Альбин небрежно, с презрительной улыбкой повертел его в руках, а затем извлек из ящика стола маленькую, тонкую отвертку. Легко отсоединив днище красивого изделия ручной работы, он осторожно извлек второй поддон, заполненный маленькими пакетиками с белым порошком.

В этот момент по всей видимости кто-то постучал в дверь, так как мужчина быстрым, змеиным движением поднял голову. На лице застыло напряженное выражение. В тоже время спокойными и точными жестами поддонник был вставлен на место, а днище закреплено, как положено.

Альбин поднялся с кресла и прошел к запертой им двери. Яна напряженно вглядывалась. Почему-то ей казалось очень важным увидеть, кто именно стоит за дверью. Но как только та стала приоткрываться, тьма в одно мгновение поглотила женщину, скрыв от нее дальнейшее развитие событий.

Яна протерла глаза, придя в себя, и решительно набрала номер офиса Альбина. Услышав несколько тягучий голос представилась и поинтересовалась, нельзя ли им встретиться. Казалось, на мгновение Альбин смутился, но затем приветливо проговорил:

— Конечно, конечно, Яна Борисовна. Встреча с вами доставит мне удовольствие.

Эта несколько неуклюжая галантность немного насмешила яну, но затем Альбин продолжил:

— Вот только, боюсь, сегодня у меня не будет ни одной свободной минуты. Быть может, завтра или лучше послезавтра?

— Нет, — Яна забеспокоилась. — Мне необходимо увидеть вас очень срочно. Всего несколько минут, я не оторву вас от дел надолго.

— Не могу. Для вас все бы сделал, но дела слишком важны и

срочны. — Яна так и представляла, как он якобы огорченно приподнимает брови и разводит руками, выражая всей своей жестикуляцией и мимикой сожаление. Яна молчала, через несколько секунд он медленно, как бы в раздумьи проговорил: — Впрочем вечером я буду на одном мероприятии. Мы финансируем выставку одного московского гения и я должен там присутствовать. В принципе вы могли бы меня сопровождать.

Мгновение Яна колебалась: разговаривать о таких серьезных вещах в общественном месте не хотелось, но в то же время увидеться с Альбиным и поговорить было необходимо. Яна согласилась и повеселевший собеседник посоветовал ей быть готовой к трем часам дня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Яна осмотрела свой гардероб и выбрала смотрящееся более чем презентабельно и дорого, хотя в то же время очень стильно платье, шелковое и струящееся, цвета слоновой кости с ассиметричными разрезами и несколько экстравагантным вырезом на спине. Тон в тон были подобраны изящные босоножки и сумочка, отделанная серебром, гармонирующим с тоненькой цепочкой и серьгами. Яна понимала, что на выставке окажется «цвет» городского общества и ей нельзя ударить в грязь лицом.

Альбин обещал не только передать Яне приглашенный билет на презентацию, но и заехать к ней, чтобы лично доставить на мероприятие. Яна согласилась на данное предложение, в надежде узнать поближе эту непонятную личность, явно что-то скрывающую.

В положенный час она услышала гудок машины. Альбин прибыл все на той же сиреновой «девятке». Но на этот раз за рулем восседал еще один крепкосложенный мужчина с густыми бровями и каштановыми волосами. По непроницаемому выражению лица, ощупывающему взгляду, скользнувшему внимательно и в то же время равнодушно по отношению к ее женским прелестям, выгодно подчеркнутым платьем, Яна пришла к выводу, что это не только водитель, но и по совместительству, возможно, телохранитель, без которого даже в глубинке не может обойтись ни один более-менее крупный предприниматель или политик. А больше всего нуждаются в шкафоподобных типах, по ее мнению, нувориши, выросшие из преступной среды.

Альбин вальяжно разлегся на заднем сидении. По его ухмылке и сально поблескивающим глазкам Яна поняла, что он вознамерился приятно побеседовать в вынужденной тесноте салона о таких вещах, которые ее совершенно не привлекали. Лицо Юрия вытянулось, когда спокойно м даже несколько нахально заявив услужливо распахнувшему заднюю дверь водителю: «Спасибо, я лучше сяду на переднее сидение. Что-то меня на заднем сегодня укачивает», — Яна сама открыла дверцу и скользнула на сидение рядом с водителем. Вынужденный интим не прошел.

В отместку Альбин всю дорогу дулся, не желая вступать в разговор. Впрочем Яна не скучала. Она с наигранным интересом рассматривала давно ей знакомые окрестности Тарасова, проплывающие перед глазами. Милославская чувствовала какое-то беспокойство и даже все усиливающуюся тревогу. Что-то негативно воздействовало на нее,

отталкивая своей внутренней энергией, защищаясь. Но, в тот момент, когда уже Яна вновь захотела попытать счастья, используя карту «Чтение», автомобиль уже подъезжал к зданию недавно отремонтированного особняка, ставшего оплотом творческой жизни Тарасова. Особняк был отреставрирован и преобразен в классическом стиле модерн — с цветными витражами и кованными решетками.

Выставка проходила в нескольких залах. У порога вновь прибывших гостей встречал счастливый хозяин выставленных на всеобщее обозрение бессмертных, по его мнению, творений. Человек, носящий имя, а точнее псевдоним, Иннокентий был невысоким, довольно-таки упитанным, с круглым лицом и светлыми, как будто выцветшими глазами. Он стал модным после того, как его творения были признаны в Америке. Затем, дочь бывшего президента приобрела полотно Иннокентия в подарок своему папочке и устраивать выставки непризнанного ранее гения среди провинциального бомонда стало последним писком моды.

Яна, поздоровавшись с напыщенно восторженным хозяином выставки, вошла в зал. «Да, картины действительно нестандартные», — промелькнула у нее первая мысль, а Альбин уже тащил Милославскую к первому же экспонату. В молчании они рассматривали представленное на суд общественности полотно. Первым заговорил Альбин:

— Ну разве не восхитительно? Какой полет фантазии, какое символичное сочетание.

Яна прекрасно относилась к искусству, имеющему отношение к символизму и модернизму. Но от подобного творения у нее просто пропал дар речи. В конце концов она пробормотала:

— Действительно. На редкость нестандартное решение.

Изображенное на картине больше всего напоминало ей мазню полуторогодовалого малыша, еще не научившегося различать цвета. Как она ни присматривалась, понять всю символичность инноваторскую прелесть грубых и неумелых мазков не удавалось. С картиной хорошо сочеталась массивная довольно грубо выполненная рама. У Яны, уже ознакомленной с историей приобретения полотна дочерью президента, даже возникла мысль, что дочь бывшего главы не слишком жалуется своего папочку.

Ее мысли подтверждал следующий экспонат, возле которого Яна разглядела знакомое лицо. Сизов, забыв о постигшей его трагедии, увлечено разглядывал что-то долженствующее быть скульптурой из дерева и вороньих перьев. Яна не поняла, на что это похоже по замыслу творца, но ей казалось, что это всего лишь полусгнивший пенек, в который врезались

не меньше десятка ворон.

Но данные жуткие произведения, ни в коей мере не являющиеся искусством, все же волновали Милославскую значительно меньше собравшихся в этом помещении личностей. Ей хотелось узнать, о чем собираются беседовать родственники, Альбин и Сизов. Но к ее величайшему удивлению, мужчины лишь сухо кивнули, вежливо приветствуя друг друга и на этом разошлись.

Милославская, по-прежнему шагая рядом с Альбиным, проследила взглядом за Сизовым. Тот быстрым шагом прошел в глубь зала и подошел к стоящей спиной к Яне женщине, которую тут же загородили люди.

Милославская огляделась. На данное мероприятие собрались «сливки» тарасовского общества. Бизнесмены и приближенные к городской власти походили друг на друга своими не в меру упитанными фигурами, упакованными в дорогие костюмы, безупречно уложенными волосами, очень часто безуспешно пытающимися скрыть залысины и проплешины различных форм и размеров, а также бриллиантовыми кольцами на мизинцах. Такие кольца последнее время считались наимоднейшим аксессуаром в подобной среде. Янин взгляд скользил по этим выступающим животам и гладким, словно отполированным лысынам, ни на минуту ни на чем не задерживаясь. Она упорно искала то, зачем и пришла сюда. Разговор с Альбиным Яна отложила на тот момент, когда откладывать больше будет нельзя.

По выставочному залу стояли небольшие столики. Следуя европейской моде, на них разместили бокалы с напитками, чтобы высокопоставленные гости привели себя в нужную кондицию перед очередным взглядом на новый шедевр. Альбин вручил ей шампанское, а сам тем временем опорожнил три рюмки напитка, по всей видимости, не малой крепости. С каждой опрокинутой рюмкой его восторги представленными полотнами становились все громче и эпатажнее, а глазки все маслянее. Рука Альбина, на которую опиралась Яна, как маленькая потная мышка, елозила, стремясь прижаться поближе к облаченным в легкий шелк формам женщины. Подобное поведение быстро утомило Милославскую, а так как угождать навязчивому попутчику она не собиралась, то еще через несколько минут заявила:

— Юрий Владимирович, извините, я вас оставляю на несколько минут.

— Да-да, — маслянистая улыбочка расплылась по его губам. — Вам направо после картины «Возрождение России». Третья дверь.

Яна для начала и правда прошла по направлению к туалетной комнате. Правда, путь был не особенно легким. Указанную картину

«Возрождением» чего-либо назвать было трудно. Яна обошла это творение стороной, стараясь не прикоснуться, так как она способна была внушить только лишь ужас. «Если Россию ожидает подобное возрождение, напоминающее собрание пеньков, лоскутков и изломанных линий, а также марширующих роботов, — мелькнула в ее голове мысль, — то уж лучше погибнуть».

Проскользнув в третью дверь, Яна увидела несколько кабинок и рукомыльников у большого зеркала. По счастью, все отличалось чистотой, если уж не роскошью. Не успела она и запереть кабинку, как следом вошли две женщины. Сперва Яна услышала лишь смех одной. Этот горький, язвительный смешок донесся до женщины, как через ватную стенку, окутавшую непроницаемым белым полотном ее сознание.

Яна пошатнулась и без сил прислонилась к стенке кабинки. Вошедшая женщина продолжала разговор: «представляешь, нет, я не могла в это поверить, никак, никак не могла...»

Между тем сердце Милославской учащенно забило. Словно порыв штормового ветра распахнул вдруг перед ней окно в прошлое. И из этого окна неудержимым потоком лились воспоминания, доставляющие боль и ранящие душу. Вновь перед Яной возникла скользящее серое полотно дороги, ее ослепили фары встречного автомобиля и страшный визг тормозящих машин слился с наводящим безграничайший ужас ударом и скрежетом покореженного метала. И вот уже сознание женщины плывет в белизне, сквозь которую, как сквозь плотную вату, пробивается горький, язвительный смешок и слова:

— Представляешь, нет, я не могла в это поверить, никак, никак не могла. Такое неблагоразумие.

Яна парила под потолком белой палаты. По всей видимости, операционной. На столе лежал чье-то тело, прикрытое белой простыней. Женщина, видимо анестезиолог, колдовала рядом с телом, в то же время беседуя со врачом о чем-то своем. Сверху Яна видела лишь ее белый халатик и шапочку, марлевая повязка закрывала лицо. Но голос, голос ни с чем нельзя было спутать. Это был мелодичный, с легкой хрипотцой, пробивающийся иногда в минуты волнения, голос той женщины, с которой много позже Милославская познакомится как со своей клиенткой, Сизовой Дарьей Владимировной. Сейчас Яна вспомнила о том, что врач и Сизова беседовали о недавнем случае, когда им пришлось спасти женщину, тяжело раненную телохранителем мужа. Новоявленный секьюрити, пользующийся доверием супругов, польстился их деньгами и роскошной машиной. В результате муж скончался, а жена выкарабкалась только

благодаря своевременной помощи врачей. И теперь Сизова горячо возмущалась:

— Ну как можно было брать случайного человека на такую должность! В наше время необходимо проявлять особую осторожность. Правда, — женщина ненадолго прервалась, сосредоточенно проверяя пульс и сердцебиение лежащей на столе Милославской, — мой брат меня недавно тоже напугал. Взял телохранителем человека которому я бы не доверила свою жизнь. Представляешь, он был в тюрьме! Правда, Юрик знаком с этим Игорем с детства. Тогда, как я помню, он был хорошим мальчиком, но ведь тюрьма кого угодно испортит. Не знаю, у меня от его взгляда просто мурашки по коже. Какой-то он, на скорпиона похожий. Понимаешь? Он по знаку зодиака скорпион, а это очень много значит. Вот ты, например, кто по знаку зодиака?

Разговор перешел на эту тему и врачи увлечено принялись спорить, имеют ли отношение данные знаки к характеру и поведению человека.

В мгновение ока все эти воспоминания пронеслись в памяти Милославской, попутно оживив точащую ее, глубоко затаившуюся боль потери близких. Должно быть, оберегая ее именно от этой боли, память упорно не позволяла данным воспоминаниям всплыть на поверхность. Возможно, это случайное совпадение, мгновение первой встречи с Сизовой, ничего не значило, но с другой стороны оно вполне могло стать ключом, помогающим разгадать тайну гибели людей, имеющих отношение к покойному Олегу и Альбину.

Яна перевела дыхание и выскользнула из кабинки. Дарья Владимировна все еще поправляла волосы перед зеркалом, а ее неведомая собеседница уже заняла соседнюю с Яниной кабинку. Сизова, заметив в зеркале рядом с собой экстрасенса, от неожиданности вздрогнула и едва не выронила расческу. Ее губы слегка побелели:

— Вы? — пробормотала она не твердым голосом, затем уже увереннее улыбнулась и пожала плечами. — Не ожидала. Как... как призрака увидела.

Заметив брошенный Яной взгляд на строгое, закрытое спереди и очень элегантное черное платье, оттененное лишь ниткой великолепнейшего жемчуга, Дарья Владимировна несколько виновато улыбнулась:

— Я понимаю, что прошло слишком мало времени с похорон. Но муж уговорил меня непременно заехать ненадолго сюда. Ему необходимо здесь быть, с кем-то встретиться, а мне, как он сказал, необходимо немного развеяться.

Подобное нарушение негласного этикета траура явно беспокоило собеседницу, но оно меньше всего волновало сейчас Яну.

— Мне необходимо срочно с вами поговорить, — быстрым шепотом она перебила Сизову. — Вы можете ненадолго отослать свою попутчицу?

— Да, конечно.

Когда в следующее мгновение женщина вышла из кабинки и подошла мыть руки, Яна отвернулась и сделала вид, что чрезвычайно увлечена умывальником. Дарья Владимировна проговорила:

— Леночка, иди пока в зал, а я через минутку подойду.

— С вами все в порядке? — тут же забеспокоилась ее молоденькая попутчица.

— Все хорошо, беги.

Лена, пожав плечами и подкрасив губы, удалилась, аккуратно прикрыв за собой дверь. Милославская, не теряя ни минуты, так как в любой момент их могли перебить, спросила:

— Дарья Владимировна: вы несколько лет назад где-нибудь работали?

Лицо Яны даже не изменилось, когда она услышала предполагаемый ответ, что раньше Сизова была анестезиологом в той самой больнице, куда после аварии и попала Милославская. Сейчас необходимо было перейти к главному:

— Как зовут телохранителя вашего брата?

Сизова, немного удивившись столь резкому и неожиданному для нее переходу тут же проговорила:

— А что все это значит? Вы что-то узнали? Почему такие странные вопросы?

— Дарья Владимировна, — быстро, но четко и твердо сообщила Милославская, глядя прямо в глаза женщине. — Сейчас у нас нет ни одной минуты на расспросы и бессмысленные возражения. Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы, которые, я надеюсь, помогут как можно скорее приблизится к развязке.

Удивленная женщина лишь пожала белоснежными, не тронутыми загаром плечами и сказала:

— Игорь, телохранителя зовут Игорь. Фамилию только плохо помню. Ковальский, что ли или Ковальчук. Что-то украинское.

— Скажите, а татуировок на его теле, руках, вы никогда не замечали?

Яна напряженно ждала ответа. Но Дарья Владимировна лишь неопределенно пожала плечами:

— Да я что, присматриваться буду? — Сизова возмутилась так, как будто Милославская предположила что-то совершенно неприличное.

— Кто-нибудь из его родных, близких вам известен?

— Сестра. Я слышала, что он заботится о сестре. Она чем-то больна.

— И вы не знаете, где она теперь находится? — Яна пристально смотрела на Сизову, ожидая желанного ответа.

— Почему, знаю. Пока Игорь был в тюрьме, пребывание в клинике оплачивал мой брат. А потом он же и помог приобрести домик ей на окраине. Знаете район 7-ой дачной? Соборная улица дом шесть.

— Хорошо, в таком случае скажите, когда и за что он сидел в тюрьме.

— Сидел? За наркотики. Еще в конце восьмидесятых или начале девяностых его поймали в машине с наркотиками. А вы подозреваете, что это он? — неожиданное подозрение превратило лицо Сизовой в каменную маску ожидания.

— Подозрений пока достаточно и не только по отношению к этому человеку. — неопределено проговорила Яна. — Этот же ваш Игорь имеет очень важные связи, но я надеюсь, что вы ничего никому не скажете раньше времени, иначе последствия могут быть катастрофическими.

В молчаливости и сдержанности Сизовой яна отнюдь не была уверена, именно поэтому необходимо было срочно отвести подозрения от неожиданно проявившего себя таким подозрительным образом секьюрити.

— Скажите, а что вам известно о деятельности Никитина?

— Как это что? — Сизова очень удивилась. — Он работает в городской мэрии, где-то в сфере распределения финансов.

— А какие у него были взаимоотношения с вашим братом? — как можно более безразличным тоном проговорила Яна, уставившись не на собеседницу, а в зеркало и поправляя волосы. На самом деле краем глаза она пристально наблюдала за зеркальным отражением лица Дарьи Владимировны. Как она и ожидала, его исказила ярость. Женщина, которой, безусловно, уже было донесено вездесущими сплетниками о происшествии с Никитиным, может быть и имела какие-то свои недостатки, в том числе и материнскую слепоту, но тупость уж точно не входила в их число. Она сразу же поняла на что намекает экстрасенс.

— Мой брат не имеет никакого отношения к подобным... несчастьям. Если даже до вас и дошли какие-то слухи об их взаимоотношениях, то это не более, чем ложь, — металлическим голосом отчеканила она, коренным образом меняя модуляции и переходя от радушно приветливого общения к сугубо официальному.

Яна взглянула на часы. Разговор в туалете явно затянулся. Просто удивительно, как это он еще не вызвал подозрений, и почему ни одной даме пока не приспичило наведаться в дамскую комнату почистить перышки или отдать должное природным, физиологическим, а следовательно вполне естественным потребностям.

— Я вовсе не подразумевала выяснить те или иные аспекты виновности вашего брата, — Яна глядела на собеседницу с легкой иронией. — Скорее, напротив, у меня возникает опасение, что угроза нависла именно над Юрием Владимировичем из-за тесного общения с Никитиным.

В данный момент Яна также немного лукавила, но ей необходимо было разговорить Дарью Владимировну. Продолжая таким образом свою речь они подошли к двери. Сизова поспешно сообщила, понимая, что разговор пока необходимо завершить:

— Я ничего не знаю, но что-то моего брата с Никитиным связывало. Только встречались они всегда лишь у меня дома, как мне это известно. На всяких мероприятиях они разговаривали лишь как знакомые, не более того.

Яна проговорила:

— Я выйду первая, а вы следуйте за мной через несколько секунд.

Особой нужды в подобной конспирации не было, но все же Яна предпочла не рисковать и не ставить под удар в случае чего Сизову. У Милославской было подозрение, что убийца вполне может оказаться среди присутствующих на выставке.

Женщина вышла из-за двери, прошла по коридорчику и оказалась в выставочном зале. Оглядевшись, она поняла, что альбина не видно. Сизов общался с молоденькой девушкой, вошедшей ранее вместе с Дарьей Владимировной в туалетную комнату. Особого беспокойства по поводу отсутствия жены на его лице не было заметно. Больше никого знакомого, имеющего отношение к данному делу Яна не разглядела.

Делая вид, что увлечено созерцает бессмертные произведения московского творца, Милославская скользила к входу во второй зал. Она хотела непременно отыскать Альбина. В ее душе зародилось подозрение, что разворачивающиеся события самым тесным образом связаны именно с загадочным Юрием Владимировичем.

Во второй комнате, наполненной столь же живописными шедеврами, способными присниться лишь в самом мрачном кошмаре, посещающем извращенное сознание, Альбина также не оказалось. Так как третьего выставочного зала, к счастью для самочувствия и психики посетителей, не было, Яна немного забеспокоилась. Вернувшись в первый зал и направившись вновь в сторону туалетной комнаты, она, как бы случайно остановилась у первой двери, сделав вид, что оглядывается и ищет взглядом кого-то из посетителей. В комнате царила тишина, однако, через несколько секунд она расслышала писклявый мужской голосок, так хорошо запомнившийся ей у двери в это заведение. Разговаривал сам маэстро —

Иннокентий. Разобрать его торопливый, негромкий южный говорок Яна не могла, но вот когда она расслышала слова собеседника, сомнений не осталось — приватная беседа велась между Альбиным и горе-художником. Милославская уловила лишь несколько слов, когда ей пришлось отойти, вновь направляясь в полюбившийся, по всей видимости, уже туалет, чтобы скрыться от заинтересованного взгляда посетителя, стоящего у входа в коридорчик. Этот посетитель мощной фигурой и широкими плечами, а также цепкими глазами весьма и весьма смахивал на секьюрити. Светиться же в такой ситуации Яне не было никакой нужды. Однако, даже из этих случайных нескольких слов она почерпнула кое-какую весьма ценную информацию.

Проведя положенные две минуты перед зеркалом в дамской комнате и обдумывая свой дальнейший путь, Яна решительно прошла мимо внимательного джентельмена в темном костюме, проводившего ее заинтересованным, но отнюдь не восхищенным, взглядом.

Несмотря на то, что отсутствие Милославской было недолгим, Альбин уже успел появиться в зале. Довольная улыбочка бегала по его губам. Быстренько подскочив к спутнице, он подхватил ее под руку и, окидывая одобрительным взглядом, за которым только Яна сумела прочесть некоторую подозрительность, заверещал очередные слащавые комплименты.

Яна решительно высвободила свою руку и сухо проговорила:

— Юрий Владимирович оставим все это совершенно никому не нужное притворство. Мне хотелось бы с вами серьезно поговорить.

Акцентируя слово «серьезно», Яна пристально смотрела ему в глаза. Лишь одно мгновение Альбин заколебался, после чего за надетой маской «добренького дядюшки» на мгновение проступил оскал хищника:

— Ну что ж. Пойдемте.

Яна ничуть не удивилась, когда оказалась в той самой комнате у двери которой несколько минут назад подслушивала разговор Иннокентия с Альбиным. На этот раз кабинет, выдержанный в сугубо деловом стиле, был пуст. Альбин запер дверь и с удобством устроился в кресле, предварительно усадив Яну рядом.

— Юрий Владимирович, я думаю, вам прекрасно известно о попытке убийства Никитина.

— Да.

На этот раз собеседник обошелся без лишних экивоков, говоря сухо и четко. Он задумчиво, хотя и с некоторым сомнением смотрел на Яну. Этот взгляд был неприятен Милославской. Она словно чувствовала, что

холодный и липкий взгляд прикачается к телу, словно щупальца огромного кальмара.

— Как мне стало известно, около полугода тому назад у вас погиб сотрудник из охраны грузов.

Альбин молчал, выжидательно вглядываясь в лицо Яны. Милославская продолжила:

— Причем погиб при более чем странных обстоятельствах, удивительным образом напоминающих смерть Олега, вашего племянника. Не так ли?

Короткий кивок был ей ответом.

— Вот только никаких подозрений милиции это не вызвало, так как найден мужчина был в туалете, изнутри запертом на задвижку.

Эту информацию Яна получила из очередного приватного разговора с Руденко, по ее просьбе раскопавшего все случаи смертей за последние несколько лет, напоминающие гибель Олега.

Задумчивый взгляд Альбина сменился улыбкой, но, как подумала Яна, эта улыбка была тяжелой, несколько неестественной и не располагающей. В ней не чувствовалось перемены к лучшему. Она добавила:

— Странная цепь смертей, вам не кажется? И вся эта цепь тем или иным образом замыкается на вашей фирме и на вашей особе.

— Если вы хотите меня запугать, то ничего не выйдет. Я не хуже вас умею сопоставлять факты и давно уже понял, что подкапываются именно под меня. Именно поэтому так хотел, чтобы вы работали не на сестру, а на меня.

Яна продолжала выжидательно смотреть на Альбина. Она чувствовала его неискренность. Сама мысль, что конкуренты желают насолить неугодившему им бизнесмену, занимающемуся пусть и выгодными автоперевозками, таким замысловатым образом казалась абсурдной. Между тем, Альбин считал подобную версию оптимально соответствующей сложившейся ситуации и Яна даже подозревала, почему. Вот только показать свои знания Альбину она никак не могла. Глядя в застывшее лицо собеседника, Яна почувствовала, как замерло и, казалось, на мгновение остановилось ее сердце. Ее подозрения крепили с каждой минутой. Становилось не по себе от того, в какую опасную игру она попала.

Милославская прожила в Тарасове немало, и ей было прекрасно известно насколько город опасен — тишь да гладь, но и острых углов с избытком. И все же осознание того, что она играет не просто с огнем, а скорее с непредсказуемой шаровой молнией вызывало тянущее ощущение под ложечкой. Но, прежде чем придется отсупить в безопасное место, Яна

сделала последнюю вылазку:

— А вы знаете, кто именно хотел бы таким образом повредить или уничтожить вас?

Секунду в комнате царило напряженное молчание аккомпанементом которому был лишь приглушенный шум голосов за дверью. Яна и не ожидала откровенностей, но ей было очень интересно, что же именно пожелает ответить собеседник.

— Жестокая конкуренция, — усмехнулся Альбин. По его лицу было заметно, что он сам готов поверить в подобное предположение, хотя и подразумевая, по мнению Яны, под конкурентами совсем не безобидных владельцев фирм по автоперевозкам.

— Хорошо, — Яна улыбнулась. — Все же хотелось бы посоветовать вам вести себя эти дни как можно более осторожно. Я бы посоветовала позаботиться об усиленной охране, не полагаясь на одного человека.

— Я всегда осторожен! — самонадеянно вскинул подбородок Алибин, провожая уходящую женщину взглядом, но даже из правил приличия не желая встать и открыть дверь.

Милославская лишь пожала плечами. Спорить с ним и вступать в экспрессивную перепалку она не собиралась. В данный момент у нее было значительно более важное дело.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В принципе, у Яны почти не оставалось сомнений в том, кто же убийца. Не могла она понять одного — мотивов. Действия этого человека говорили о том, что он взял на себя функции карателя, меч судьбы в руках палача, как он наверняка считает. Но с другой стороны все могло быть более чем прозаичным, а причиной гибели людей оказывались лишь сугубо материалистические побуждения неподеливших власть или доход бандитов.

В данный момент Милославская торопилась. Она была почти что убеждена, что днем, при людях убийца не станет наносить свой роковой удар, опасаясь, что ему помешают. Но вот вечером он вполне может и поторопиться. Итак убийство Никитина явно было совершено в спешке, не так тщательно продумано, как предыдущие.

Яна вышла из здания, вышла к дороге и тормознула проезжающую «шестерку». Водитель, услышав, что ехать придется на самую окраину, назвал такую цену, которая заставила высоко взметнуться от удивления брови Яны, хотя и привыкшей к норовящим урвать свою выгоду джентельменам с больших дорог, подрабатывающим частным автоизвозом, но такого не ожидавшей. Явное ошеломление возможной клиентки, судорожно размышляющей, обнаружится ли у нее в карманах нужная сумма, немного привело в чувство водителя, несколько сбавившего темпы.

Путь занял более часа. В конце концов, после длительных плутаний по узким переулочкам, которые можно было одолеть не на машине, а лишь на ослике, как высказался в конце концов водитель, Яну доставили к нужному домику. Милостиво согласившись подождать, водитель получил обещанную сумму и принялся мечтать о такой же за обратный путь, который в противном случае все равно пришлось бы совершать и без Яны.

Высокий, но довольно-таки ветхий забор ограждал ухоженный маленький садик. Яна подошла к калитке и постучала. Но от первого же удара дверь неожиданно открылась. Оглядевшись, Яна заметила в садике неподвижную фигуру. По всей видимости молодая девушка сидела на большом камне, обхватив ноги тонкими красивыми руками, полностью отдавшись течению своих мыслей, напоминая при этом персонаж картин Анри Руссо.

У ног девушки с удобством расположился ухоженный английский сеттер. Увидев незнакомку, он поднял голову, тихонько твякнул, но в

следующую минуту приветливо замахал хвостом и потрусил к женщине, чтобы предано лизнуть ее руку. Девушка даже в этот момент не вырвалась из плена охватившей ее задумчивой отрешенности. Тогда Яна шагнула к ней и вежливо ее окликнула. Незнакомка подняла красивые темно-синие глаза и как-то заторможено улыбнулась. Яна почувствовала, что разговор предстоит долгий.

* * *

Не успело еще прозвучать последнее слово, сорвавшееся со скривившихся в волнении губ девушки, как Яна быстро, словно на пружинах, поднялась. Интуиция подсказывала, что действовать следует как можно быстрее. Прежде всего она вежливо спросила у вышедшей в самом начале разговора пожилой женщины:

— Скажите, я могу от вас позвонить?

— Конечно, пройдите в дом.

Яна, одеревеневшими от волнения пальцами вновь и вновь набирала рабочий номер телефона лейтенанта. В конце концов ей ответил незнакомый молодой голос. Сказанное им вовсе не порадовало Яну.

Руденко вновь не оказалось на месте и как с ним связаться, никто не мог ей подсказать. Яна, проклиная неусидчивого лейтенанта, которого так трудно обнаружить именно в те минуты, когда его содействие просто жизненно необходимо, мчалась на смирно дожидавшейся ее «шестерке» домой. Сейчас, как она чувствовала, без помощи Джеммы обойтись было нельзя. Прихватив обрадовавшуюся собаку, Милославская запаслась также деньгами, которые необходимы были для уменьшения appetитов разохотившегося водителя, видевшего, что женщине его помощь необходима, и отправилась в сторону центра. По дороге, которая в лучшем случае заняла бы не более десяти минут, Яне было о чем поразмышлять. А прежде всего о том, правильно ли она поступила, сделав однозначный выбор.

Из дома, куда Яна заезжала за Джеммой, она вновь попыталась было дозвониться до Руденко, но результат оказался столь же плачевным. Она лишь передала сержанту, подчиненному Семена, адрес, по которому лейтенанту необходимо направиться в ту же минуту, когда он появится.

Кроме того, немного поразмышляв, она набрала номер домашнего телефона Альбина. После долгой паузы трубку поднял сам хозяин. Яна перевела дух и проговорила:

— Юрий Владимирович, вы одни?

— Ну, можно сказать так, — самодовольный голос уверенного в себе и своей безопасности человека ножом резанул по ушам Яны. Она быстро проговорила: — Пока я к вам не подъеду, ни в коем случае не впускайте никого в квартиру. Ни-ко-го. — Четко проговорила она, разговаривая с ним, как с несмышленным ребенком.

— Да ладно, — Альбин рассмеялся. — В данный момент я в полной безопасности. — Кроме того, со мной мой телохранитель, Игорь. Он мне предан безраздельно.

Яна замерла, услышав эту фразу. Холодная дрожь липкой рукой страха сжала ее сердце и разошлась по коже. Она медленно проговорила:

— Я бы на вашем месте не была так уверена.

Яна ощущала свою память, свой мозг как ледяной каток: мысли пролетали и ускользали, а прийти к правильному решению было необходимо за несколько секунд. Через мгновение она резко встряхнула головой. Какое бы чувство жалости не обуревало ее сейчас, рисковать чьей-то жизнью было абсолютно недопустимо. Пусть даже возможная жертва и была ей более, чем неприятной, все же расплата должна была настичь Альбина законным путем. Милославская добавила:

— Как вы думаете, ваш телохранитель сейчас может слышать наш разговор?

— Нет, — легкое удивление в голосе собеседника сменилось опасной задумчивостью.

— Рекомендую вам отослать под правдоподобным предлогом его или, — Яна запнулась. Как объяснить такую ситуацию представителям правопорядка в том случае, если рядом не сможет оперативно действовать Руденко? Но все же договорилась: — сразу же вызвать милицию. Как бы то ни было, помните, что основная опасность исходит именно от него. Я буду у вас минут через десять.

Когда, преодолев все преграды на своем пути, включая охранную систему и кодовый замок в подъезде, Яна все же добралась через четверть часа к квартире Альбина, расположенной на втором этаже, было уже поздно. Дверь в квартиру открылась при первом же толчке. Яна с собакой очутилась в большой пустой прихожей, оригинально отделанной резным деревом. Когти Джеммы, следующей за хозяйкой, тихо проклацали по блестящему паркету. Яна передвигалась почти бесшумно. Она понимала, что входить не следует, а вместо этого стоит сразу же вызвать милицию, но останавливала мысль, что ее незамедлительная помощь еще может кому-нибудь понадобиться.

Первая дверь, наугад выбранная Яной была распахнута. По всей видимости там располагалась спальня. Следующая, слегка приоткрытая, оказалась кабинетом. И именно в нем, полуоборотом по отношению к Милославской и лицом к собеседнику, стоял мужчина, держа в руках пистолет.

Яна застыла. Пока еще ее никто не видел. Картина, оказавшаяся перед ее глазами, чудилось, была столь же нереальна и неестественна, напоминая странную сюрреалистическую скульптуру.

Альбин негромко говорил:

— И все-таки, кто же именно тебя нанял? Говори, сука, — неожиданно высоким фальцетом взвизгнул он, на мгновения не сдержав обуревавшей его ненависти. — Ты уже покойник, понимаешь? — продолжал он более спокойным голосом. — И все же я могу весьма и весьма облегчить твою участь.

После короткой паузы Альбин процедил:

— Ты все также заботишься о своей чокнутой сестрице? Да? А представь, что с нею может произойти, если ты окажешься слишком уж непослушным? А-я-яй, какие страшные вещи иногда случаются.

Яна видела сидящего на диване крупного мужчину. После слов Альбина смертельная бледность проступила на его лице. Он сверлил взглядом собеседника, ничем не показывая, что заметил появившуюся женщину. Яна, боялась шелохнуться — в любой момент Альбин готов был выстрелить. Но пока тот продолжал свой монолог:

— Или ты все-таки никак простить мне не можешь, что тогда в тюрюгу загремел? Я же тебе столько раз объяснял, что не знал, не мог знать я об облаве. Разве послал бы тебя тогда с наркотой в другой город? Сам ведь убытки какие потерпелб едва на нары не загремел. А твою сестрицу все-таки и в то время поддерживал.

— И для поддержки ее к наркотикам без меня приучил?

Неожиданно прорезавшийся спокойный голос Игоря на мгновение ошеломил Милославскую. По тону можно было сказать, что Игорь презрительно усмехается, старательно скрывая испытываемые на самом деле чувства и переживания.

— Да ладно, — по фамильярно пренебрежительным словам Милославская, как и Игорь прекрасно поняла, что мужчина вовсе не считает данный поступок грехом. — Девчонка просто баловалась. Понимаешь, баловалась. Я бы и не позволил ей втянуться. Кто же знал, что ЛСД всего лишь за три раза приведет к подобному результату. Но ведь в конце концов, она же не умерла. А вот Олега, моего племянника ты убил.

По закаменевшему лицу секьюрити Яна поняла, что несчастье, произошедшее с сестрой он не принимает так легко, как Альбин. Глаза Игоря в этот момент сузились, а тело еле заметно напряглось. Джемма, затихшая рядом, беспокойно шевельнулась и Яна поняла, что бывший телохранитель сейчас кинется на Альбина, а тот, конечно же, выстрелит. Тогда Милославская жестом показала ожидающей Джемме, что необходимо напасть на стоящего к ним спиной человека.

Альбин также заметил, что Игорь шевельнулся. Выстрел прозвучал через мгновение после того, как мощное тело среднеазиатской овчарки всем корпусом обрушилось на спину человека с оружием. Именно это спасло Игорю жизнь. Рука Альбина дрогнула и пуля, предназначенная ему ушла вверх, войдя не в тело человека, а в потолок.

Альбин от неожиданного удара упал вниз лицом. Собака, оскалившись, грозно рычала, зажав зубами руку, в которой раньше было оружие. В мгновение ока пистолет, выпавший из ослабевшей руки, отлетел ближе к центру комнаты.

Милославская и Игорь одновременно рванулись к нему, но бывший секьюрити, видимо, благодаря своей профессиональной хватке оказался проворнее и завладел оружием первый. Яна замерла. Джемма не могла одновременно и удерживать Альбина и нападать на Игоря, поэтому она лишь глухо рычала, косясь на мужчину, но не отпуская теперь уже горла Альбина. Так что в данный момент все было в руках Милославской, а точнее она сама была во власти человека, которого считала убийцей. Яна понимала: несмотря на то, что хотя лишь обстоятельства вынудили Игоря совершить преступления и он уничтожал только тех, кто по его мнению заслуживал смерти, но в данный момент, защищая свою жизнь он способен на все. В том числе и устранить ее.

Поэтому женщина решила тянуть время, надеясь на появление Руденко. Она приказала Джемме держать альбина и ничего более не предпринимать, а сама посмотрела на Игоря, негромко проговорив:

— Я ничего тебе не сделаю. Понимаешь? Мне уже все известно, прежде всего то, что ты устранял лишь наркодельцов. Это из-за того, что произошло с твоей сестрой?

— Не только, — неподдельная горечь звучала в голосе Игоря, однако он все также держал Яну на мушке, осторожно отходя к окну. — Пройди сюда, — кивнул он Милославской и добавил: — Только не делай резких движений. И учти, если твоя псина лишь дернется или даже просто отпустит этого, — он бросил взгляд на распростертое неподвижное тело. Видимо, падая Альбин ударился головой об угол столика и теперь был без

сознания, — я сразу же выстрелю. В нее или в тебя, — помолчав добавил он.

Затем, когда Яна по его приказанию села в низкое кресло — расчет опытного человека понятен: из такого низкого мягкого кресла очень быстро встать было затруднительно, на это понадобилось бы время, Игорь продолжил разговор:

— Как ты слышала, именно из-за него я сел в тюрьму. Мы с этой скотиной, — он вновь кивнул на Альбина, — вместе выросли, учились в техникуме, вместе и в армии служили, в Афганистане. Там Юрик и вышел на наркоту. Таким путем хотел побыстрее разбогатеть. Что ж, разбогател. Теперь весь район прибрал к рукам, главный наркобарон, то же мне. А меня в темную использовал. Это же мы вместе в начале девяностых занялись автоперевозками. А он однажды и попросил машину отогнать в другой город, другу помочь, якобы.

Игорь хрипло рассмеялся и, не отводя от женщины взгляда, распахнул окно.

— Когда у машины обнаружили в багажнике второе с «белой» начинкой, я был ошеломлен, но на Юрика даже подумать не мог. Хотя, за долгие дни за решеткой все понял. Прежде всего, что он меня не в первый раз в темную использовал. А он в ногах валялся, умолял, чтобы только всю вину на себя взял. Я друга и не предал. А как вышел, обнаружил, что мою маму покойницу с сестренкой он, как и обещал, без внимания не оставлял, деньгами снабжал. Только вот сестричку, молоденькую дурочку, с такой компанией свел, в которой наркоту за милое дело почитали, ЛСД, да всякой другой дурью баловались. А последствия...

— Последствия я уже видела, и очень вам сочувствую, — тихо проговорила Яна, судорожно раздумывая, как его удержать, если перед уходом бывший секьюрити пожелает устранить лишних свидетелей.

— Тогда ты поймешь, что не только из чувства мести, но и желая устранить всю эту мерзость, хоть немного очистить город, я решил уничтожить Альбина и иже с ним, крупных поставщиков наркоты.

— Да-да, — подхватила Яна, — я так и поняла. — Он не почувствовал иронии, когда она не очень осмотрительно добавила: — Поэтому-то ты и поставил себе план — по человеку каждые шесть месяцев. Только вот с Олегом и Никитиным у тебя как-то странно получилось.

— Ну да, — не замечая прозвучавшей иронии Игорь мечтательно улыбнулся. — я все продумал и, если бы не ты, смог бы выйти сухим из воды. С Олегом же действительно получилось очень необычно. Я ведь знал, что многим рискую, а оставлять сестру без средств к существованию

никак не мог. Сама она разве способна работать? За ней уход необходим, а в я психушку ее отдавать не собираюсь. Конечно Юрик мне за телохранительство и прочие мелкие услуги неплохо платил, но я все же не брезговал и другими заказами. Ну, ты понимаешь, каким, — бросил он выразительный взгляд на женщину и улыбнулся, увидев сузившиеся глаза Яны.

Милославская убедилась в правильности своих неприятнейших предположений — раз Игорь так откровенно рассказывает о своей киллерской деятельности, то значит не собирается оставлять их в живых. Необходимо было действовать. Пока он продолжал разглагольствовать, видимо, ожидая аплодисментов и похвал от восхищенных зрителей, женщина взглядом показала не сводившей с ней глаз собаке, быть наготове.

— Всего их было три, ну а на четвертый раз со мной связался кореш, с которым мы в тюрьме огонь и воду прошли. Он знал, что у меня неплохие связи и попросил найти человека, способного уничтожить мерзавца, торгующего наркотиками и погубившего подростка, какую-то соседскую девчонку. Когда я узнал, что это оказался племян Юрика, тот самый мальчик, бывший ему вместо сына, будущий заместитель и помощник, то очень долго смеялся. Честно говоря, я тогда даже деньги почти все вернул. Выслал анонимно. Рука не поднималась — этого Сизова все равно пришлось бы устранить...

В этот момент Игорь бросил взгляд в окно, откуда прозвучали призывно-вопиющие сигналы сирены подъезжающей милицейской машины и напрягся. «Черт, — ругнулась про себя Милославская, — ну почему именно сейчас Руденко приспичило с такой помпой врываться во двор. Идиот». Все же, воспользовавшись секундным замешательством мужчины, Милославская мгновенно успела глазами показать Джемме, что необходимо срочно действовать, сама же, желая отвлечь его внимание от собаки громко произнесла:

— Мне плохо! Сердце!

Игорь с искаженным яростью лицом вскинул пистолет и выстрелил в женщину. Краем глаза он видел метнувшуюся тень собаки, но отреагировать и повернуться в ее сторону, несмотря на всю свою сноровку и опыт уже не успел. Яну спасло лишь то, что изображая сердечный приступ она, предчувствуя опасность, с кошачьей грацией и обычно несвойственной ей скоростью скользнула на пол, делая вид, что падает в обморок. Пожалуй, и этот маневр не спас бы ееб так как реакция Игоря все же оставалась молниеносной и второй выстрел прозвучал практически через секунду.

Вот только Яна с удивлением обнаружила, что темное пятно набухает на белоснежной рубашке бывшего секьюрити. Игорь уже лежал на полу, опрокинутый подскочившей собакой. «Откуда же кровь? — металась в голове Яны, не успевшей осознать прокрутившиеся словно по ускоренной пленке события, мысль. — Откуда?»

Ей казалось, что события, сперва разворачивающиеся слишком быстро, теперь замедлились. Привстав, она увидела очнувшегося Альбина, ликующе взирающего на дело рук своих. В руке у него был другой, маленький, словно игрушечный пистолетик.

Конечно, как никогда вовремя, в дверях раздался топот и появился Руденко в сопровождении своих ребят.

«Все. Занавес. С меня достаточно!» — устало подумала Милославская откинув голову и закрыв глаза.

* * *

Яна сидела в кабинете Руденко, с наслаждением затягиваясь очередной сигаретой.

— Мы же не для протокола беседуем, да? — усмехнулась она, выпуская картинные колечки дыма. — А то меня твои следователи уже измучали. Устала одно и то же повторять.

— Какой протокол! Ну тебя. И как ты только во все это влезла? — болезненно поморщился Руденко с некоторым любопытством поглядывая на представшую в новом свете подругу. Всякий раз, когда она только оказывала определенное содействие следствию, а точнее раскрывала убийство, казавшееся Руденко безнадежным висяком, лейтенант изумлялся ее способностям и возможностям, хотя из гордости и старался скрыть свои чувства.

Он прекрасно понимал, что если бы только принялся официально копать под таких людей, как Альбин, Никитин, то вся информация тут же попала бы именно к ним. В таком случае либо ему заткнули бы рот официальным путем, либо все концы скрылись бы в воду так, что не подкопаешься.

— Я никогда не позволяла обстоятельствам победить меня, — усмехнулась Яна. Это фраза, несмотря на избитость, действительно довольно метко характеризовала ее многогранную натуру, способную через все препятствия и преграды пробиться к истине.

— Ладно, за победу, — лукаво сощурил глаза лейтенант, оценив шутку.

Он извлекал в этот момент и расставлял с проворством карточного шулера, сдающего колоду, добытую неведомо откуда бутылку любимого портвейна и два стакана. Временами, а точнее очень часто, грузная фигура и некоторая, порой нарочитая медлительность наводила на мысли, что Руденко неуклюж и малоподвижен. Но Яна прекрасно знала, что порой он бывает очень ловок. Она меланхолично, а точнее устало, подняла бокал, как бы салютуя старому другу и отпила маленький глоток. Так хотелось расслабиться и забыть о столь трудных днях, часах и минутах. Но пока Яна решила сделать уступку и удовлетворить любопытство Руденко.

— Обстоятельства, — проворчал лейтенант, широким жестом вытирая пышные пшеничного цвета усы и одобрительно поглядывая на опорожненный им стакан. — Так как же ты разнюхала всю их сеть пор распространению наркотиков?

— Случайно, Сеня, случайно. — Яна не собиралась тратить уйму времени, разясняя все в подробностях. — Ничего сложного — стоило лишь понять, что Альбин стоит во главе, а свое предприятие использует для переправления наркотиков и все становится ясно.

— Ну а про клинику? Вот уж не подумал бы, что там одной рукой лечат, другой калечат.

— Здесь все было завязано на Никитине. А помогал ему главврач, да санитар один, главные подельники. Именно к этому санитару Игорь, убийца, и вез тогда Никитина, намериваясь устранить сразу двоих.

— Почему же не получилось?

— Из-за моего вмешательства. Кроме того, Никитин кое-что в последний момент заподозрил — Игорю пришлось нейтрализовать его ударом, лишь затем вводить наркотик.

— А, кстати, когда обыскивали эту клинику для лечения богатеньких наркоманов и фирму по автоперевозкам, много нашли?

— Они все продумали, — на удивление уважительно отозвался о работниках отдела по борьбе с распространением наркотиков Руденко. Пару машин этой фирмы выследили и в нужный момент обыскали — при них наркота упрятана была из Южно-Казахстанских областей вывоз наладили. Ты была права — в поддельных произведениях искусства прятали. У них там своя мастерская была — изделия эти изготавливали, да начинкой снабжали. А Альбин здесь, попутно, подделки за подлинники сбывал. Но ты хорошо подсказала. Не знали бы, где искать, ни за что не обнаружили. А в клинике наркоту хранили и переправляли под руководством Никитина.

— Да, — Яна лениво зевнула. — Он из комы-то вышел?

— Нет еще, но прогноз врачей весьма оптимистичен.

— А санитару посадили, это я знаю, меня на опознание водили.

— Вот-вот. Как ты все просекла? — Руденко рассмеялся звучным, раскатистым басом, наливая себе полный стакан в честь завершения рабочего дня.

Яна не стала отвечать на данный риторический вопрос. Вздохнув, она лишь проговорила:

— Печально, если Иннокентий уйдет.

— А он-то тут при чем?

Данные подробности, касающиеся отдела по борьбе с распространением наркотиков, лейтенанту еще не были известны.

— Еще как при чем. Именно он помогал здешним наркодельцам поддерживать связь с Москвой. Да и подделки переправлял в Москву на продажу именно этот шустрый деятель. Хотя, мне кажется, что ваши люди взяли его на заметку, просто пока не знают, как к делу притянуть и где доказательства раздобыть. Хотяб может быть, им эта рыбка и не по зубам.

— Ну ладно, наркота — не моя специальность, а вот убийцу мы с тобой нашли ловко, — самодовольно добавил Руденко, прервав яну на полуслове.

Руденко уже совершенно бессознательно и искренне верил в то, что не Яна разыскала ему убийцу, а все было проделано лишь благодаря его стараниям. Женщина усмехнулась про себя, но поправлять не стала.

— И не жалко тебе было этого Игоря? — со странным любопытством проговорил лейтенант. — Он-то себя считает борцом за правое дело. Очистителем города.

— Жалко, не жалко, — пожала плечами Яна. — Конечно, город тебе от наркодельцов ненадолго очистили. Сам знаешь, свято место пусто не бывает. Но я, наверное, пацифистка и таких мер не принимаю. Убийство — страшная вещь, непозволительная и недопустимая. Цель не оправдывает средства.

Яна прекрасно понимала: подобные соображения и разглагольствования лишены логики и смысла. Но есть ли хоть какая-то логика, какой-то смысл в кроваво и бесполезной жестокости совершенных палачом убийств? Где-то она читала: человек никогда не бывает столь откровенен, а порой и благороден, как в минуту осознаваемой и ожидаемой им смерти. Быть может, никто никогда просто не верит полностью в собственный уход, в свою смерть. Между нами и смертью до последнего мгновения остается ниточка надежды. И никто никогда не имеет права обрывать эту ниточку, уничтожать эту надежду.

— Но вот как тебе удалось завалить этих, из правительства города, — ворвались в ее мысли рассуждения и восторги Руденко. — Этого Альбина же и не только Никитин покрывал, но и еще кто-то из ментовки, начальство.

Яна пожала плечами. Она не очень-то удивлялась легкости, с которой приняли все ее показания и даже предприняли необходимые оперативные действия. Руденко и сам понимал, что это не просто так — кто-то сверху, прекрасно понимающий, что творится в городе, решил сдать этих засветившихся людей в качестве подачки. И Милославская догадывалась, чье содействие оказалось решающим — Сизов больше всего боялся, оказаться замешанным тем или иным образом в преступлениях. Вот он и выбрал легкий путь — потопить своего шурина со всеми его поделчиками в обмен на обещание правоохранительных органов нигде не упоминать его фамилии.

— Каждый народ имеет такое правительство, которое имеет его, — с глубокомысленным видом проговорил приевшуюся уже пошлость Руденко, сам же довольно расхохотавшись над провозглашенным афоризмом. Яна только недовольно поморщилась, подобные двусмысленности ее ничуть не восхищали. Отсмеявшись, Руденко продолжил:

— Ну и накрутилось. И киллер этот, доморощенный, и наркомафия, все в куче. Значит, он решил переубивать всех приспешников Альбина. Еще и так символично — наркотик им вводил. А про какого скорпиона ты там рассказывала? Никакой татуировки мы не нашли.

Яна промолчала. От сестры Игоря она уже узнала, что у киллера была небольшая татуировка, сделанная в тюрьме. Вот только незадолго до начала событий, в которых Яна и приняла участие в качестве сыщика, будущий киллер почему-то решил уничтожить отметину, устранить все свои татуировки, забив их в профессиональном салоне краской телесного цвета. И денег не пожалел и боли не побоялся. Словно предчувствовал, роковую роль в его судьбе этого скорпиона. Но о своих видениях Милославская в милиции не рассказывала, лишь раз упомянув о татуировке при лейтенанте. Но тот, по всей видимости, запомнил.

Кроме того Яна не углублялась в беседах с представителями правопорядка и в еще один аспект этого скользкого дела. Она не собиралась рассказывать кому-либо о Тихоновой и Анне, женщинах, заказчицах убийство Олега. Того самого убийства, с которого для Милославской все и началось. Игорь теперь об этом не поведает, посаженный Альбин вряд ли вспомнит, да и мало кто ему поверит, если Яна станет все отрицать. Между тем, в этом отношении женщина не считала подобное утаивание

информации грехом. Все-таки Игорь вернул Тихоновой практически всю сумму, оставив себе лишь чисто символическую плату за труды. А значит настоящего заказа на убийство, можно сказать, почти и не было.

— Удивляюсь только, — все разглагольствовал Руденко, окончательно так и не разобравшись в душе с этим делом. — Как Альбин, такой крутой наркоделец, позволил своему племянничку светиться с этим мелким барыжничеством. У них же подобное не принято.

— А он и не знал о подпольной деятельности Олега. Мальчику просто не терпелось, получать большие деньги уж больно желал поскорее. Самостоятельным стать.

— Да... Идиоты, — неожиданно резюмировал лейтенант разливая остатки портвейна по стаканам и со вздохом убирая пустую бутылку.

— Ну что ж. — Милославская пожалала плечами. — В таком случае можно сказать лишь: *voilà — tout fini*, то есть «все кончено», — перевела тут же она, с усмешкой глядя на недовольно нахмурившегося Руденко, не любившего, когда Яна проявляла свою эрудицию и лингвистические познания.

Милославская уже собралась уходить: встала и даже взялась за ручку двери, намериваясь открыть ее, когда неожиданно обернулась к Руденко:

— А тебе не кажется, что это очень символично? — слабая улыбка скользнула по ее губам и исчезла, не сумев зажечь даже искорки в серьезных и немного погрустневших глазах.

— Что именно? — опешил Руденко.

— Игорь выбрал как символ мести знак скорпиона. Я имею в виду его татуировку. И как скорпион он погубил не только тех, кого задумал уничтожить, но и самого себя.

— Но ведь, его убил Альбин, разве не так? Почему это он погубил себя? — тупо спросил Руденко, не понимая Яну и глядя на нее, как на сумасшедшую.

Яна лишь улыбнулась в ответ и вышла. Она вовсе не собиралась рассказывать Руденко о том, что, если бы хотел, Игорь вполне успел бы выстрелить в своего шефа и скрыться. Но ситуация, подстроенная Яной, подсознательно его все же устраивала. Именно поэтому он так затягивал до последнего, рассказывая Яне о деталях и намерениях своей преступной, темной стороны жизни. Он знал, что, погибнув, отомстит Альбину так, как не сумел бы сделать простым выстрелом или уколом. Потеря всего — свободы, власти, денег продлит мучения Альбина, превратив его жизнь в ад. В тот самый ад, каким стало существование самого Игоря, попавшего по вине Альбина в тюрьму.